929
Л 65

ДМИТРИЙ
СЕРГЕЕВИЧ

ЛИХАЧЕВ

Раздумья

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда Дмитрий Сергеевич покинул жизнь земную, кто-то написал в одной из газет: «Умерла Совесть России». Книга, точнее небольшая книжка, которую Вы открываете, не только взывает к совести, но очень простыми и доходчивыми словами объясняет нам ещё живущим на земле, на Руси, что может дать человеку культура, что скрывается за понятиями патриотизм и национализм. Д. С. Лихачев, познавший в своей жизни все, тем не менее отмечает, что «жизнь человека — это не отдельные события, связывающиеся в незакономерную последовательность, а своего рода организм, биографическое целое». Неслучайно книга выпущена именно в издательстве «Детская литература», ибо её содержание обращено в тем, кто делает ещё неуверенные шаги на пути длинною в жизнь.

- Дмитрий Сергеевич Лихачев
  - К моим читателям
  - Я вспоминаю…
  - Нравственные вершины
  - О поле, поле…
  - Город на земле
  - Дизайн
  - Словесный мир в «цвете»
  - И ветви, и корни
  - Пути, оставленные нам
  - Дано судьбой
  - Освободить свое время от пустяков
  - Десять заповедей человечности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Дмитрий Сергеевич Лихачев
Раздумья

К моим читателям

Человек должен жить в сфере добра. Эта сфера добра в значительной степени создается им самим. Она создается из его добрых дел, добрых чувств, добрых воздействий на окружающую среду, памяти на добро.

Злое дело забывается быстрее, чем доброе. Может быть, это происходит оттого, что вспоминать хорошее приятнее, чем злое? Конечно, приятнее! Но дело и в другом. Зло — бродит общество. Оно «сепаратно» по своей природе. Добро же социально в широком смысле этого слова. Оно соединяет, объединяет, роднит. Оно вызывает симпатию, дружбу, любовь. Поэтому злые объединения недолговечны. Они основываются на общности временных интересов.

«Волчья стая» рано или поздно кончается дракой волков.

Объединение же на почве доброго дела, добрых чувств живет даже тогда, когда завершено само доброе дело, послужившее причиной его создания. Доброе объединение живет в душах людей даже тогда, когда завершена и забыта практическая необходимость объединения.

Добро выше практической нужды!

И вот тут обратим внимание на одну черту сферы добра. Она плотнее связана с традициями родной культуры, с культурой человечества вообще, с прошлым и будущим. Сфера добра большая. Она прочная, хотя и труднее достигается, чем формируется сфера зла. Сфера добра ближе к вечности.

Вот почему сфера добра требует от каждого из нас внимания к истории — своей и мировой, к культурным ценностям, накопленным всем человечеством, с ценностями гуманитарными в первую очередь.

Изобразительное искусство, литература, музыка, архитектура, градостроительство и природный ландшафт, созданный одной природой или природой в союзе с человеком, — изучение всех этих гуманитарных ценностей умножает, укрепляет, повышает нравственность отдельного человека и всего общества.

А без нравственности не действуют социальные и экономические, исторические и любые другие законы, которые создают благосостояние и самосознание человечества.

И в этом огромный практический результат «непрактического» по своей природе добра.

Вот почему дело каждого в отдельности и всех вместе — приумножать добро, хранить традиции, знать и ценить историю

свою, родную, и всего человечества.

Я вспоминаю…

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Я родился в среднеинтеллигентской семье. Мой отец был инженер-электрик, добившийся высшего электротехнического образования только благодаря своей энергии и работоспособности. Уже в старших классах реального училища он зарабатывал себе на жизнь репетиторством, а в студенческие годы — и преподаванием в реальном училище Шкловского, отца известного литературоведа В. Б. Шкловского.

Известную роль сыграло для меня увлечение моих родителей Мариинским балетом, а затем озорная и увлекательная атмосфера артистической молодежи в дешевой дачной местности, под Петербургом — Куоккале. Имена многих знаменитых художников, актеров, писателей, живших в Куоккале или только посещавших ее, были для меня живыми и повседневными.

Многим в своем воспитании я обязан школам, в которых учился. В старшем приготовительном классе я учился в гимназии Человеколюбивого общества на Крюковом канале.

ГИМНАЗИЯ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. И. МАЯ

В 1915 году я поступил в Гимназию и реальное училище К. И. Мая на 14-й линии Васильевского острова. К этому времени мой отец получил в заведование электрическую станцию при Главном управлении почт и телеграфов и казенную квартиру при этой станции. День и ночь квартира наша содрогалась от действия паровой машины. Сейчас этой станции и в помине нет. Двор пустой, нет и нашей квартиры. Но тогда посещение станции доставляло мне большое удовольствие. Громадное колесо вращалось поршнем, оно блестело от масла, было необычайно красивым.

В школу Мая мне надо было ездить на трамвае, но пробиться в трамвай было чрезвычайно трудно: площадки были заполнены солдатами («нижними чинами», как их называли). Им разрешалось ездить бесплатно, но только на площадках вагонов.

Жили мы рядом с Конногвардейским бульваром, и я наслаждался тогда вербными базарами, где можно было потолкаться около букинистических ларьков, купить народные игрушки и игрушки специально вербные (вроде чертей на

булавках для прикалывания к пальто, акробатов на трапециях, «тещиных языков» и пр.), полакомиться вербными кушаньями. Вербная неделя была лучшей неделей для детей в старом Петрограде, и именно здесь можно было почувствовать народное веселье и красоту народного искусства, привозимого сюда из всего Заонежья.

Ведь Петербург-Петроград не только стоял лицом к Европе, что ощущалось прежде всего в его пестром населении (немцы, французы, англичане, шведы, финны, эстонцы наполняли собой и школу К. И. Мая), но за его спиной находился весь Русский Север с его фольклором, народным искусством, народной архитектурой, с поездками по рекам и озерам, близостью к Новгороду и пр.

Гимназии и реальном училище К. И. Мая написано много. Не буду повторять всего того хорошего, что о школе уже сообщалось, отмечу только, что школа эта сыграла большую роль в моей жизни. Я чувствовал себя там прекрасно и, если бы не трудности дороги, не мог бы и желать лучшего.

Я взрослел и был как раз в таком возрасте, когда особенно тяжело переживаются военные неудачи. Обсуждение военных неудач и всех возмутительных неурядиц в правительстве и в русской армии занимали изрядное место в вечерних семейных разговорах, тем более что все происходившее было как будто тут же, рядом. Распутин появлялся в ресторанах и домах, которые я видел, мимо которых гулял; солдат обучали совсем рядом на любой свободной площади; спектакли начинались с томительного исполнения всех гимнов союзных России держав и прежде всего с бельгийского гимна «Барбансон». Национальное чувство и ущемлялось, и подогревалось. Я жил известиями с театра военных действий, слухами, надеждами и опасениями.

Школа К. И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. Класс был разношерстный. Учились и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и сын швейцара. Преподаватели тоже были разные. Старый майский преподаватель М. Г. Горохов обучал нас два года перспективе почти как точной науке; преподаватель географии изумительно рассказывал о своих путешествиях и по России, и за границей, демонстрируя диапозитивы; библиотекарь умела порекомендовать каждому свое. Я вспоминаю те несколько лет, которые я провел у Мая, с великой благодарностью. Даже почтенный швейцар, который приветствовал нас по-немецки, а прощался по-итальянски, учил нас вежливости собственным примером, — как много все это значило для нас, мальчиков!

Учителя не заставляли нас выдавать «зачинщиков» шалостей,

разрешали на переменах играть в шумные игры и возиться. На уроках гимнастики мы главным образом играли в активные игры — такие, как лапта, горелки, хэндбол (ручной мяч).

На школьные каникулы выезжали всей школой в какое-то имение на станцию Струги-Белые по дороге на Псков.

Мы выпускали разные классные журналы и даже писали и размножали собственные сочинения в духе повестей Буссенара и Луи Жаколио без преподавательского надзора.

Я жалею, что не мог ходить на все вечерние занятия и школьные кружки, — уж очень трудная была дорога в переполненных трамваях.

УРОКИ РИСОВАНИЯ

Уроки рисования в школе Мая вел наш классный наставник Михаил Григорьевич Горохов. Он всегда входил в класс серьезный, как бы «выполняющий высокий долг» (а долг его и в самом деле был высоким). Часто читал нам нотации. Учил нас корректности в обращении друг с другом, манере держаться. Помню, что ставил нам в пример учеников старших классов, в частности ученика старших классов Игоря Ивановича Фомина, впоследствии архитектора.

Но самыми удивительными были уроки рисования М. Г. Горохова. Два года мы проходили с ним перспективу. По его проекту был создан в новом здании школы Мая кабинет для уроков рисования. Там были удобные пюпитры, на которые мы накалывали бумагу для рисунков. Со всех мест было хорошо видно натуру, а натура состояла для уроков перспективы главным образом из проволочных каркасов. Перспектива была точнейшая наука, учившая нас думать. Уроки перспективы были сродни урокам геометрии. С тех пор я умею замечать ошибки в перспективе.

И вместе с тем уроки рисования были уроками труда, ручного труда, они учили уметь работать руками. Даже стирать резинкой неверно нанесенную карандашную линию надо было уметь. И этому Михаил Григорьевич нас тоже учил. А что стоили походы с ним на выставки, хотя принимать участие в этих походах мне приходилось редко.

УМНЫЙ «РУЧНОЙ ТРУД»

В годы первой мировой войны в школе Мая был введен урок

ручного труда. Чем это диктовалось, я не знаю. Но воспитательное значение он имел очень большое.

Сравнительно молодой столяр говорил нам: «Когда работаешь, надо думать». Я это запомнил. Он учил нас, как без гвоздей делать различные деревянные поделки — полки, рамки, табуретки, как делать различные сочленения, чтобы вещь крепко держалась без гвоздей, как выбирать дерево для работы, как обходить сучки, как работать рубанком, полировать. Закончив один какой-то прием, мы переходили к другому.

«Ручной труд», так назывался урок, был уроком творчества. От менее сложных приемов мы переходили к более сложным. И хотя в классе было много детей работников отнюдь не ручного труда — уроки эти нам нравились. Единственное, что нам мешало, это то, что нас было много: человек двадцать, а нашему преподавателю надо было показывать каждому в отдельности.

Объяснив нам всем приемы работы, преподаватель ручного труда подходил к каждому из нас (верстаков и столярных инструментов было много) и каждому показывал отдельно — как держать инструмент, как им работать. Многие, конечно, понимали не сразу, стояли и ожидали, пока к ним подойдет наш милый интеллигентный рабочий-столяр.

Ручной труд был трудом умственным и давал нам радость овладения новым.

Само собой, что сделанные нами полочки, коробочки и скамейки мы уносили домой, и сделанным нами гордилась вся семья.

ВНЕШНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Ни моя семья, ни я, одиннадцати-двенадцатилетний мальчик, разумеется, ничего толком не понимали, что происходит, и происходит почти на наших глазах, так как жили мы на Новоисаакиевской улице вблизи Исаакиевской площади. Семья слабо разбиралась в политике.

Когда в первые дни февральской революции «гордовики» (так называли в Петрограде городовых) захватили вышку Исаакиевского собора и чердаки гостиницы «Астория» и оттуда обстреливали любую собиравшуюся толпу, мои родители возмущались «горловиками» и боялись приблизиться к этим местам. Но когда «гордовиков» стащили с их позиций и разъяренная толпа убивала их, родители возмущались жестокостью толпы, не особенно входя в дальнейшее обсуждение событий.

Когда мы с отцом ходили на Невский, чтобы посмотреть на полки, непрерывно и, по-видимому, без особой цели маршировавшие под оркестры, звуки маршей поднимали нам настроение, но когда эти же полки шли нестройными рядами, мы огорчались, ибо помнили, с каким блеском шел до войны Конногвардейский полк по воскресеньям в свою полковую Благовещенскую церковь, с каким балетным искусством вышагивал впереди командир полка — полковник из русских немцев, как блестели кирасы и каски, как лихо крутил палку тамбурмажор перед оркестром.

Да и до революции, когда мы с отцом гуляли по Большой Морской и видели, как строят дом и носят тяжести на своих спинах обутые в лапти (чтобы не скользить) крестьяне, приехавшие в город на заработки, я почти задыхался от жалости и вспоминал с отцом «Железную дорогу» Некрасова. То же самое происходило на любой набережной в местах, где разрешалось разгружать барки с кирпичом и дровами. Здоровые катали, чтобы взобраться по узким доскам, перекинутым с бортов барж на набережную, вкатывали быстро-быстро, не останавливаясь, свои тачки с тяжеленным грузом. Мы жалели каталей, старались представить себе, как они живут в отрыве от семей на этих барках, как замерзают по ночам, как тоскуют по своим детям, ради которых они, в сущности, и зарабатывали свой хлеб тяжелым трудом. Но когда эти же бывшие грузчики и носильщики, мастеровые и мелкие служащие пошли по бесплатным билетам на балет в Мариинский театр и заполнили собой партер и ложи, родители жалели о былом бриллиантовом блеске голубого Мариинского зала. Единственное, что на тех представлениях радовало родителей, — это то, что балерины танцевали не хуже, прежнего. Спесивцева и Люком были так же великолепны, раскланивались перед новой публикой так же, как и перед старой. А ведь как это было замечательно! Какой урок уважения к новому зрителю давал нам всем тогдашний театр!

ЖИЗНЬ В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

Отец был рад и горд, когда рабочие электрической станции в Первой государственной типографии (теперь это Печатный Двор) выбрали его своим заведующим. Мы переехали с Новоисаакиевской в центре Петрограда на казенную квартиру при типографии на Петроградской стороне. Это была осень 1917 года. События Октябрьской революции оказались как-то в стороне от меня. Я их плохо помню.

Жизнь в типографии меня во многом воспитала. Типографии я обязан своим интересом к типографскому делу. Запах свежеотпечатанной книги для меня и сейчас — лучший из ароматов, способный поднять настроение. Я свободно ходил по типографии, знакомился с наборщицами, носившими длинные волосы (прическа эта называлась «марксистка»), часто писавшими стихи, считавшими себя среди рабочих интеллигентами и гордившимися своей работой. Отец постепенно стал специалистом по типографским машинам. Вскоре после революции для типографии были закуплены за рубежом новые печатные машины, в которых отец один и смог разобраться.

Типография имела большой театральный зал, где для рабочих и служащих выступали лучшие певцы и актеры города и даже однажды происходил публичный диспут на тему: «Есть бог или нет» между А. В. Луначарским и митрополитом Александром Введенским… Помню парадоксы того времени: толпа верующих после диспута хотела побить именно митрополита, и отец по просьбе начальства спасал его через нашу квартиру, выведя на другую улицу через наш черный ход.

Жизнь в типографии многому меня научила, многое раскрыла, объяснила. Но может быть, не последнюю роль сыграло и то, что на некоторое время отец получил на хранение библиотеку директора ОГИЗа — небезызвестного в тогдашних литературных кругах Ильи Ионовича Ионова. В его библиотеке были эльзевиры, альдины, редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы. Библия Пискатора, роскошнейшие юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, книги из библиотеки Феофана Прокоповича, множество книг с автографами современных писателей (запомнились письма-надписи на сборниках стихов С. Есенина, А. Ремезова, А. Н. Толстого и т. д.). Получил отец в подарок и некоторые вещи — посмертную маску, снятую Манизером с Александра Блока. (Маска эта пропала.)

Библиотека была получена нами при следующих обстоятельствах. У нас была на Печатном Дворе огромнейшая казенная квартира, по которой мы с братом катались даже на велосипеде. И. И. Ионов получил назначение торгпредом в США и, зная честность отца, наличие у него большой квартиры, свез основную часть своей библиотеки к нам. Возвратился Ионов уже не в Ленинград, а в Москву. Отец немедленно по возвращении его погрузил все книги в контейнеры и отправил их в Москву.

Несколько лет существования великолепной библиотеки в

нашей квартире не прошли для меня даром. Я рылся и рылся в ней, читал, смотрел, любовался изданиями и рукописями, гравюрами и фотографиями с памятников искусства. Мне не хватало образования, иначе я еще больше смог бы получить для себя от этой необыкновенной библиотеки. На многое я просто не обратил внимания.

Сам И. И. Ионов не имел систематического образования. В Одессе, еще гимназистом, он был арестован царским правительством и получил пожизненное заключение, которое и провел в Шлиссельбургской тюрьме, откуда вышел глубоко больным человеком и с невероятными провалами в образовании, за что над ним насмехались многие, не зная, что при всем этом он был начитан в самых неожиданных областях, так как имел возможность в тюрьме получать книги.

ШКОЛА ЛЕНТОВСКОЙ

Первое время после переезда в казенную квартиру на Петроградской стороне я продолжал учиться в школе Мая. В ней я пережил самые первые реформы школы, переход к трудовому воспитанию, к совместному обучению мальчиков и девочек (к нам в школу перевели девочек из соседней школы Шаффе) и т. д. Но ездить в школу в переполненных трамваях стало совершенно невозможно, ходить пешком — еще труднее, так как сложности в тогдашнем Петрограде с едой были страшными. Меня перевели поблизости в 190-ю советскую трудовую школу имени Лентовской на Плуталовой улице Петроградской стороны. И снова я попал в замечательное училище.

Сравнительно со школой Мая «Лентовка» была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась спустя несколько лет после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральный антрепренер Лентовская, дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей левонастроенные интеллигенты. У директора — Владимира Кирилловича Иванова — в его кабинете была библиотечка революционной марксистской литературы, из которой он секретно давал читать книги заслуживающим доверия ученикам старших классов.

Между учениками и преподавателями образовалась тесная связь, дружба, «общее дело». Учителям не надо было наводить

дисциплину строгими мерами. Учителя могли постыдить ученика, и этого было достаточно, чтобы общественное мнение класса было против провинившегося, и озорство не повторялось. Нам разрешалось курить, но ни один из аборигенов школы этим правом не пользовался.

Об одном из преподавателей этой школы — Леониде Владимировиче Георге — я написал в отдельном очерке. Но мог бы написать и о многих других: Александре Юльевиче Якубовском (нашем преподавателе истории, будущем известном востоковеде), Татьяне Александровне Ивановой (преподавателе географии) и о многих других.

Школа была близко, и я постоянно посещал различные кружки, главным образом кружки литературы и философии, в занятиях которых принимали участие и многие «взрослые». Об одном из таких участников наших кружков — Евгении Павловиче Иванове, друге Александра Блока, — я немного написал в статье «Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь; улица, фонарь, аптека…».

Один летний месяц имел огромное значение для формирования моей личности, моих интересов и, я бы сказал, моей любви к Русскому Северу: школьная экскурсия в 1921 году по Мурманской железной дороге в Мурманск, оттуда на паровой яхте в Архангельск вокруг Кольского полуострова по Белому морю, на пароходе по Северной Двине до Котласа и оттуда по железной дороге в Петроград.

Эта двухнедельная школьная экскурсия сыграла огромную роль в формировании моих представлений о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы.

Путешествовать по родной стране нужно как можно раньше и как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают добрые отношения с учителями и вспоминаются потом всю жизнь.

О РИСОВАНИИ В ШКОЛЕ ЛЕНТОВСКОЙ

В Гимназии и реальном училище К. И. Мая, где я учился в 1915–1918 годы, был замечательный преподаватель рисования — Михаил Григорьевич Горохов, я уже об этом говорил. Когда родители перевели меня в школу Лентовской, преподавателем рисования у нас стал Павел Николаевич Андреев — брат писателя Леонида Андреева. Его методика преподавания была совсем другой. В классе, где стояли большие столы, он раздал нам огромные куски обоев и на обратной, белой стороне их предложил писать толстыми кистями «вольные композиции»:

зиму, лето, весну, осень. Не помню, какое время года выбрал я, но отчетливо помню, как он подошел ко мне и сказал: «Ну вот, небо непременно синее! А Вы (к ученикам в то время обращались уважительно) попробуйте нарисовать его светло-зеленым, светло-розовым. Ведь и снег не бывает чисто белым». Я закрасил небо светло-зеленой краской и только тут впервые прикоснулся к тому — что такое живопись.

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Леонид Владимирович Георг принадлежал к тем лучшим старым учителям словесности в наших гимназиях и реальных училищах XIX и начала XX веков, которые были подлинными «властителями дум» своих учеников и учениц, окружавших их то серьезной любовью, то «девчоночьим» обожанием.

Именно эти старые учителя словесности формировали не только мировоззрение своих учеников, но воспитывали в них вкус, добрые чувства к народу, интеллектуальную терпимость, интерес к спорам по мировоззренческим вопросам, иногда интерес к театру (из московских театров Леонид Владимирович любил Малый театр), к музыке.

Леонид Владимирович обладал всеми качествами идеального педагога. Он был разносторонне талантлив, умен, остроумен, находчив, всегда ровен в обращении, красив внешне, обладал задатками актера, умел понимать молодежь и находить педагогические выходы в самых иногда затруднительных для воспитателя положениях.

Расскажу об этих его качествах.

Его появление в коридоре, на перемене, в зале, в классе, даже на улице было всегда заметно. Он был высок ростом, с лицом интеллигентным и чуть насмешливым, но при этом добрым и внимательным к окружающим. Белокурый, со светлыми глазами, с правильными чертами лица, он сразу привлекал к себе. На нем всегда хорошо сидел костюм, хотя я никогда не помню его в чем-либо новом: времена были тяжелые (я учился у него в 1918–1923 годах), и где было взять это новое на скромное учительское жалованье!

Мягкость и изящество в нем доминировали. Ничего агрессивного не было и в его мировоззрении. Ближе всего он был к Чехову — его любимому писателю, которого он чаще всего читал нам на своих «заместительских уроках» (то есть уроках, которые он давал вместо своих часто хворавших тогда товарищей-педагогов).

Эти «заместительские уроки» были его маленькими шедеврами. Он приучав нас на этих уроках к интеллектуальному отношению к жизни, ко всему окружающему. О чем только не говорил он с нами на них! Он читал своих любимых писателей: по преимуществу я помню его чтение «Войны и мира», пьес Чехова («Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад»), рассказов Мопассана, былин «Добрыня Никитич» и «Соловей Будимирович» («Добрыню Никитича» Леонид Владимирович читал и на родительском собрании для родителей — их он также «воспитывал»), «Медного всадника», «Жизнь Званской…» Державина… Всего не перечислишь.

Леонид Владимирович приходил в класс с французскими текстами и показывал нам, как интересно учить французский язык: он разбирал рассказы Мопассана, рылся при нас в словарях, подыскивал наиболее выразительный перевод, восхищался теми или иными особенностями французского языка. И уходил из класса, оставляя в нас любовь не только к французскому языку, но и к Франции. Стоит ли говорить, что все мы после этого начинали, как могли, изучать французский. (Это было весной, и помню, что я все лето потом занимался только французским…)

На иных из своих «заместительских уроках» он рассказывал нам о том, как слушал народную сказительницу Кривополенову, показывал, как она пела, как говорила, как делала во время пения свои замечания. И мы вдруг начинали понимать эту русскую бабушку, любить ее и завидовали Леониду Владимировичу, что он ее видел, слышал и даже разговаривал с ней.

Но самыми интересными темами «заместительских уроков» были темы о театре. Еще до выхода в свет знаменитой книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» Леонид Владимирович рассказывал нам о теории Станиславского, последователем которой он был не только в своей актерской практике, но и в педагогике. Его рассказы о постановках и знаменитых актерах как-то органически переходили в занятия по той или иной пьесе, которую он великолепно ставил с учениками в школе. «Маленькие трагедии» Пушкина были его огромным успехом, не только как педагога, не только как великого режиссера (я не побоюсь назвать его именно «великим»), но и как художника-декоратора. Вместе с помогавшими ему учениками он создавал из цветной бумаги необычайно лаконичные декорации к своим постановкам. Помню в «Каменном госте» черные или какие-то очень темные (зеленые? синие?) кипарисы, в виде остроконечных конусов, белую колонну в каком-то интерьере, тоже вырезанную из бумаги, которую мой отец добывал ему из «отходов» на Печатном Дворе, где мы тогда жили.

Помню, как он воспитывал в своих учениках актеров. Это был именно его прием — прием режиссера-воспитателя. Он заставлял своих актеров носить костюм роли в обыденной жизни. На уроках сидел Дон Гуан, загримированный, в испанском костюме и со шпагой, сидела Дона Анна в длинном платье. А на переменах они гуляли и даже бегали, но только так, как должны были бы бегать Дон Гуан или Дона Анна в какой-то сложной воображаемой ситуации (актер должен был играть все время, но если он хотел порезвиться или сделать что-либо необычайное для своей роли, он обязан был придумать мотивировку, создать себе соответствующую «ситуацию»). Носить платье Леонид Владимирович учил прежде всего. Прежде, чем входить в роль. Актер должен был чувствовать себя совершенно свободно в плаще, в длинной юбке, свободно играть шляпой, уметь ее небрежно бросить на кресло, легко выхватить шпагу из ножен. Незаметно Леонид Владимирович следил за таким костюмированным учеником и умел его поправить одним или двумя замечаниями, сделанными всегда тактично и с не обидным юмором.

Леонид Владимирович был поклонником психолога Джемса. Помню, как хорошо объяснил он нам положение Джемса: «Мы не оттого плачем, что нам грустно, но потому грустно, что мы плачем». И это положение он сумел применить в своей педагогической практике. Одному крайне застенчивому мальчику он предложил изменить походку. Сказал ему, чтобы он двигался быстрее, делал шире шаги и непременно размахивал руками, когда ходил. Встречая его на перемене, он часто говорил ему: «Машите руками, машите руками». Кстати, он обращался к ученикам на «вы», как это было принято в старых гимназиях, и редко отступал от этого правила.

Он воспитывал в своих учениках самоуважение и требовал от них уважения к другим, к своим товарищам. Разбирая какое-нибудь происшествие в классе, он никогда не требовал, чтобы ему выдали зачинщика или виновника. Он добивался того, чтобы провинившийся сам назвал себя. Выдать товарища было для него недопустимым, как, впрочем, и для всех хороших педагогов старого времени.

Когда я учился в Лентовке, у Леонида Владимировича был тенор. Впоследствии у него «открылся» баритон, и, по общему мнению, довольно хороший. В те времена почти в каждом классе стоял рояль, из реквизированных у «буржуев». Леонид Владимирович подходил к роялю и показывал нам на нем то особенности музыкального построения фраз у Чайковского, которого он очень любил (в те времена было модно не любить

Чайковского, и Леонид Владимирович посмеивался над этой претенциозной модой), то тот или иной мотив былины (помню, как он пел зачин к былине «Соловей Будимирович», рассказывая об использовании этой былины в опере «Садко» Н. А. Римского-Корсакова).

С дурными привычками или с безвкусицей в одежде учениц Леонид Владимирович боролся мягкой шуткой. Когда наши девочки повзрослели и стали особенно тщательно следить за своими прическами и походкой, Леонид Владимирович, не называя никого из них по имени, рассказывал нам, что происходит в этом возрасте, как девочки начинают ходить, покачивая бедрами (и рискуя, по его словам, получить «вывих таза», им, конечно, придуманный) или устраивая себе кудельки, и в чем состоит вкус о *ГПС-МПР*. Он даже читал нам в классе о Дж. Бреммеле из книги поэта-символиста М. Кузьмина «О дендизме», но не для того, чтобы восславить дендизм, а скорее для того, чтобы раскрыть нам сложность того, что может быть названо красивым поведением, хорошей одеждой, умением ее носить, и еще, я думаю, для того, чтобы вышутить фатовство и пижонство у мальчишек.

Как много лет прошло с тех пор, но как много запомнилось из его наставлений на всю жизнь! Впрочем, то, что он говорил и показывал нам, нельзя назвать наставлениями. Все было сказано ненарочито, при случае, шутливо, мягко, «по-чеховски».

В каждом из учеников он умел открыть интересные стороны — интересные и для самого ученика, и для окружающих. Он рассказывал об ученике в другом классе, и как было интересно узнать потом об этом от других! Он помогал каждому найти себя: в одном он открывал какую-то национальную черту (всегда хорошую), в другом — нравственную черту (доброту или любовь к «маленьким»), в третьем — вкус, в четвертом — остроумие, но не просто выделял чье-то остроумие, а умел охарактеризовать особенность этого остроумия: «холодный остряк», «украинский юмор» (и непременно с пояснением, в чем состоит этот украинский юмор), в пятом открывал философа.

Для самого Леонида Владимировича не было кумиров. Он с увлечением относился к самым разнообразным художникам, писателям, поэтам, композиторам, но его увлечения никогда не переходили в идолопоклонство. Он умел ценить искусство по-европейски. Пожалуй, самым любимым его поэтом был Пушкин, а у Пушкина — «Медный всадник», которого он как-то поставил с учениками. Это было нечто вроде хоровой декламации, которая была поставлена как некое театральное представление, главным в котором был текст, пушкинское слово. На репетициях он

заставлял нас думать — как произнести ту или иную строфу, с какими интонациями, паузами. Он показывал нам красоту пушкинского слова. И одновременно неожиданно показывал нам и пушкинские «недоделки» в языке.

Вот пример, запомнившийся мне с тех времен.

«Нева всю ночь
Рвалася к морю после бури,
Не одолев их буйной дури…
И спорить стало ей невмочь…»

Начинался спор, почему буря в другой строке стоит во множественном числе.

Такие же недоделки, если не ошибки, умел он найти в самых известных произведениях живописи, скульптуры, музыки. Он говорил как-то, что у Венеры Милосской ноги чуть короче, чем следует. И мы это начинали видеть. Разочаровывало ли нас это? Нет, наш интерес к искусству только возрастал.

В школе Леонид Владимирович организовал самоуправление, был создан так называемый КОП (Комитет общественных предприятий). Я почему-то очень был против этой «лицемерной», как мне казалось, затеи. Я доказывал в классе, что настоящего самоуправления быть не может, что КОП не годится и как некая игра, что все эти заседания, выборы, выборные должности только напрасная потеря времени, а нам надо готовиться поступать в вуз. Я как-то стал вдруг действовать против Леонида Владимировича. Моя любовь к нему почему-то перешла в крайнее раздражение против него. Весь класс наш отказался принимать участие в КОПе. Мы не ограничились этим, но агитировали и в других классах против КОПа. Леонид Владимирович сказал по этому поводу моему отцу: «Дима хочет показать нам, что он совсем не такой, каким представлялся раньше». Леонид Владимирович был явно сердит на меня. Но в класс он к нам пришел, как всегда, спокойный и чуть-чуть насмешливый и предложил высказать ему все наши мысли по поводу КОПа, внести свои предложения. Он терпеливо выслушал все, что мы думали о КОПе, и нам не возражал. Он только спросил: что же мы предлагаем? К позитивной программе мы были совершенно не готовы. И Леонид Владимирович помог нам. Он обратил внимание на те наши высказывания, где мы признавали, что в школе некому выполнять тяжелые работы, некому пилить дрова, некому таскать рояли (почему-то приходилось часто переносить рояли из одного помещения в другое). И он предложил: пусть класс не входит в КОП, пусть он будет организован так, как хочет, или даже не

организован вовсе. Но пусть класс помогает школе в тяжелой работе, на которую нельзя нанять людей со стороны. Это оказалось для нас приемлемым. Конечно, мы были в школе самые старшие и самые сильные; конечно, мы не могли допустить, чтобы девочки из младших классов выполняли за нас трудные работы. Мы будем все это делать, но мы не хотим никакой организации. Леонид Владимирович сказал на это: «Но назвать вас все же как-то надо?» Мы согласились. Он тут же предложил: «Давайте без претензий: «Самостоятельная группа». Или короче: «Самогруппа». Мы согласились и на это. Таким образом незаметно для нас он прекратил весь наш «бунт». И мы вошли в школьное самоуправление как его очень важная и действительно ценная часть.

Жил Леонид Владимирович тяжело. Педагоги получали тогда очень мало. Иногда устраивались в их пользу концерты. Леонид Владимирович долго отказывался, но однажды и в его пользу пришли в школу играть знакомые ему актеры.

Приходилось ему и читать лекции в совсем непривычной аудитории. Однажды в Ольгине, где мы жили на даче, появились объявления о том, что будет дан концерт из произведений Чайковского, а вступительную лекцию прочтет Л. В. Георг. Концерт был в жалком театральном помещении, которое не использовалось с 1915 года. Слушатели явно не понимали лекции, и нам было очень жаль Леонида Владимировича.

Вскоре после моего окончания школы он заболел, кажется сыпным тифом. Болезнь испортила сердце. Я встретил его в трамвае, и он мне показался потолстевшим. Леонид Владимирович сказал: «Не располнел, а распух, распух я!»

Затем наступила пора, в которой Леонид Владимирович являлся нам, его ученикам, только в воспоминаниях. Более полувека помню я его так ясно, как никого из других своих учителей. Помню его высокий, очень красивый лоб…

КАТЕРИНУШКА ЗАКАТИЛАСЬ

А вот другой мой воспитатель — домашний, звали его Катеринушкой.

Единственное, что сохранилось от Катеринушки, — фотография, на которой она снята с моей бабушкой, Марией Николаевной Коняевой. Фотография плохая, но характерная. Обе смеются до слез. Бабушка просто смеется, а Катеринушка и глаза закрыла, и видно, что слова вымолвить не может от смеха. Я знаю, отчего обе так смеются, но не скажу… Не надо!

Кто снял их во время приступа такого неудержимого смеха — не знаю. Фотография любительская, и в нашей семье она давно-давно. Катеринушка нянчила мою мать, нянчила моих братьев. Мы хотели, чтобы помогла она нам и с нашими «рунчиками» — Верочкой и Милочкой, но что-то ей помешало. Помех у нее, притом неожиданных, было немало.

Помню, что в детстве жила она в Тарасовом в одной со мной комнате, а было мне тогда лет шесть, и я открыл тогда впервые, к своему удивлению, что у женщин есть ноги. Юбки носили такие длинные, что видна была только обувь. А тут по утрам за ширмой, когда Катеринушка вставала, появлялись две ноги в толстых чулках разного цвета (чулок все равно под юбкой не было видно). Я смотрел на эти разноцветные чулки, появлявшиеся передо мной до щиколоток, и удивлялся.

Катеринушка была как родная и для нашей семьи, и для семьи моей бабушки по матери. Чуть что нужно — и появлялась в семье Катеринушка: заболеет ли кто серьезно и нужно ухаживать, ожидается ли ребенок и нужно готовиться к его появлению на свет — шить свивальнички, подгузнички, волосяной (нежаркий) матрасик, чепчики и тому подобное, заневестилась ли девушка и нужно готовить ей приданое — во всех этих случаях появлялась Катеринушка с деревянным сундучком, устраивалась жить и, как своя, вела всю подготовку, рассказывала, говорила, шутила, в сумерки пела со всем семейством старинные песни, вспоминала про старое.

В доме с ней никогда не было скучно. И даже когда кто-нибудь умирал, она умела внести в дом тишину, благопристойность, порядок, тихую грусть. А в благополучные дни она играла и в семейные игры — со взрослыми и детьми — в лото цифровое (с бочоночками), причем выкликая цифры, давала им шуточные названия, говорила приговорками и поговорками (а это не одно и то же — приговорок сейчас никто не знает, фольклористы их не собирали, а они часто бывали «заумными» и озорными в своей бессмысленности — хорошей, впрочем).

Кроме нашей семьи, семьи бабушки и ее детей (моих теток), были и другие семьи, для которых Катеринушка была родная и попав в которые не сидела сложа руки, вечно что-то делала, сама радовалась и радость эту и уют распространяла вокруг.

Легкий она была человек. Легкий во всех смыслах, и на подъем тоже. Соберется Катеринушка в баню и не возвращается. Сундучок ее стоит, а ее нет. И не очень о ней беспокоятся, так как знают ее обычаи — придет Катеринушка. Мать спрашивает свою матушку (а мою бабушку): «Где Катеринушка?», а бабушка отвечает: «Катеринушка закатилась». Такой был термин для ее

внезапных уходов. Через несколько месяцев или через год Катеринушка так же внезапно появляется, как перед тем исчезла.

— Где ты была?

— Да у Марьи Иванны! Встретила в бане Марью Иванну, а у той дочь заневестилась: пригласили приданое справить!

— А где же Марья Иванна живет?

— Да в Шлюшине!

(Так в Питере называли Шлиссельбург — от старого шведского «Слюсенбурх».)

— Ну, а теперь?

— Да к вам. Свадьбу третьего дня справили.

Вспоминала Катеринушка про мою маму разные смешные истории. Пошли они вместе в цирк. Мама маленькой девочкой была с Катеринушкой в цирке первый раз и пришла в такой восторг, что вцепилась Катеринушке в шляпу, да вместе с вуалькой и содрала с нее…

Катеринушка только при своих ходила в платке, а на улице, да еще в цирке, бывала в шляпке. И в Александрийский театр она со всей семьей дедушки и бабушки ходила. Помню, рассказывала, как в антрактах в аванложу приносили кипящий самовар и вся бабушкина семья пила чай.

Таков был обычай в «купеческом» Александрийском театре, где и пьесы подбирались на вкус купеческий и мещанский (потому-то «Чайка» там и провалилась — ждали ведь фарса, тем более что и Чехов в этой среде был известен как юморист).

Катеринушка была вдовой мастера, погибшего во время какой-то заводской аварии. Она гордилась своим мужем, гордилась, что его ценили. У нее был и собственный дом в Усть-Ижоре, обращенный окнами на Неву, то есть на север, и так она любила свою Усть-Ижору и дом, что, бывало, рассказывала: «В мой дом солнышко два раза заглядывает — утром раненько поздоровается, а вечером, к закату, попрощается». Если учесть, что летом восход и закат сдвинуты к северу, то это, наверное, так и было. Но не зимой.

Никто не знал ее фамилию. Я у мамы спрашивал — не знала, но в паспорте у Катеринушки стояло отчество — Иоакимовна, и очень она не любила, если кто-нибудь называл ее Акимовной. Даже с обидой об этом рассказывала.

Как определить профессию этой милой вечной труженицы, приносившей людям столько добра (счастье входило вместе с ней в семью)? Я думаю, назвать бы ее следовало домашней портнихой.

Профессия эта совершенно сейчас исчезла, а когда-то она была распространенной. Домашняя портниха поселялась в доме и

делала работу на несколько лет: перекраивала, перешивала, ставила заплатки, шила и белье, и пиджак хозяину — на все руки мастер. Появится такая домашняя портниха в доме, и начинают перебирать все тряпье и всей семьей советоваться, как и что перешить, что бросить, что татарину отдать (татары-тряпичники ходили по дворам, громко кричали: «Халат-халат», и в доме всякую ненадобность покупали за гроши).

Умерла она так же, как и жила: никому не доставив хлопот. Закатилась Катеринушка в 1941 году слабой одноглазой старухой. Услыхала она, что немцы подходят к любимой ее Усть-Ижоре, встала у моей тети Любы с места (жила тетя Люба на улице Гоголя) да и пошла в Усть-Ижору к своему дому. Дойти она не смогла и где-то погибла, верно, по дороге, так как немцы уже подошли к Неве. Привыкла она всю жизнь помогать тем, кто нуждался в ее помощи, а тут несчастье с ее Усть-Ижорой…

Закатилась Катеринушка последний раз в жизни.

О ПЕТЕРБУРГЕ МОЕГО ДЕТСТВА

Петербург и Ленинград — это совсем разные города. Не во всем, конечно, кое в чем они «смотрятся друг в друга». В Петербурге прогревался Ленинград, а в Ленинграде мелькает Петербург его архитектуры. Но сходства только подчеркивают различия.

Первые впечатление детства: барки, барки, барки. Барки заполняют Неву, рукава Невы, каналы. Барки с дворами, с кирпичом. Катали выгружают барки тачками. Быстро-быстро катят их по железным полосам, вкатывают снизу на берег. Во многих местах каналов решетки раскрыты, даже сняты. Кирпич увозят сразу, а дрова лежат сложенными на набережных, откуда их грузят на телеги и развозят по домам. По городу расположены на каналах и на Невках дровяные биржи. Здесь в любое время года, когда это необходимо, можно купить дрова. Особенно березовые, жаркие. На Лебяжьей канавке у Летнего сада пристают большие лодки с глиняной посудой — горшками, тарелками, кружками, бывают и игрушки, особенно любимые глиняные свистульки. Иногда продают и деревянные ложки. Все это привозят из района Онеги. Лодки и барки чуть-чуть покачиваются. Нева течет, покачиваясь мачтами шхун, боками барж, яликами, перевозящими через Неву за копейку, и буксирами, кланяющимися мостам трубами (под мостом трубы полагалось наклонять к корме). Есть места, где качается целый строй, целый лес: это мачты шхун у Крестовского моста на

Большой Невке, у Тучкова моста на Малой Неве.

Есть что-то зыбкое в пространстве всего города. Зыбка поездка в пролетке или в извозчичьих санках. Зыбки переезды через Неву на яликах (от университета на противоположную сторону к Адмиралтейству). На булыжной мостовой потряхивает. При въезде на торцовую мостовую (а торцы были по «царскому» пути от Зимнего к Царскосельскому вокзалу, на Невском, обеих Морских, кусками у богатых особняков) потряхивание кончается, ехать гладко, пропадает шум мостовой.

Барки, ялики, шхуны, буксиры снуют по Неве. По каналам барки проталкивают шестами. Интересно наблюдать, как два здоровых молодца в лаптях (они упористее и, конечно, дешевле сапог) идут по широким бортам барки от носа к корме, упираясь плечом в шест с короткой перекладиной для упора, и двигают целую махину груженной дровами или кирпичом барки, а потом идут от кормы к носу, волоча за собой шест по воде.

Архитектура заслонена. Не видно реки и каналов. Не видно фасадов за вывесками. Казенные дома в основном темно-красного цвета. Стекла окон поблескивают среди красных дворцовых стен: окна мылись хорошо и было много зеркальных окон и витрин, полопавшихся впоследствии во время осады Ленинграда. Темно-красный Зимний, темно-красный Генеральный штаб и здание Штаба гвардейских войск. Сенат и Синод красные.

Сотни других домов красные: казарм, складов и различных «присутственных мест». Стены Литовского замка красные. Это страшная пересыльная тюрьма — одного цвета с дворцом.

Только Адмиралтейство не подчиняется — оно желтое с белым. Остальные дома также выкрашены добротно, но в темные тона.

Трамвайные провода боятся нарушить «право собственности»: они не крепятся к стенам домов, как сейчас, а опираются на трамвайные столбы, заслоняющие улицы. Что улицы! — Невский проспект. Его не видно из-за трамвайных столбов и вывесок. Среди вывесок можно найти и красивые. Они карабкаются по этажам, достигают третьего — повсюду в центре: на Литейном, на Владимирском. Только площади не имеют вывесок, и от этого они еще огромнее и пустыннее. А в небольших улицах висят над тротуарами золотые булочные крендели, золотые головы быков, гигантские пенсне и пр. Редко, но висят сапоги, ножницы. Все они огромные. Это тоже вывески.

Тротуары перегорожены подъездами, козырьками, держащимися на металлических столбиках, опирающихся на противоположный от дома край тротуара. По краю тротуара — нестройные ряды тумб. У очень многих старинных зданий

встречаются вместо тумб вкопанные старинные пушки. Тумбы и пушки оберегают прохожих от наезда телег и пролеток. Но все это мешает видеть улицу, как и керосиновые фонари единого образца с перекладиной, к которой прислоняют фонарщики свои легкие лесенки, чтобы зажечь, потушить, заправить, почистить.

В частые праздники — церковные и «царские» — вывешиваются трехцветные флаги. На Большой и Малой Морских трехцветные флаги свешиваются на канатах, перетянутых через улицы от дома к противоположному.

Но зато какие красивые первые этажи главных улиц! Парадные двери содержатся в чистоте. Их полируют. У них красивые начищенные медные ручки (в Ленинграде их снимут в 20-е годы в порядке сбора меди для Волховстроя). Стекла всегда чистые. Тротуары чисто метут. Они украшены зелеными кадками или ведрами под водосточными трубами, чтобы дождевая вода меньше выплескивалась на тротуары.

Дворник» в белых передниках выливают из них воду на мостовую. Из парадных изредка появляются швейцары в синих с золотом ливреях — передохнуть воздухом. Они не только в дворцовых подъездах, но и в подъездах многих доходных домов. Витрины магазинов сверкают чистотой и очень интересны — особенно для детей. Дети оттягивают ведущих их за руки мам и требуют посмотреть в игрушечных магазинах оловянных солдатиков, паровозики с прицепленными вагончиками, бегущие по рельсам. Особенно интересен магазин Дойникова в Гостином дворе на Невском, славящийся большим выбором солдатиков.

Аптеки видны издалека. В окнах аптек выставлены декоративные стеклянные вазы, наполненные цветными жидкостями: зелеными, синими, желтыми, красными. По вечерам за ними зажигают лампы.

Особенно много дорогих магазинов по солнечной стороне Невского («солнечная сторона» — это почти официальное название четных домов Невского). Запомнились витрины магазинов Тэта с поддельными бриллиантами. Посередине витрины устройство с вечно крутящимися лампочками: бриллианты сверкают, переливаются.

Асфальт — это теперь. А раньше — тротуары из известняка, а мостовые — булыжные. Известняковые плиты добывались с большим трудом, но зато выглядели красиво. Еще красивее были огромные гранитные плиты на Невском. (Они остались на Аничковом мосту. Многие гранитные плиты перенесены сейчас к Исаакию.) На окраинах бывали тротуары из досок. Вне Петербурга, в провинции, под такими деревянными тротуарами скрывались канавы, и, если доски изнашивались, можно было

угодить в канаву, но в Петербурге даже на окраинах тротуары с канавами не делались.

Мостовые по большей части — булыжные, их надо было содержать в порядке. Летом приезжали крестьяне подрабатывать починкой булыжных мостовых и сооружением новых. Надо было подготовить грунт из песка, утрамбовать его вручную, а потом вколачивать тяжелыми молотками каждый булыжник. Работали сидя.

Мостовщики обматывали ноги и левую руку тряпками — случайно можно было попасть себе молотком по пальцам или по ногам. Смотреть на этих рабочих без жалости было невозможно. А как красиво подбирали они булыжник к булыжнику, плоской стороной кверху! Это была работа на совесть, работа художников своего дела. В Петербурге булыжные мостовые были особенно красивы: из разноцветных обкатанных гранитных камней. Особенно нравились мне булыжники после дождя или поливки. (О торцовых мостовых писалось много — в них также были своя красота и удобства. Но в наводнение 1824 года они погубили многих: всплыли и потащили за собой прохожих.)

Звуки Петербурга!

Конечно, в первую очередь вспоминаешь цоканье копыт по булыжной мостовой. Ведь и Пушкин писал о громе Медного Всадника «по потрясенной мостовой». Но цоканье извозчичьих лошадей было кокетливо-нежным. Этому цоканью мастерски умели подражать мальчишки, играя в лошадки и щелкая языком. Игра в лошадки была любимой игрой детей. Цоканье копыт и сейчас передают кинематографисты, но вряд ли они знают, что звуки цоканья были различными в дождь или в сухую погоду. Помню, как с дачи, из Куоккалы, мы возвращались осенью в город и площадь перед Финляндским вокзалом была наполнена этим «мокрым цоканьем» — дождевым. А потом — мягкий, еле слышный звук катящихся колес по торцам и глуховатый «вкусный» топот копыт по ним же — там, за Литейным мостом. И еще покрикивания извозчиков на переходящих улицу: «Э-эп!» Редко кричали «берегись» (отсюда — «брысь»): только когда лихач «с форсом» обгонял извозчичью пролетку. Ломовые, размахивая концом вожжей, угрожали лошадям (погоняли их) с каким-то всасывающим звуком.

Кричали газетчики, выкликая названия газет, а во время первой мировой войны — и что-нибудь из последних новостей. (Приглашающие купить «выкрики» — пирожки, яблоки, папиросы — появились только в период нэпа.)

На Неве гудели пароходы, но характерных для Волги криков в рупоры в Петербурге не было: очевидно, было запрещено. По

Фонтанке ходили маленькие пароходики Финляндского пароходного общества с открытыми машинами. Виден был кочегар. Тут и свист, и шипение пара, и команды капитана!

Одним из самых «типичных» уличных звуков Петербурга перед первой мировой войной было треньканье трамваев. Я различал четыре трамвайных звонка. Первый звонок — перед тем как трамваю тронуться. Кондуктор (до войны — всегда мужчина в форме) на остановках выходил с задней площадки, пропускал всех садящихся вперед, сам садился последним и, когда становился на ступеньку вагона, дергал за веревку, которая шла от входа к звонку у вагоновожатого. Получив такой сигнал, вагоновожатый трогал вагон. Эта веревка шла вдоль всего вагона по металлической палке с прикрепленными кожаными петлями, за которые могли держаться стоящие в трамвае. В любом месте трамвая кондуктор мог позвонить вагоновожатому. И это был второй тип звонка. Вагоновожатый предупреждал неосторожных прохожих с помощью еще одного звонка, действовавшего от ножной педали. Здесь вагоновожатый звонил иногда довольно настойчиво, и звук этот часто слышался на улице с трамвайными линиями. Потом появились электрические звонки. Довольно долго ножные педальные звонки действовали одновременно с ручными электрическими. Грудь кондуктора была украшена многими рулонами с разноцветными билетами. Билеты разных цветов продавались по «станциям» — на участки пути, и, кроме того, были белые пересадочные билеты, с которыми можно было пересесть в определенных местах на другой маршрут. Все эти маршруты указаны в старых путеводителях по Петербургу. Время от времени, когда кончался тот или иной отрезок пути и надо было брать новый билет, кондуктор громко возглашал на весь вагон: «Желтым билетам станция!» Или: «Зеленым билетам станция!» Или: «Красным билетам станция!» Интонация этих «возглашений» запомнилась мне на всю жизнь: в школу я ездил на трамваях.

Очень часто были слышны на улицах звуки военных оркестров. То полк шел по праздникам и воскресным дням в церковь, то хоронили генерала; ежедневно шли на развод караула к Зимнему преображенцы или семеновцы. На звуки оркестра сбегались все мальчишки: потребность в музыке была большая. Особенно интересно было, когда выделенные для похорон войсковые подразделения возвращались с кладбища: тогда полагалось играть веселую музыку. С веселыми маршами шли в церкви, но, разумеется, не в Великий пост. Были и «тихие» звуки: звенели шпоры военных. За звоном своих шпор офицеры следили, шпоры часто делались серебряными. На Невском и на

прилегающих улицах (особенно у Гостиного двора, на углу Невского и Садовой) торговцы продавали детям надутые легким газом взлетавшие шарики: красные, зеленые, синие, желтые и самые большие — белые, с нарисованными на них петухами. Около этих продавцов всегда было оживленно. Продавцов было видно издали по клубившимся над их головами связкам веселых шариков.

В моем детстве на улицах уже не продавали сбитень, но отец помнил и любил рассказывать о сбитне. Он хорошо подкреплял прохожих, особенно в мороз. Сбитенщик закутывал самовар в особый ватник, чтобы не остыл, и носил его на спине, а кран открывал из-под левого локтя. Сбитень — это смесь кипятка с медом и разными специями, чаще всего с корицей. По словам отца, сбитенщики в старину кричали: «Сбитню горячего!» Я запомнил слова отца: не «сбитня», а именно «сбитню».

А по утрам с окраин города, особенно с Выборгской стороны, доносились фабричные гудки. Каждый завод можно было узнать по гудку. Гудели три раза, созывая на работу, — не у всех были часы. Эти гудки были тревожными, призывными…

Как ребенка, меня всегда тянуло заглянуть за фасады домов: что там? Но об этом я больше узнавал из рассказов взрослых.

Магазины. Впрочем, помню те, в которые заходил с матерью: «Колониальные товары» (кофе, чай, корица, еще что-то), «Бакалея», «Суровский магазин» (ткани, нитки), «Булочная», «Кондитерская», «Писчебумажный магазин». Слова «продукты» в нынешнем значении не было («продукты» — только «продукция чего-то»; «продукты сельского хозяйства» — стали говорить на моей памяти). На рынок ходили за «провизией». Продавцы назывались приказчиками. Помню дисциплину этих продавцов в магазинах «Масло». Стояли они на шаг назад от прилавка, заложив руки за спину. При появлении покупателя приказчик делал шаг ему навстречу и опускал руки. Это невольно заставляло покупателя к нему подойти. Масло и сыр давали пробовать на кончике длинного ножа.

Первые кинематографы. Совсем забыли, что на узкой Офицерской против нашего дома был кинематограф «Мираж». Он был сделан из нескольких магазинов, соединенных вместе. Но по субботам мы всей семьей ездили на Невский в кинематограф «Солейль». Он помещался в том же доме, что и «Пассаж», — около Садовой. Этот кинематограф был сделан из нескольких картин, соединенных вместе. Кроме основной картины (помню «Сто дней Наполеона», помню «Гибель «Титаника»— это документальный фильм, оператор снимал всю пароходную жизнь и продолжал снимать кораблекрушение до того момента, когда погас свет, а

потом снимал даже в спасательной лодке), обязательно давалась комическая (с участием Макса Линдера, Мациста и др.) и «видовая» картины. Последняя раскрашивалась часто от руки — раскрашивался каждый кадр, и непременно в яркие цвета: зеленый — для зелени, синий — для неба. Однажды были на Невском в «Паризиане» (или «Пикадилли» — не помню).

Поразили камердинеры в ливреях и чуть ли не в париках.

Родители часто брали меня с собой в Мариинский театр. У родителей было два билетных абонемента в ложе третьего яруса. Спектакли были праздниками. На праздничность они и были рассчитаны. Дамы показывали бриллианты, сидели в первых рядах лож, обмахиваясь веерами — не от жары, а чтобы лучше блестели бриллианты. Во время балетов зал оставался полуосвещенным. Кшесинская вылетала на сцену вся сверкая бриллиантами. Снобы офицеры приходили, как правило, ко второму акту. В «Дон Кихоте» пропускали пролог. В антрактах красовались у барьера оркестра, а после спектакля офицеры стояли у артистического выхода или перед подъездом, рассматривали дам. Первым спектаклем в моей жизни был «Щелкунчик». Больше всего меня поразил падающий «снег»: в теплом зале!

На Страстной и к Пасхальной заутрене ходили на Почтамтскую улицу в домовую церковь Главного управления почт и телеграфов, где служил отец столоначальником. Пальто снимали в гардеробе, поднимались на второй этаж. Паркетные полы в церкви были хорошо натерты. Электричество спрятано за карнизы, и лампады горели электрические, что некоторые ортодоксально настроенные прихожане осуждали. Но отец гордился этим нововведением — это был его проект. Когда входила семья (наша или другая), служитель сразу нес венские стулья и ставил позади, чтобы в дозволенных для того местах службы можно было присесть отдохнуть. (Позже я узнал, что в ту же церковь ходила и семья Набоковых. Значит, мы встречались с Владимиром, но он был старше меня.)

Неравенство жителей Петербурга бросалось в глаза. Когда возводились дома, строители носили кирпичи на спине, быстро поднимались по доскам лесов с набитыми на доски планками вместо ступеней. По черным лестницам доходных домов дворники носили дрова тоже на спине, ловко забирая дрова со специальных козел, стоявших на дворе. На двор приходили старьевщики-татары, кричали: «Халат-халат!» Заходили шарманщики, и однажды я видел Петрушку, удивляясь ненатуральному голосу самого Петрушки (петрушечник вставлял себе в рот пищик, изменявший его голос). Ширма у петрушечника

поднималась от пояса и закрывала его со всех сторон: он как бы отсутствовал.

Ходили мы смотреть столетних гренадер из Золотой роты у памятника Николаю Первому. Это были солдаты, служившие еще Николаю Первому. Их, оставшихся, собирали со всей России и привозили в Петербург.

Ходили мы и на разводы караула к Зимнему. Вся церемония происходила во дворе на специальной платформе. На развод семеновцы и преображенцы шли с музыкой.

Играли бравурные марши, оглушительно под аркой Генерального штаба отзывавшиеся эхом.

…Петербург был городом трагической и скрытой (во дворцах и за вывесками) красоты. Зимний — сплошь темный ночами (государь с семьей жили в Александровском дворце в Царском Селе). Веселое рококо дворца теряло свою кокетливость, было тяжелым и мрачным. Напротив дворца утопала во тьме крепость-тюрьма. Взметнувшийся шпиль собора — и меч и флюгер одновременно — кому-то угрожал.

Вьющиеся среди регулярно распланированных улиц каналы нарушали государственный порядок города.

Марсово поле пылило в глаза при малейшем ветре, а Михайловский замок словно прищуривался единственным замурованным окном комнаты, где был задушен император Павел.

В Александровском саду против Адмиралтейства существовали разные развлечения для детей (зимой катания на оленях, летом — зверинец и пруды с золотыми рыбками).

До чего же привлекательны для детей и обычаи, традиции! На вербную неделю в Петербург приезжали финны катать детей в своих крестьянских санках. И лошади были хуже великолепных петербургских извозчичьих лошадей, и санки были беднее, но дети их очень любили. Ведь только раз в году можно прокатиться на «вейке»! «Вейка» по-фински значит «брат», «братишка». Сперва это было обращение к финским извозчикам (кстати, им разрешалось приезжать на заработки только в вербную неделю), а потом сделалось названием финского извозчика с его упряжкой вообще.

Но дети любили именно победнее, но с лентами и бубенцами — лишь бы «поигрушечнее».

КУОККАЛА

Квартира из пяти комнат стоила половину отцовского

жалованья. Весной мы рано уезжали на дачу, отказываясь от квартиры, и нанимали ее снова в том же районе Мариинского театра осенью. Так семья экономила деньги.

Ездили мы обычно в Куоккалу за финской границей, где дачи были относительно дешевы и где жила петербургская интеллигенция — преимущественно артистическая.

Сейчас мало кто себе представляет, какими были дачные местности и дачная жизнь. Постараюсь рассказать о местности, с которой связано мое детство — о Куоккале (теперь Репино).

В «Спутнике по Финляндии» К. Б. Грэнхагена о Куоккала сказано мало и сухо: «Куоккала (42 килом. от СПб.). Станция находится в одной версте от берега залива. В летнее время местность густо населена дачниками. Однако скученность построек и отсутствие хороших дорог являются крупным недочетом в ряду прочих, более или менее удовлетворительных условий дачной жизни. В особенности плохи дороги к северу от ж. д. станции. Песчаная местность, покрытая сосновым лесом, в общем, пригодна для дачной жизни. Имеются лавки, аптека и даже театр. Лучшие дачи расположены вдоль береговой линии и отдаются внаем за высокую плату. Недорогие дачи находятся к северу от ж. д. станции. Многие из них также заняты зимою. Имеется православная церковь». Далее мелким шрифтом напечатано любопытное сообщение: «В последние годы русской революции (имеется в виду революция 1905 года. — Д. Л.) здесь находили приют эмигранты, преследуемые русским правительством. Однако после обнаружения в окрестностях Куоккала (Хаапала) «фабрики бомб» финляндская администрация в силу закона 1826 г. пошла навстречу требованиям русских властей, ввиду чего многие эмигранты были арестованы и доставлены в петербургское охранное отделение».

О Куоккале, как интереснейшей дачной местности Петербурга, я говорил по телевидению в фильме о К. И. Чуковском «Огневой вы человек». Здесь жила летом малобогатая часть петербургской интеллигенции. Две дачи принадлежали зимогорам Анненковым (из этой дворянской семьи, сыгравшей большую роль в русской культуре, вышел и художник Юрий Анненков). На самом берегу против Куоккальской бухты была дача Пуни. Владелец ее, Альберт Пуни, принявший православие с именем Андрей (поэтому часть его детей были Альбертовичи, а другие Андреевичи), виолончелист Мариинского театра, был сыном автора балетной музыки и владельцем большого доходного дома (угол Гатчинской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны). Его сын стал известным живописцем во Франции и до конца жизни любил писать пляжи, напоминавшие

ему о его счастливом детстве.

Папу встречаем.

Мама с куоккальскими дамами сидит на скамейке, а я, как обычно, хожу, балансируя по рельсине. Рельсовый путь уходит в бесконечность — к Петербургу, откуда должен на поезде приехать отец. Он привезет павловскую гигантскую землянику или еще что-нибудь вкусное, а иногда игрушку: серсо, игрушечную парусную яхточку, заводной пароходик (играть в воде мне особенно нравилось, и сохранилась даже фотография — я на море, по щиколотку в воде, в панамке и коротких штанишках, а у ног парусная игрушечная лодочка).

Жду, смотрю вдаль. И вот появляется мой человечек: пузатенький, с большой головой, в юбочке и курит. Это паровоз поезда. Круглое туловище — это котел. Большая голова — труба с раструбом, она дымится. А странная юбочка (паровоз, несомненно, мужчина, господин) — это предохранительная сетка, расширяющаяся книзу, к рельсам.

Приближается. Тонко, на заграничный лад, свистит (русские паровозы гудят басом, как пароходы). Потом подкатывает, работая колесами (любимая игра детей моего, пятилетнего возраста изображать собой паровоз, двигая локтями, как поршнями). Тянутся вагоны — синие, зеленые и красные, но значение цветов другое, чем у русских. Сейчас я уже точно не помню, кажется, синие вагоны — первого класса. Из синих вагонов выходят первыми финские кондукторы в черной форме, становятся у лесенки и помогают пассажирам выходить. Появляется отец и, целуя маму, рассказывает, с кем ехал. Постепенно все разъезжаются на финских двуколках. Несутся двуколки с быстротой ветра, а если пассажиров несколько, финн-хозяин стоит на оси колеса и управляет с ловкостью циркача. Но главное — скорость.

На границе с Оллилой (ныне Солнечное) были репинские «Пенаты». Между «Пенатами» и дачами Анненковых и Пуни построил себе дачу Корней Иванович Чуковский (помог ему в этом — и деньгами и советами — Илья Ефимович Репин). На мысе Лентулла по Аптекарской дорожке (теперь ее именуют Аптекарской аллеей) жил Горький. В те или иные летние сезоны жил Маяковский, наезжал Мейерхольд, жил художник и врач Кульбин (он, кстати, лечил и меня), приезжали к Репину Леонид Андреев, Шаляпин, Стасов и многие другие. Некоторых я встречал на Большой дороге (теперь Приморское шоссе) — главной улице Куоккалы, и в чудесном общедоступном парке сестер Ридингер, о котором не удосужился упомянуть автор путеводителя. По вечерам мы гуляли либо по самому берегу

залива, по сырому, укатанному волнами песку, либо по бетонной дорожке, которая шла в глубине пляжа около заборов дач, выходящих к морю. На пляже было огромное количество деревянных будок, где можно было переодеться и в которых мы оставляли шезлонги, весла, удочки, купальные костюмы, простыни, игрушки. В хорошую погоду мы почти не уходили с пляжа. Брали с собой завтраки и бутылки с молоком, которые зарывали в тени за будками в сырой песок, чтобы молоко не скисло от тепла.

Куоккальские дачи имели заборы: всегда деревянные и всегда различные, пестро окрашенные. У заборов останавливались финские возки, и разносчики кричали: «Молоко», «Метана», «Ливки» (финны не произносили двух согласных впереди слова: только вторую согласную). Разносчики часто были ярославцы, торговавшие зеленью, булками, пирожными. Корзинки с товарами носили на голове, подкладывая мягкий круг. Цыгане били в котел и кричали: «Лудить, паять…» (и еще что-то третье, что я уже забыл). За пределами дачной местности часто стоял цыганский табор. Работали честно и честно возвращали заказы.

Если погода безветренная, особенно утром — в предвестии жары, то, прислушавшись на берегу, можно было слышать басовитые гудки: У-У-У. У-У-У. У-У-У. Это в Куоккале слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Звонят во все колокола, но слышен только большой, самый большой колокол в городе. И в определенный час, пока еще пляж не наполнится людьми, мы бегали к морю послушать Исаакия.

Море становилось торжественным и значительным, когда еле слышно через воду долетал звук тяжкого колокола Исаакия. С тех пор я знаю, что такое «пуститься во все тяжкие». И я запомнил двойное значение этого выражения: мы бежали к морю «во все тяжкие» и слышали «тяжкий» колокол Исаакия.

А днем, в жару, пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда точно приглушенных водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и до сих пор, и до сих пор я ее очень люблю.

Что за чудо веселья, развлечений, озорства, легкости общения, театральных и праздничных экспромтов была эта Куоккала!

Куоккала была царством детей. На пляже слышался гомон детских голосов. К морю уходили на целый день, пропуская обеденное время, принятое зимой — в час дня. Игрушки, весла, спасательные пояса, зонты, купальные костюмы — все это хранилось в будках, стоявших на берегу иногда в два и даже в три

ряда. У каждой дачной семьи была своя будка, часто своя лодка. От пляжа в море шли мостики, с которых было весело кувыркаться в воду. Мостики были и частные, и общественные — за деньги. По вечерам по берегу гуляли, любуясь закатом.

По воскресеньям на пляже где-нибудь играл оркестр — это значило, что было благотворительное представление. Представления были и в куоккальском театре. Небольшой оркестрик из четырех отставных немецких солдат ходил по улицам Куоккалы, останавливался перед какой-нибудь дачей и начинал играть. Начинал с «Ойры» — любимой финнами песенки. Если им махали рукой, они прекращали игру, но часто мы просили записать — в какой день им прийти играть танцы на дне рождения или на именины, когда собирались дети со всей округи.

В дни рождения и именины детей сад иллюстрировали китайскими фонариками, обязательно жгли фейерверк, впрочем, Горький на своей даче зажигал фейерверки и просто костры без всякого повода. Он любил огонь. Покупали фейерверки в пиротехническом магазине под Городской думой на Невском. На такие веселые вечера сбегались дети со всех дач. Дети бегали веселыми стайками по Куоккале и продавали благотворительные значки (в день Ромашки — в пользу туберкулезных, во время первой мировой войны — в пользу раненых).

Интересы детей, их развлечения господствовали. Взрослые с удовольствием принимали участие в детских играх. Дух озорства проявлялся в местном театре, где выступал иногда и Маяковский, читали Репин, Чуковский, ставились подростками фарсы. Мальчишки пели озорные песни про пупсика, «большую крокодилу». И дети, и взрослые (иногда вместе, разновозрастными компаниями, а иногда небольшими группами) ходили на длинные прогулки. Раз в лето непременно ходили на музыку в Сестрорецкий курорт (выходили очень рано утром). Чаще ходили «на мельницу»: на Сестре-реке была мельничная запруда. «Мельница» (так мы называли всю местность) казалась мне красивейшим местом в мире. Молодежь ездила компаниями на велосипедах.

Вот в этой обстановке и расцветали озорная живопись, озорное сочинительство (пьес и стихов), по преимуществу для детей. Без этого детского и юношеского озорства нельзя понять многое в Чуковском, в Репине, в Пуни и в Анненкове.

И какие только национальности не жили в Куоккале: русские, финны — крестьяне, сдававшие дешевые дачи (с финскими мальчиками мы играли в прятки и другие шумные игры), петербургские немцы, финляндские шведы, петербургские французы и итальянская семья Пуни — с необыкновенно

темпераментным стариком Альбертом Пуни во главе, вечным заводилой различных споров, в которых он всегда и вполне искренне выступал как отчаянный русский патриот!

На благотворительных спектаклях стремились поразить неожиданностями. Ставились фарсы, шутили над всеми известными дачниками. Мой старший брат Миша играл в куоккальском театре в фарсе Е. А. Мировича (Дунаева) «Графиня Эльвира». Но были «серьезные» спектакли. Репин читал свои воспоминания. Чуковский читал «Крокодила». Жена Репина учила травоедению.

Почти все (кроме новичков) были знакомы друг с другом, ходили друг к другу в гости. Создавали благотворительные сборы, детские сады на общественных началах. Взрослые и дети вместе играли в крокет, в серсо, в рюхи. На даче у Пуни большими компаниями катались на «гигантских шагах», делали на них «звездочку», при которой «закрученный» другими катающийся взлетал очень высоко — почти вровень с макушкой столба. Пожилые играли в саду в винт и преферанс. Неторопливо беседовали.

Церковь была общественным местом, где собирались все, в том числе лютеране и католики, но стояли в ней не всегда полностью всю службу, а выходили на лужайку, где были врыты деревянные скамейки и можно было поговорить, посплетничать.

Во время войны Репин стал особенно религиозен и пел на клиросе. Религиозен стал и зять Пуни — Штерн. Он был немцем, но в начале первой мировой войны переменил фамилию на Астров, принял православие. С Мишей Штерном я дружил.

Одевались весело. Приятельница моей матери Мария Альбертовна Пуни, красивая черноглазая итальянка, носила на щиколотке ноги золотую браслетку (платья к четырнадцатому году поднялись и стали только чуть-чуть нависать над стопой). Девочки Анненковы смущали всех, нося брюки в своем саду. Сам Корней Иванович, вернувшись в 1915 году из Англии, куда он ездил с какой-то делегацией, стал ходить босиком, хотя и в превосходном костюме. А писатели — те выдумывали каждый себе костюмы: Горький одевался по-своему, Леонид Андреев по-своему, Стасов по-своему, Маяковский по-своему… Всех их можно было встретить на Большой дороге в Куоккале, они либо жили в Куоккале, либо приезжали в Куоккалу.

Люди искусства стали для нас всех если не знакомыми, то легко узнаваемыми, близкими, встречаемыми.

Свой куоккальский озорной характер Чуковский сохранял до конца жизни. Вот что мне рассказывала старый врач санатория Академии наук «Узкое» Татьяна Александровна Афанасьева.

Жил Чуковский обычно в центральном корпусе, в комнате двадцать шесть. Возвращаясь с прогулки, ловил ужей, которых в Узком (по-старинному — Ужское) было много. Навешивал ужей себе на шею и на плечи штук по пять, а затем, пользуясь тем, что двери в комнаты не запирались, подбрасывал их отдыхающим и наслаждался их испугом. Не позволял мешать себе во время работы и поэтому вывешивал на дверях своей комнаты плакат: «Сплю».

Веселая и озорная дачная жизнь Куоккала приобрела в 1914 году тревожные нотки. В сентябре ждали германского десанта в Финляндии. Финские полицейские заколачивали досками вышки дач (дачи в начале века строились непременно с башенками, откуда было видно море). Из фортов Кронштадта доносилась учебная стрельба, которой море придавало какой-то булькающий звук — точно хлопали открываемые бутылки шампанского. Было видно, как буксиры везли мимо фортов барки со щитами, по которым и шла учебная стрельба.

Сам я озорником не был, но озорников в искусстве любил с мальчишеских лет, разумеется, талантливых озорников. В Куоккале мы жили недалеко от «Пенат» Репина. Илья Ефимович очень покровительствовал Чуковскому, Пуни, Анненкову, Кульбину. С семьями Пуни и Анненкова наша семья дружила. Помню Мейерхольда, Леонида Андреева. Все они оригинальничали и озорничали в одежде, играли в рюхи, запускали змеев на пляже, жгли костры, увлекались фейерверками, домашними театрами, шутливыми выставками.

О Куоккала, как о родине европейского авангардизма, стоило бы мне написать отдельно. (Но тут надо потратить много времени на розыски материалов, а времени становится все меньше и меньше.) В студенческие годы огромное впечатление произвели на меня «Столбцы у Н. Заболоцкого. Я и до сих пор их очень люблю. Люблю веселое искусство — в том числе праздничный балет, классический, «мариинский». Люблю веселое искусство природы: цветы, бабочек, тропические растения, водопады, фонтаны и бури (воду во всех ее шумных проявлениях). И еще люблю большие корабли, особенно парусные, «мирные» пушечные выстрелы в 12 часов с Петропавловской крепости.

Летом 1915 года в Куоккале появились новые «зимогоры» — беженцы-поляки. И от них я получил первый урок уважения к другим нациям.

Мы, мальчики, дразнили поляков словами «цото бёндзе!» («что-то будет!»), которые они часто произносили в своих тревожных разговорах. И вот однажды изящная полька обернулась к нам с улыбкой и ласково сказала: «Да, мальчики!

«Цото бендзе» и для вас, и для нас в этой войне». Нам стало стыдно. Мы не обсуждали между собой этот случай, но дразнить перестали.

И еще одно сильное впечатление в Куоккале.

В Пасхальную неделю, как и во всех русских православных церквах, в Куоккале разрешалось звонить всем и в любое время. Отец и мы, два брата, однажды (приезжали на дачи рано весной) ходили на колокольню звонить. До какой же степени было восхитительно слушать звон под самыми колоколами!

Был в Куоккале один случай, который «прославил» нас с братом среди всех дачников.

Ветер дул с берега (самый опасный). Мой старший брат снял синюю штору у нас в детской, водрузил ее на нашей лодке и предложил прокатиться «под парусом» вполне домашнему мальчику — внуку сенатора Давыдова. Домашний мальчик Сережа (он впоследствии, после второй мировой войны, работал архитектором-реставратором в Новгороде) пошел к своей бабушке и спросил у нее разрешение прокатиться. Бабушка была франтиха с фиолетовыми глазами, сидела в шелковом платье стального цвета под зонтиком от солнца. Она спросила только — не промочит ли Сережа ноги: в лодке ведь всегда есть на дне вода. Велела Сереже надеть галоши. Сережа надел новые блестящие галоши и сел в лодку. Все это происходило на моих глазах. Поехали. Ветер, тихий, как всегда у берега, усилился вдали. Лодку погнало. Я наблюдал с берега и увидел: синий парус медленно наклонился и исчез. Бабушка, как была в корсете и с зонтиком, пошла по воде, простирая руки к любимому Сереже. Дойдя до глубокой воды, бабушка с фиолетовыми глазами упала без чувств. А на берегу, за загородкой из простыней, загорал проректор Петербургского университета красавец Прозоровский. Он наблюдал за бабушкой и, когда та упала, бросился ее спасать. И, — о ужас! — в одних трусах. Он поднял бабушку с фиолетовыми глазами и понес ее к берегу. А я изо всех сил побежал домой. Подбежав к нашей даче, я замедлил шаг и постарался быть спокойным. Мать спросила, очевидно догадавшись все же, что что-то случилось: «На море все спокойно?» Я немедленно ответил: «На море все спокойно, но Миша тонет».

Эти мои слова запомнились и вспоминались потом в нашей семье сотни раз. Они стали нашей семейной поговоркой, когда что-либо внезапно случалось неприятное.

А в море в это время происходило следующее. Домашний мальчик Сережа, конечно, не умел плавать. Брат стал его спасать и велел сбросить галоши. Но Сережа не хотел — то ли чтобы не

ослушаться бабушки, то ли потому, что было жаль блестящих галош с медными буковками «С. Д.» («Сережа Давыдов»). Брат пригрозил: «Сбрасывай, дурак, или я сам тебя брошу». Угроза подействовала, а от берега уже гребли лодки и лодки.

Вечером приехал отец. Брата повели на второй этаж пороть, а затем отец, не изменяя своим привычкам, повел нас гулять вдоль моря. Как полагалось, мы с братом шли впереди родителей. Встречные говорили, указывая на моего брата: «Спаситель, спаситель!», а «спаситель» шел мрачный, с зареванной физиономией. Хвалили и меня за «мудрую» выдержку. А однажды, в особенно сильную бурю, кто-то из встречных сказал мне: «На море все спокойно, но четыре будки подмыло и опрокинуло». Я немедленно побежал на море смотреть. Бури я люблю и до сих пор, не люблю лишь обманчивого берегового ветра.

Лето длилось бесконечно долго. И в город я возвращался каждый раз повзрослевшим.

И опять «связь времен».

Дачевладелец серб А. Шайкович, у которого мы снимали дачу последние три года перед революцией, оказывается, переводил «Слово о полку Игореве» на сербский язык. После революции он был югославским консулом в Финляндии и издал свой перевод «Слова» на сербский язык в Гельсингфорсе.

УНИВЕРСИТЕТ

Наиболее важный и в то же время наиболее трудный для своей характеристики период в формировании моих научных интересов — конечно, университетский.

Я поступил в Ленинградский университет несколько раньше положенного возраста: мне не было еще семнадцати лет, не хватало нескольких месяцев. Поступить в университет было трудно.

Университет переживал самый острый период своей перестройки. Активно способствовал или даже проводил перестройку «красный профессор» Николай Севастьянович Державин — известный болгарист и будущий академик.

Появились профессора «красные» и просто профессора. Впрочем, профессоров вообще не было — звание это, как и ученые степени, было отменено. Защиты докторских диссертаций совершались условно. Так же условно было и деление «условной профессуры» на «красных» и «старых» — по признаку, кто как к нам обращался: «товарищи» или «коллеги». «Красные», обращаясь

к студентам, говорили «товарищи», «старые» профессора говорили студентам «коллеги». Я не принимал во внимание этого условного признака и ходил ко всем, кто мне казался интересным.

Я поступил на факультет общественных наук. Состав студентов был не менее пестрый, чем состав «условных профессоров»: были пришедшие из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, донашивавшие свое военное обмундирование.

Были «вечные студенты» — работавшие и учившиеся по десять лет, были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках.

На факультете были отделения. Было общественно-педагогическое отделение, занимавшееся историческими науками, было этнолого-лингвистическое отделение, названное так по предложению Н. Я. Марра, — здесь занимались филологическими науками. Этнолого-лингвистическое отделение делилось на секции. Я выбрал романо-германскую секцию, но сразу стал заниматься и на славяно-русской.

Обязательного посещения лекций в те годы не было. Не было и общих курсов, так как считалось, что общие курсы мало что могут дать фактически нового после школы. Студенты сдавали курс русской литературы XIX века по книгам, прочесть которых надо было немало. Зато процветали различные курсы на частные темы («спецкурсы» по современной терминологии). Так, например, В. Л. Комарович вел по вечерам два раза в неделю курс по Достоевскому, и лекции его, начинаясь в шесть часов вечера, затягивались до двенадцатого часа. Он погружал нас в ход своих исследований, излагал материал как научные сообщения, и посещали его лекции многие маститые ученые. Я принимал участие в занятиях у В. М. Жирмунского по английской поэзии начала XIX века и по Диккенсу, у В. К. Мюллера по Шекспиру; слушал введение в германистику у Брима, введение в славяноведение у Н. С. Державина, историографию древней русской литературы у члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича; принимал участие в занятиях по Некрасову и по русской журналистике у В. Е. Евгеньева-Максимова; англосаксонским и среднеанглийским занимался у С. К. Боянуса, старофранцузским у А. А. Смирнова; слушал введение в философию и занимался логикой у А. И. Введенского, психологией у Басова (этот замечательный ученый очень рано умер), древнецерковнославянским языком у С. П. Обнорского, современным русским языком у Л. П. Якубинского; слушал

лекции Б. М. Эйхенбаума, Б. А. Кржевского, В. Ф. Шишмарева и многих, многих других; посещал диспуты между формалистами и представителями традиционного академического литературоведения. Пытался учиться пению по крюкам (ничего не вышло). Посещал концерты симфонического оркестра в филармонии.

Путешествовал мало: не позволяло здоровье, условия для поездок по стране после гражданской войны были трудные, родители снимали на лето дачу, и надо было ею пользоваться целиком. Мы часто ездили на дачу в Токсово, и я интересовался историей тех мест (здесь еще в 20-е годы жили шведы и финны, знавшие местные исторические предания, которые я записывал).

Все кругом было интересно до чрезвычайности, а если вспомнить и о событиях чисто литературных, возможность пользоваться всеми книжными новинками, печатавшимися на Печатном Дворе, библиотекой университета и библиотекой редчайших книг в Доме книги, где по совместительству работал отец, то единственно, в чем я испытывал острый недостаток в своих занятиях, — это во времени.

Ленинградский университет в 20-е годы представлял собой необыкновенное явление в литературоведении, а ведь рядом, на Исаакиевской площади, был еще институт истории искусств (Зубовский институт), и существовала интенсивная театральная и художественная жизнь. Все это пришлось на время формирования моих научных интересов, и нет ничего удивительного в том, что я растерялся и многого просто не успевал посещать.

Я окончил университет в 1928 году, написав две дипломные работы: одну — о Шекспире в России конца XVIII — начала XIX века, другую — о древнерусских повестях (о патриархе Никоне). К концу моего учения надо было еще зарабатывать на хлеб, службы было не найти, и я подрядился составлять библиотеку для Фонетического института иностранных языков. Институт был богатый, но деньги мне платили неохотно. Я работал в Книжном фонде на Фонтанке в доме № 20, возглавлявшемся Саранчиным. И снова поразительные подборки книг из различных реквизированных библиотек частных лиц и дворцов, редкости, редкости и редкости! Было жалко подбирать это все для Фонетического института. Я старался брать расхожее, необходимое, остальное, наиболее ценное, оставляя неизвестно кому.

Что дало мне больше всего пребывание в университете? Трудно перечислить все то, чему я научился и что я узнал в университете. Дело ведь не ограничивалось слушанием лекций и участием в занятиях. Бесконечные и очень свободные разговоры в

длинном университетском коридоре. Хождения на диспуты и лекции: в городе была тьма-тьмущая различных лекториев и мест встреч — начиная от Вольфилы на Фонтанке, зала Тенишевой (будущий ТЮЗ), Дома печати и Дома искусств и кончая небольшим залом в стиле модерн на самом верху Дома книги, где выступали Есенин, Чуковский, различные прозаики, актеры. Посещения Большого зала филармонии, где можно было встретить всех тогдашних знаменитостей, особенно из музыкального мира. Все это развивало, и во все эти места открывал доступ университет, ибо обо всем наиболее интересном можно было узнать от товарищей по университету и институту истории искусств. Единственно, о чем я жалею, это о том, что не все удалось посетить.

Но из занятий в университете больше всего давали мне «общие курсы», семинарии и просеминарии с чтением и толкованием тех или иных текстов.

Во-первых, занятия по логике. С первого курса я посещал практические занятия по логике профессора А. И. Введенского. Когда лекции и занятия Введенского прекратились, один из наших «взрослых» студентов, помню, из числа участников гражданской войны, организовал группу по занятиям логикой на квартире у профессора С. И. Поварнина, автора известного учебника логики. Мы ходили к нему и читали в русском переводе «Логические исследования» Гуссерля, изредка для лучшего понимания текста обращаясь к немецкому оригиналу. Поварнин неоднократно повторял нам: язык надо знать хотя бы немного, хотя бы постоянно прибегая к словарю, ибо переводчикам научных и технических книг доверять нельзя. И это мы ощущали.

Настоящей школой понимания поэзии были занятия в семинарии по английской поэзии начала XIX века (тогда говорили «семинарий», а не «семинар», как сейчас) у В. М. Жирмунского. Мы читали с ним отдельно стихотворения Шелли, Китса, Вордсворта, Байрона, анализируя их стиль и содержание. Жирмунский обрушил на нас всю свою огромную эрудицию, привлекал словари и сочинения современников, толковал поэзию всесторонне — и с биографической, и с историко-литературной, и с философской стороны. Он нисколько не снисходил к нашим плохим знаниям того, другого и третьего, к слабому знанию языка, символики, да и просто английской географии. Он считал нас взрослыми и обращался с нами как с учеными коллегами. Недаром он называл нас «коллеги», церемонно здороваясь с нами в университетском коридоре. Это подтягивало. Нечто подобное мы ощущали и на семинарских занятиях по Шекспиру у Владимира Карловича Мюллера, на занятиях старофранцузскими

текстами у Александра Александровича Смирнова, среднеанглийской поэзией у Семена Карловича Боянуса.

Но истинной вершиной метода медленного чтения был пушкинский семинар у Л. В. Щербы, на котором мы за год успевали прочесть всего несколько строк или строф. Могу сказать, что в университете я в основном учился «медленному чтению», углубленному филологическому пониманию текста. Иному — занятиям в рукописных отделениях и библиотеках — учил нас В. Е. Евгеньев-Максимов. Дав нам рекомендацию в архив, он как бы невзначай приходил туда и тут же проверял, как мы работаем, все ли у нас благополучно. (А однажды он возил меня с собой и к коллекционеру Кортавову в Новую Деревню за розысками каких-то документов.) Он пробуждал в нас инициативу поисков, учил не бояться архивов. Боязнь архивов он считал своего рода детской болезнью начинающего ученого, от которой он должен избавиться как можно быстрее.

Увлекали меня и лекции Е. Тарле. Но лекции эти учили главным образом ораторскому искусству. Часто впоследствии, когда я в 40-х годах начал преподавать на историческом факультете Ленинградского университета, я вспоминал, как останавливался Тарле, якобы подыскивая подходящее слово, как потом «стрелял» в нас этим найденным словом, поражавшим своей точностью и запоминавшимся на всю жизнь.

Нравственные вершины

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого…

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сожмете его вторично — часть складок лягут по прежним складкам: бумага обладает памятью.

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т. д.

На памяти древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая переворот в археологических исследованиях — дендрохронология.

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, позволяющие новым поколениям птиц совершать перелеты в нужном направлении, к нужному месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучить только «навигационные приемы и способы», которыми пользуются птицы. Важнее всего память, заставляющая их искать зимовья и летовья — всегда одни и те же.

Что и говорить о «генетической памяти»! Память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно, путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются трудовые навыки, бытовые навыки, семейные навыки, общественные институты… Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его, личной, и в памяти окружающих. Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то

не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитывать молодежь в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии — это одно из важнейших «наглядных пособий» морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к могилам предков. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. И подобно тому, как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ.

Может быть, следует подумать — не строить ли нравственность на чем-либо другом: игнорировать прошлое с его, порой, ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленными целиком в будущее, строить это будущее на «разумных основаниях» самих по себе, забыть о прошлом с его темными и светлыми сторонами. Это не только невозможно, но и не нужно. Память о прошлом всегда «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью. Культура человечества — это активная память человечества, активно введенная в современность.

Каждый культурный подъем был связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при Палеологах в Византии, в эпоху Ренессансу, в конце XVIII — начале XIX века вновь. А сколько было «малых» обращений культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся «темными». Каждое обращение к прошлому было «революционным», то есть оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед. Это — об обращении к античности, а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым.

Хотелось бы мне продемонстрировать эстетическую и

нравственную память на примере поэзии А. С. Пушкина.

У Пушкина роль памяти в поэзии огромна. Поэтическая роль воспоминаний, — я бы сказал «поэтизирующая» их роль, — прослеживается с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее — «Воспоминание в Царском Селе», но и в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но даже в поэме «Евгений Онегин».

Когда Пушкину необходимо внесение лирического момента, он прибегает часто к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

Была ужасная пора.
Об ней свежо воспоминанье…

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, а в «Арапе Петра Великого» — тоже предок — Ганнибал.

Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии, эстетического понимания культурных ценностей.

Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг и перед потомками.

КТО БЫЛИ НАШИМИ УЧИТЕЛЯМИ

Нам не следует бояться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры — посредницы и отдельных национальных культур славян. Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными своими местными интересами. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Их культуры для своего времени представляли собой в известной части итоги общеевропейского развития. Болгария, опередившая другие славянские страны на целое столетие, сделала великое дело, присоединив и себя, и литературы других стран к общему европейскому развитию и вместе с тем создав общий литературный язык для всех православных славянских стран, а частично — и для не славянских.

Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере

многонациональной: На основе многовекового общеевропейского опыта можно в дальнейшем глубже отразить национальные интересы и создать литературу высоких национальных форм. Общеславянская национальная литература-посредница, сама явившаяся в результате выделения из отдельных национальных литератур некоей «общей» части, была хорошей почвой для образования в дальнейшем высоких национальных литератур.

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что древняя, допетровская Русь была страной со сплошной малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам и крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи цветут изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах (даже вдали от городов и сел). В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых оригинальных произведений и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетической культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и чтения, о различных системах правописания и пунктуации… А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная»!

Почему так, догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, историки судили о Древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, о классовом гнете, об обнищании народных масс… И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать. Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в XI–XVI веках нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. И именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, как «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалась исконной и типичной для Древней Руси.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской эпохи.

Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре, высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, как, например, на Русском Севере.

Кто были деятелями Петровской эпохи? Да все люди, родившиеся в Московской Руси. Разве этого недостаточно, чтобы понять органичность у нас явления Петра?

Кто были нашими учителями? Одни голландцы? Нет. Петр учился во многих странах и у многих учителей. Из них первым был швейцарец. Разве этого недостаточно, чтобы понять самостоятельность Петра?

Наш алфавит называют кириллицей. Да, письменность наша восходит к делу Кирилла и Мефодия. Но алфавит, который в ходу у нас и у болгар, по составу букв и по их начертаниям создан и указан к употреблению Петром. И мы должны были бы его называть петровским. Но о Петре в этой связи никто и никогда не вспоминает.

НРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

Вот о чем бы хотелось сказать: в «Заметках о русском» и в «Диалогах о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем» я уже обращал внимание на некоторые черты русского характера, на которые в последнее время как-то не принято обращать внимание, — на доброту, открытость, терпимость, отсутствие национального чванства и пр. Читатель вправе спросить, а куда же девались в «Заметках» отрицательные черты русского человека? Разве русским свойственны одни только положительные черты, а другие народы их лишены? На последний вопрос читатель при желании найдет ответ в самих «Заметках»: я говорю в них не только о русском народе… А что касается первого вопроса, касающегося русских недостатков, то я вовсе не считаю русский народ их лишенным: напротив, их у него много, но… Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, городскими ландшафтами.

О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная. Вообще говоря, любая недоброжелательность всегда воздвигает стену непонимания. Благожелательность, напротив, открывает пути правильного понимания.

Самолет не падает на землю не потому, что он крыльями «опирается на воздух», а потому, что он подсасывается кверху, к небу… В народе самое важное — его идеалы.

УЧЕНИЕ — ЭТО ТРУД

Что, мне кажется, должна делать современная школа на рубеже XX и XXI веков? Прежде всего нужно помнить, что учение — это труд. И школа должна учить человека умению работать самостоятельно, работать дома, должна приучать к труду, в том числе и к труду научного работника. В конце концов, в XXI веке физическая работа в основном будет выполняться роботами.

Потом школьники могут быть кем угодно, бухгалтерами или рабочими и т. д., но это будет рабочий-ученый, так что нужно воспитывать ученого, потому что это профессия будущего.

И всегда следует помнить, что только в молодо-<**пропуск текста**>

людей нужно воспитывать не с восьмилетнего возраста, а с шестилетнего, с пятилетнего; я бы даже сказал, с пеленок закладывать в них основы интеллигентности.

И воспитывать нужно с очень большой интенсивностью, ведь подумайте, уже сейчас учение в среднем отнимает треть жизни человека. Эту треть жизни нужно сделать как можно более насыщенной. Следует активно прививать молодежи способность осмысленно выбирать профессию. К этому надо готовить очень рано, но самый выбор можно осуществлять лишь тогда, когда молодой человек достиг известного культурного уровня, то есть с восемнадцати-девятнадцати лет. Здесь он сам должен выбирать профессию, опираясь на широкий фон общих знаний, на культурную подготовку интеллигентного человека.

И тогда человек сможет внести что-то новое в выбранной сфере деятельности, потому что у него будет заложен основательный фундамент знаний из разных наук.

Конечно, среди гуманитарных наук, которые преподаются в школе, особенная роль должна отводиться тем, что воспитывают нравственность. Ведь проблемы нравственности сейчас очень усложнились и актуализировались. И потому науки, несущие сильный моральный заряд, такие, как литература, история, должны преподаваться очень умело, по прекрасным учебникам, хорошо подготовленными педагогами.

Но нужно еще преподавать формальную логику. Многие люди не умеют выражать свои мысли, не умеют доказывать свои убеждения.

Сейчас у нас и научные споры иногда просто сводятся к взаимным обвинениям. К обвинению, наклеиванию ярлыков и т. д.

Логика — это наука не только как мыслить, но и как спорить, как доказывать и как себя вести, например, в профессиональной среде. Способность к логическому мышлению в наше время в массе очень упала, даже не все ученые умеют логически точно мыслить. Они иногда делают гениальные догадки, но потом не могут их развить, доказать, в конечном счете утвердить.

Логика нужна для любой профессии, даже если человек занимается физической работой. У знающего и умеющего применять основы логики устанавливаются лучшие отношения с товарищами, он не будет грубо спорить с ними по разным пустякам и даже бытовым вопросам. Я считаю, что такие дисциплины, как логика, история литературы, история своей страны и чужих стран совершенно необходимы в школе. И

уменьшать объем преподавания этих дисциплин, а тем более исключать их из программ ни в коем случае нельзя.

Мое твердое убеждение, что в школе следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы. Литературное произведение само по себе исторически не объясненное, теряет на восемьдесят процентов свою действенность — моральную, эстетическую, какую угодно действенность. Ведь каждое произведение создавалось в определенных социальных условиях, при определенных исторических предпосылках, в конкретных биографических обстоятельствах в конце концов. Так и следует его рассматривать. А по существующим проектам школьных программ преподается не история литературы, а собственно литература, то есть берется отдельное произведение, и оно толкуется вне истории, вне биографии автора. Так можно дойти до абсурда.

Ведь даже у Пушкина есть вещи, которые нельзя воспринимать абстрактно, вне исторической обстановки. Вспомним, например, знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Попробуйте объяснить его вне контекста жизни Пушкина и времени, когда оно создавалось, и вы придете к самым неверным выводам.

Поэтому крайне важно преподавание в школе именно истории литературы, а не разбор отдельных литературных произведений.

История воспитывает. И история литературы воспитывает — она тоже часть истории.

И прежде всего при таком подходе будет ясно, что русской культуре тысяча лет и этим мы должны гордиться.

Древняя русская литература — это прежде всего семь веков в нашей культуре. Мы не вчера родились. Русский народ — один из самых древних в Европе. Имеет братьев — украинцев и белорусов. Прожил удивительную жизнь и создал целый мир искусств. Русской архитектуры хватило бы на десять наций — такая она разнообразная и в разные эпохи, и в разных областях совершенно не похожая, своеобразная. А древняя русская литература поразительно разнообразна по жанрам, по многочисленным идеям, стилям, по своей невероятной роли в общественной и государственной жизни страны, народа. Она заменяла собой государство, когда государство распалось и остатки, «островки» были завоеваны Батыем. Она укрепляла у народа сознание своего единства, напоминала о славной истории, продолжала культурные и политические традиции. Это чудо какое-то! И как же не приобщить молодежь к этому чуду, формирующему национальное самосознание и патриотизм?!

Но если исключить из программ преподавание древнерусской литературы, в том числе и «Слова о полку Игореве», или, оставив «Слову» так мало времени, что толком и прочитать его не успеть, то именно тогда у молодого человека создается впечатление, что Россия целиком зависела от Запада и лишь когда пришел Петр, наступили времена свободного общения с Европой, откуда пришла литература, которая принесла нам роман, повесть, поэму и т. д. и т. п.

Так ведь большинство людей и думает на Западе, что у нас якобы не было никаких своих собственных традиций. Слов нет, Запад, конечно, очень сильно повлиял на развитие России в XVIII веке, но семена, посеянные в то время, упали на весьма подготовленную почву. И забывать об этом нельзя. И из чувства справедливости перед предками, и из чувства патриотизма.

ОШИБОК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Культура — цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда. Научно-технический прогресс, борьба за мир, достижение высших скоростей, изобилие потребительских товаров — все это имеет целью развитие человеческой культуры.

Природа миллионы лет совершенствовала сама себя и наконец создала человека. Человек создан с огромными, до конца не использованными творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продолжал это развитие. Конечно, продолжение — это не создание еще более совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры. Эта единая цель всего человечества воплощается в тысячах различных произведений искусства, науки, философии. Человечество беспрерывно настигает свою цель. «Мадонна Альба» или «Сикстинская мадонна» Рафаэля, симфония Бетховена, «Гамлет» Шекспира, лирика Пушкина — все это «достигнутые цели».

Иногда мы возвышаемся не только до создания высочайших произведений, но до самых возможностей достигнуть их. Это тоже крайне важно. Нынешний век представляется мне как век достигнутых возможностей, за которыми должны последовать и самые произведения культуры общечеловеческой значимости, если не завяжется война, если научно-технический прогресс пойдет достаточно быстро и разумно, если наши производственные возможности реализуются в полной мере, если

человеческому творчеству не будут поставлены другие помехи.

Однако культура — такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе — произойдет замедление их развития, наступит творческое обеднение в науке и технике, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации.

Ученые опираются на общее культурное развитие, дающееся главным образом благодаря гуманитарным наукам. Приведу только один пример. Язык и мышление теснейшим образом связаны. Если язык обеднеет, обеднеет и мышление. Колоссальное значение имеет терминология, грамматические системы, способствующие самовыражению человека. Язык же опирается в своем развитии на письменность, а в ней преимущественно на литературу. А литература имеет колоссальное значение для развития нравственности, нравственного климата в науке и технике. Мы живем в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставит перед нами усложняющаяся наука и техника. Кто ответит нам на многие вопросы, возникающие перед нашим нравственным созданием? Именно литература, если она будет достаточно ответственна и глубока!

Наступает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимы. Нет ничего вреднее сейчас в нашеммире невероятных возможностей, чем утверждение: «На ошибках учимся!» На чьих ошибках? На своих! Их не должно быть. От ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать. Как грибники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад. Эта оглядка касается всех: архитекторов-градостроителей писателей, мелиораторов, физиков, педагогов, реставраторов, художников, торговых работников — кого угодно.

Нет такой специальности, которой не нужна была бы история — она основа культуры.

КУЛЬТУРА — ЦЕЛЬ, А НЕ СРЕДСТВО

В развитии современной культуры замечается излишний во многих случаях волевой ее характер, командные интонации в лирике, чрезмерность ритмов в молодежной музыке (к тому же и излишняя ее громкость), гимнастичность современного балета,

навязчивая нравоучительность прозы, гигантомания в скульптуре, брутализм архитектуры, чрезмерная роль режиссера в театре и т. д.

Хочется большей мягкости, человечности, иногда терпимости, размышлений, а не решений, разнообразия в педагогике, в градостроительстве, в искусствоведении, в науке вообще; разных научных школ, большего умения понимать чужие культуры, индивидуальность иного человека, его личность.

Личность должна больше цениться.

ЦЕЛИТЕЛИ ДУШИ

Как-то я возвращался из поездки до Астрахани и обратно. Теплоход современный, огромный, комфортабельный. На нем более трехсот пассажиров. Но не было ни одного, который оставался бы равнодушен при виде затопленных лесов и ободранных памятников архитектуры на берегах. Не успевало скрыться из виду одно, когда-то красивое, здание с провалившейся крышей, как появлялось в поле зрения другое. И так все двадцать два дня путешествия. Беда, лебедиными крыльями бьет беда! А еще больше огорчало, когда мы вообще не видели здания, еще недавно высящегося на берегу, но безжалостно снесенного под тем предлогом, что вид его из-за безнадзорности и запустения стал безобразен. Это же вопиющая безответственность и бесхозяйственность. Неужели нельзя приспособить погибающие церкви, старые усадьбы к нуждам окружающего населения или оставить их как памятники, знаки минувшего, покрыв только добротными крышами, предотвратив дальнейшее разрушение?! Ведь почти все они удивительно красивы, поставлены на самых видных местах. Они плачут глазницами своих пустых окон, глядя на проплывающие дворцы отдыха. И огорчало это решительно всех. Не было ни одного человека, которого зрелище «уходящей культуры» оставляло бы равнодушным.

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотизма, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленные целители души. А ведь памятники старины воспитывают, как и ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места — места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их

квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. И те, что есть, окружены любовью местных энтузиастов, добровольных музейных работников — работников «на общественных началах». Но как часто они безнадзорны у тех, кто за них должен отвечать по долгу службы!

И еще одно: почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, прочесть чью-то фамилию, имя и отчество, даты жизни — почему все это стало нас страшить и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

Но если мы не верим, что оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением, или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих…

Каждый может делать что-то доброе и оставить по себе добрую память.

Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе.

«КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»

Чтобы воспринять культурные ценности во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения, заложенную в них «культурную память».

Чтобы воспринять художественное произведение точно и безошибочно, надо знать, кем, как и при каких обстоятельствах оно создавалось.

Так же точно и литературу в целом мы по-настоящему поймем, когда будем знать, как литература создавалась, формировалась, как участвовала в жизни народа.

«ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ»

Человеческое познание позволяет проникать в чужое

сознание, не становясь этим чужим. Мы можем понимать то, что нам несвойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам.

Это свойство человеческого познания казалось всегда особенно удивительным в произведениях искусства. Примитивное объяснение способности творца понять явления, которые он изображает, заключается в том, что изображаемое составляет частицу души самого творца, свойственно творцу и представляет собой результат самопознания. Так создаются легенды о том, что художник, проникновенно изображавший преступление, сам преступник, а объективное воспроизведение какой-либо идеи принимается за убежденность в этой идее.

Однако в потенции познающего лежит познание всего окружающего его мира, каким бы сложным и посторонним для познающего этот мир ни был. При этом чем глубже и шире развита личность познающего (творца-художника), тем большими способностями проникновения в личности других людей он обладает.

Наше понимание других культур зависит от объема накапливаемых знаний об этих культурах.

Культура движется вперед путем познавательных открытий и путем освоения этих открытий, их осмысления в современности и для современности. Но открытия эти и их освоение не требуют перевоплощений, как их не требует и творчество отдельного художника.

Познание чужой культуры или культуры прошлого имеет глубоким результатом не внешние заимствования (хотя отдельные частные заимствования могут оказаться полезными), а общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, «познавательной гибкости», увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора.

ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ

Кино в моей жизни?

Я помню еще первые его шаги. Совсем маленьким мальчиком я стал заядлым любителем кинематографа, как его тогда называли. Жили мы в то время на Офицерской улице в Петербурге, как раз напротив кинотеатра «Мираж», и ходили туда на все «перемены» (так называлась смена программы). По субботам мы собирались всей семьей, одевались, как на праздник… Киносеанс состоял из нескольких короткометражных

лент: «видовая» или «научная» кинохроника, потом «феерия», одна или две «драмы» и, наконец, «комическая» лента.

Хорошо помню содержание тех фильмов. Помню, как испугался, увидев идущий прямо на меня поезд. Интересно было наблюдать охоту в Африке. Лента «Гибель «Титаника» буквально потрясла — это был документальный фильм, кинооператоры отправились с пароходом в первый рейс и после трагедии с большим трудом вывезли отснятую пленку на спасательных шлюпках. Потом, встретившись с игровой картиной «Сто дней Наполеона», я долго был уверен, что она тоже документальная, что показывают подлинную жизнь, подлинные события.

В этих простеньких, немудреных фильмах просматривались зачатки будущего киноискусства, чего мы, конечно, не осознавали. Некоторые фильмы были цветными (раскрашенными от руки), звуковыми, потому что сопровождались не только аккомпанементом на фортепиано, но и выкриками, выстрелами (их производили ударами палки). При всей своей примитивности они будили воображение, как бы даже воспитывали его.

Так, посмотрев картину «Дети капитана Гранта», я совсем иначе, образно, стал воспринимать другие романы Ж юля Верна, воображать их героев, будто смотрю фильм. Кино познакомило меня с писателем, помогло полюбить его. А ведь Жюль Верн — это целый мир, чего только нет в его произведениях! Он давал людям моего поколения не только литературное, но и общее образование. Поэтому считаю столь важным то, что знакомство с литературой для многих людей, особенно юных, начинается с кинематографа, но, к сожалению, иногда на этом и кончается. Бывает, что и знакомство с Пушкиным кое для кого начинается с оперы «Евгений Онегин» и на этом заканчивается. Мне искренне жаль этих людей, так и не изведавших прелести и мудрости пушкинского стиха. Вместе с тем уверен, что если после фильма, созданного по литературному произведению, зритель не заинтересуется книгой, чтобы с нею сравнить увиденное, то это первое свидетельство того, что зрелище на него не подействовало, не разбудило воображение.

Думаю, мы еще не до конца осознаем роль кинематографа в нашем воспитании, в процессе познания мира. Сегодня естественно, что любой мальчишка знает, какие деревья растут, скажем, в Индии и какие звери бродят по африканской саванне, явственно представляет себе американские небоскребы. И все благодаря кинематографу, экрану. Дети, которые воспитывались иначе, в лучшем случае на иллюстрациях из журнала «Природа и люди» или «Вокруг света», таких широких и емких познаний о наших соседях по планете, о жизни не имели и иметь не могли.

Во время моей юности успехом пользовались и так называемые «психологические фильмы» — с Верой Холодной, с Мозжухиным. Игра актеров там, собственно, выражала не чувства, а символы чувств. Если герой в отчаянии хватался за голову, значит, у него какие-то тяжелые переживания. Если он появлялся в обтрепанном пиджаке, согбенный, значит, он на грани жизненного краха. И все же несовершенство немого кино оборачивалось достоинством, оно что-то недосказывало про человека на экране, зритель должен был многое довообразить сам.

Думаю, что искусство и не должно выходить за пределы необходимого, исчерпывать предмет изображения полностью. Слишком часто у нас в фильмах выговаривается решительно все, что можно, и даже чуточку больше. И делается немножечко скучно. Смотрел я «Вокзал для двоих» Э. Рязанова. О фильме спорят, добавлю в споры и свое суждение. Там есть прекрасные минуты. Но досидеть обе серии тяжело. Вот уже, кажется, и конец, ан нет, тебе еще что-то хотят договорить. Финальная сцена фильма хороша сама по себе, но она уже за пределами вокзала для двоих, это как бы другой сюжет, из другого фильма.

Как важно остановиться вовремя! Но не все режиссеры это умеют. А подобное происходит, по-моему, от недоверия к зрителю: не поймет, мол. Кино много теряет, когда втолковывает очевидное, то, что зритель уже давно понял.

В воспитании вкуса важно прежде всего самовоспитание. Оно возможно только тогда, когда не отвергаешь с порога непонятное, непривычное, когда не закрываешь для себя возможность в непонятном разобраться… Когда я впервые увидел фильм Ф. Феллини «Восемь с половиной», то, признаюсь честно, ничего в нем не понял. Посмотрел еще раз — многое прояснилось.

Есть, конечно, вещи, понятные всем. «Король Лир» режиссера Г. Козинцева, убежден — это фильм для всех. При этом он остается для меня одним из лучших когда-либо виденных кинопроизведений.

А вообще-то, думаю, не стоит впадать в отчаяние от того, что бывают плохие фильмы. Ведь, в конце концов, и в литературе не каждый писатель гений. Существует и «средняя» литература, без нее не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского. Вершин в степи не бывает. Чтобы вырос Эльбрус, нужно, чтобы вокруг него стоял разновысокий горный хребет.

Но вот если зритель не разбирается в том, что плохо, а что хорошо, тут есть причина для огорчений. Потому что тогда и у режиссеров нет стимула роста. Зритель и режиссер — они ведь скованы одной цепью. Хороший зритель создает хороших

режиссеров. И наоборот. Хотя, может быть, первое существенней.

Человек должен быть хорошо эстетически воспитан. Не могу представить себе, чтобы кто-то хорошо разбирался в кино, не разбираясь в живописи, музыке, литературе. Особенно литературе, ведь из всех искусств она ближе всего к кинематографу.

Одно лишь киноискусство не может воспитать человека. Это должны делать с ним вместе и литература, и театр, и семья, и школа.

Причем школа прежде всего. Знаю это по собственному опыту. Мне посчастливилось в 20-е годы учиться у удивительного педагога — Леонида Владимировича Георга. Я об этом уже писал. Человек высочайшей культуры, он на уроках не только читал нам свои любимые произведения, но и пел для нас старинные былины и оперные арии, аккомпанируя себе на рояле. Увлеченные его любовью к литературе, мы, мальчишки, потом выискивали, где могли, названные им книги и штудировали их. Леониду Владимировичу я обязан своим интересом к древнерусской литературе.

С ним можно было поговорить, поспорить и на темы, далекие от учебной программы. И конечно же, часто мы с ним делились своими впечатлениями о кино. В те годы на экране появился модный многосерийный фильм «Таинственная рука» — предок нынешних детективов. Посмотрев одну или две серии, Леонид Владимирович сумел довольно едко вышутить это наше увлечение, доказать, что подобные зрелища способны разбудить в душе человека не самые лучшие чувства и побуждения.

Мне всегда казалось, что в этих произведениях — и в кино, и в литературе — есть какая-то фальшь, нарочито созданный мир искусственных опасностей. Беда нынешних детективов даже не в том, что они чаще всего строятся по шаблону, что их сюжет не имеет никакого отношения к современным научным методам ведения следствия. Главное, думается, в том, что в них заключена только одна сторона в целом правильной идеи: человек, решившийся на преступление, должен знать, что его найдут, что возмездие неотвратимо. Это верно, конечно, но и недостаточно. Важно так вести воспитательную работу, так формировать души, чтобы у человека вообще не возникало поползновения преступить черту закона: он должен быть добр и честен сам по себе, как бы изначально, а не только из страха перед тем, что преступление будет раскрыто.

Люблю я кинопутешествия, документальные фильмы, если они хорошо сделаны. Из игровых картин меня привлекают те, где затронуты сложные нравственные проблемы, воплощенные в

неоднозначных человеческих характерах. Заставляющие думать, вызывающие сочувствие, не дающие простых, однозначных ответов. Так, например, оставили след в памяти ленты Г. Панфилова «Начало» и «Прошу слова» с Инной Чуриковой в главных ролях.

Я вообще считаю, что уже само имя актера должно давать знать о качестве фильма, в котором он принимает участие. Увидел его на афише — и знаешь: тебя ждет встреча с чем-то интересным, ибо этот исполнитель не станет играть дурную, бессмысленную, бессодержательную роль. Это, конечно, налагает на артиста большую ответственность: он не должен ронять себя, браться за что придется. Для меня примером такой взыскательности, самоуважения стали М. Ульянов, И. Чурикова, некоторые другие актеры и актрисы.

Каждый актер хочет быть любим зрителями, но ведь это чувство зиждется на доверии…

Многие фильмы, ситуации, затронувшие сердце, не оставившие равнодушным, конечно же, «примериваешь» на себя — таково вообще свойство зрительского восприятия. Без такого сопереживания, соучастия людей искусство мертво. Случается, выйдя из зала, и неделю, и две ходишь под впечатлением увиденного.

Бывают же картины, оставляющие зарубку в памяти на годы. Я с благодарностью вспоминаю давнюю американскую ленту «Двенадцать рассерженных мужчин» — историю человека, который в борьбе за судьбу осуждаемого сумел один противостоять общему мнению, смог его переломить, восстановить справедливость, Подобная ситуация может ведь произойти в самых различных сферах жизни. Даже в таком, казалось бы, мирном и благородном деле, как охрана памятников культуры. Порой принимается решение о сносе или переделке какого-нибудь ветхого здания, мешающего новому строительству, и люди, еще недавно так рьяно отстаивавшие, утверждавшие его историческую ценность, опускают руки: «А что мы можем, это безнадежно, незачем больше копья ломать»… Фильм еще раз доказал мне, что надо уметь до конца исполнять свой нравственный долг. И победить. Что касается фильмов исторических, то, в целом, я считаю, дело это полезное, более того — необходимое. Отношение к прошлому формирует национальный облик народа. Ведь каждый человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе память прошлого, он губит частицу своей личности. Порой мы знаем историю очень отвлеченно, схематично — даты, формулировки. А ведь как интересны в ней разные на первый взгляд мелочи,

говорящие о жизни наших предков, — их быт, характер, судьбы конкретных людей. Кинематограф — искусство конкретное — может во многом дополнить наше образование. Но лично я многие исторические фильмы смотрю с досадой, а то и просто предпочитаю не смотреть. Уже по декорациям, по одной-двум сценкам, случается, видишь, что тебе предлагают развесистую клюкву. Потому что многие режиссеры предпочитают снимать не историю, а свое представление о ней. И чаще всего шаблонное.

Конечно, большую помощь в этом деле могли бы оказать консультанты-специалисты. Но их положение на съемочной площадке, насколько я знаю, зачастую незавидно. Мне однажды довелось консультировать исторический фильм. Привезли меня в Новгород-Северский показали декорации — роскошные, дорогие, но поражающие нищетой представлений Древней Руси. Но изменить ничего уже был нельзя. Очень стыдно потом видеть свое имя в титрах…

Исторический фильм — это не только антураж, но и позиция автора, его личностная интерпретация прошлого, основанная на глубоких знаниях. Для меня идеалом такого проникновения в душу и суть истории является работа Г. Козинцева над произведениями Шекспира. Будучи в Англии, я не раз слышал, как наши советские «Гамлет» и «Король Лир» называли лучшими, самыми точными, философски осмысленными версиями этих произведений. Такое признание много стоит.

Как и в детстве, когда я ходил в кино по субботам так и теперь всегда предвкушаю встречу с новым фильмом, как праздник. И рад, если не обманулся в своих ожиданиях. Ведь хороший кинематограф всегда делает свою важную и нужную работу — воспитывает чувства воображение, нравственность, расширяет гори зонты познания мира и человека.

О поле, поле…

КРАСОТА СПАСЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Культура принадлежит всему человечеству. Говорят, был такой случай. В Ирландии, в Дублине, при строительстве высотного здания было обнаружено превосходно сохранившееся норманнское селение. По распоряжению муниципалитета Дублина вещи были переданы в музей, а остатки домов и улиц уничтожены для возведения фундаментов строившегося здания. Но страны, считавшие себя наследницами норманнов, заявили протест.

Аналогичных случаев в разных странах бывает немало. Сходные положения повсюду. Музеи включают в себя произведения, созданные вовсе не в стране, которой они принадлежат. Голландские мастера — в США, Франции, Германии, России. Русские иконы — в музеях Швеции, Норвегии, Италии и т. д.

Большинство предметов искусства имеют своих юридических владельцев. Юридическая принадлежность в громадном большинстве случаев расходится с их историческим происхождением и общей моральной ответственностью за них не только юридических владельцев, но и тех стран, в которых они находятся.

В свое время у меня была статья, называвшаяся «Кому принадлежит история», в которой я оспаривал право градостроителей сносить в своих городах здания, менять историческое лицо заповедных зон, утверждая, что каждый исторический город России принадлежит всей стране, а в ней историческими ценностями должны распоряжаться не только все граждане, но и учитываться права наших потомков. Потомки — наследники, а мы в известном смысле опекуны этого наследства, обязанные его передать в целости. Что значит «обязанные»? Конечно, не в юридическом смысле, а в моральном. Но моральные законы в вопросах культуры стоят значительно выше правовых норм. Конечно, право, в конечном счете, основывается не на морали, но право не может поспеть за моралью, моральные нормы значительно выше, тоньше и ответственнее. Право только в самых общих чертах может оформить то, что требует от нас мораль, а в огромном большинстве случаев не в состоянии оформить моральные требования. Если в один несчастный день рухнет Преображенский храм в Кижах, кто будет за это в

юридическом ответе? Согласно существующей практике «ослабленной законности» в вопросах охраны памятников, скорее всего — никто. Если законы все-таки будут применены, то — отдел культуры Петрозаводского облисполкома. Министерство культуры РСФСР и Министерство культуры СССР… Может быть, еще кто-то. Но ущерб будет нанесен людям, и не только в нашей стране, но и за рубежом. Кижи принадлежат всему человечеству. Это часть мировой культуры.

Я нарочно выбрал пример с Кижами, а не, скажем, с Парфеноном или Пизанской башней, ибо Кижи могут рассматриваться как сугубо национальное, народное русское произведение. Но любое народное произведение или произведение народа обязано рассматриваться как явление и ценность культуры всего человечества. И это касается не только памятника архитектуры, но и любого другого явления искусства, науки, техники, даже любого обычая (более или менее ценного), языка и т. д. Раз созданное, сотворенное, открытое, вычисленное, изобретенное, наблюденное, исполненное и т. д. явление культуры становится либо действительным достоянием культуры, либо потенциальным достоянием культуры человечества.

В культуре ничего не может быть посажено в клетку и ничто не вышло из клетки — из страны, извечно отгороженной великой китайской стеной (да не обидятся на меня китайцы — они ведь создали свою стену, чтобы защититься от нашествий, а не для того, чтобы замкнуть свою культуру в своих пределах).

Культура создается сообща. Законна гордость любого народа своими памятниками, своими изобретениями, своим фольклором, своей музыкой или литературой. Больше того, если такой гордости нет, — это признак какого-то серьезного национального неблагополучия. Гордиться народу следует и своим большим, и небольшим вкладом в культуру человечества. Ибо во всяком культурном вкладе любого народа есть нечто свое, неповторимое, а потому и особенно ценное.

Но из чего создается это неповторимое? Оно не возникает на пустом месте. Ни одна народная культура (культура народа) не создается из ничего. Материалом для новой культуры служат прежние, соседние — оседлые искусства и «непередвигающиеся» — музыка, фольклор, литература, наука, почти не знающие границ.

Взглянем на карту Европы. Сколько народов перебывало в прошлом на открытой равнине России и Украины? И каждый народ что-то оставлял свое. Что-то затем сливалось в культуре восточных славян и с помощью географического и языкового единства этого восточнославянского народа разносилось дальше

и дальше, сливаясь в единую и великую культуру, захватывавшую и те территории, куда восточные славяне сами по себе не проникали. Культура идет впереди народа. Ее разносят торговцы, ремесленники, просто переселенцы, но она может проникать все дальше путем заимствований и влияний без людей — носителей этой культуры, отдельных знаний, приемов, обычаев и т. д.

Яркий пример самобытности культуры — Сицилия, — самобытности, созданной множеством перебывавших здесь народов. Финикийцы, греки, римляне, норманны, сарацины, испанцы и т. д. — все эти народы оставили здесь следы своих высочайших культур, следы, слившиеся в единое целое. Даже отдельные народы принесли сюда разные периоды своей культуры: греки, например, принесли и античность, и Византию. Чтобы ощутить единство трех тысячелетий, надо побывать в Сиракузах, в Палермо: увидеть храмы в Монреале и Чефалу.

Культура развивается не путем перехода на новые, «передовые» рубежи, а путем накопления. В самом деле, мы говорим, что те или иные народы оставляли следы своей культуры, влияли на другие народы и т. д. Но сама по себе культура растет, а не передвигается. Она накапливает в себе ценности и становится выше не путем перемещения, а путем приобретения ценностей. Само по себе любое культурное явление не остается безразличным к человеку: оно его перестраивает, и человек, обогащенный, становится способен создавать еще более высокие ценности. Возьмите романы Достоевского. Разве они остались в нашем сознании, ничего не изменив в нас? Разве не повлияли они на мировую литературу? Это не означает, конечно, что сразу все писатели стали не ниже или даже выше Достоевского. Во многом мы не можем даже превзойти античную литературу! Увеличился лишь предел возможностей в литературе. А слабые писатели всегда останутся.

Мы сейчас имеем в запасе нашей культуры все большие и большие возможности, потенции для творчества. Я думаю, что прогресс в культуре состоит не столько в реализации этих возможностей, сколько в их появлении благодаря удивительному, поражающему богатству человеческой культуры. Мы часто удивляемся и восхищаемся богатством природы, но почему мы не стоим в таком же изумлении перед богатством того, что создал человек? Возобновлять в памяти, хранить в памяти все то, что сделано человеком за все тысячелетия его существования, — это уже одно является феноменом человеческой культуры и его надеждой.

Красота спасет человечество. Сложность и переплетенность вопроса об ответственности за культуру одновременно и тормоз в

ее осознании, и дверь для различных способов осознания человечеством своего единства.

В самом деле, если бы общая ответственность за отдельные памятники культуры, за культуру в целом сводилась бы к ясным юридическим нормам, тогда отстаивание культуры от ее исчезновения, недооценки, злоупотребления ею и пр. в такой же мере объединяло бы страны и отдельных людей, как и разъединяло их, возбуждало бы споры или даже что-то вроде судебных процессов. Однако именно потому, что ответственность за культуру проблема нравственная, — при всех неясностях, которые могут возникать в нравственной сфере, — сама по себе нравственность только объединяет. Конечно, могут в нравственной области возникнуть вопросы — ценно или не ценно то или иное произведение (так могут возникнуть обвинения произведения в порнографии или милитаризме, в «чуждой» тому или иному обществу идеологии и т. д.), но в целом общность ответственности может только повысить эту ответственность и только в исключительных случаях привести к уничтожению памятника. Так было при сменах религий, когда памятники, связанные со старой религией, уничтожались новой. Однако в настоящее время даже и в религиозной области человечество достигло известного уровня терпимости, при котором о такого рода уничтожениях уже не может идти речь. Необходимо только достигнуть еще и эстетической терпимости, которая будет помогать художникам одного направления сосуществовать с художниками другого направления. Осознание многоликости красоты облегчит осознание человечеством своего единства. Наука уже объединяет человечество. Необходимо, чтобы красота объединила человечество не менее крепко.

Итак, если культура принадлежит всему человечеству, имеет общие истоки, постоянно была связана между собой по странам и континентам, то и цель, которая стоит перед культурой, состоит в том, чтобы служить объединению. Объединению творца и воспринимающего служит произведение. Но объединяются и все воспринимающие произведение между собой, они «заражаются» общими мыслями и настроениями. Произведения искусства сильнее, чем что-либо другое, способствуют взаимопониманию между народами. Надо только осознать и пропагандировать ту мысль, что у явлений культуры нет собственников. Есть только юридические владельцы, нравственно отвечающие за них, как бы их хранители.

Всемирная общественная организация, призванная вести наблюдение за сохранностью и доступностью памятников культуры (в самых различных ее формах), служила бы делу мира

и взаимопонимания.

ВНИМАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНО

Человеческое внимание избирательно. Человек замечает то, что ему нужно. Он не «слышит» тех звуков, которые ему не нужны, не имеют для него непосредственного значения: шум улицы, если он однообразен, шум мотора. Он «услышит» лишь прекращение шума мотора, и то, если он автомобилист: прекращение привычного шума мотора несет в себе опасность — и он его уловил.

Мой отец был специалист по типографским машинам, работал в типографии им. Евгения Соколова (когда-то это была знаменитая типография Маркса). Однажды, по рассказам А. А. Косова, отец играл в шашки в столовой типографии и услышал через наборный цех, что в печатной машине неполадка.

Внимание человека улавливает значимое и не улавливает обычное. Но особенно замечается то, что таит в себе опасность, сигнализируя об опасности.

Восприятие художественных произведений тоже избирательно, особенно на первых этапах существования искусства.

«СВОЯ ТЯЖЕЛАЯ СТОРОНА»

Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего. Современная промышленность начинает «эксплуатировать будущее»: уничтожает природу, запасы полезных ископаемых, все ресурсы, которые нужны не только нам, но которые будут нужны будущим поколениям. Теория: «Во имя будущих поколений». Практика: «Берем от природы и то, что будет нужно будущим поколениям». Так обстоит дело уже в XIX веке по всему миру. Вот что пишет В. И. Вернадский в одном письме об американской технике: «Та новая техника — американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели вовсю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на

десятки верст страны — превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена, и все для достижения одной цели — быстрой добычи никеля».

«КАСКАД МУЗЕЕВ»

Волга известна каскадом гидростанций, но Волга не менее ценна (а может быть, и более) «каскадом музеев», художественные музеи Рыбинска, Ярославля, Нижнего Новгорода (Горького), Казани, Саратова, Плеса, Куйбышева, Астрахани — это целый «народный университет» по искусству для тысяч и тысяч туристов, едущих на теплоходах. Их можно было бы так организовать, что каждый из них был бы своего рода образовательным курсом со своим особым назначением. «Можно было бы», но не надо, так как история каждого из этих музеев — уже памятник культуры своего края.

Важна история создания и пополнения каждого из музеев, и перемещать их экспонаты не следует. Их можно только пополнять — из фондов центральных музеев и за счет приобретений и пожертвований.

ПРОГУЛОЧНЫЕ ПАРКИ

У нас слишком мало включали историю садовых стилей в историю культуры. Сады бывают не только регулярные и пейзажные; это очень примитивное деление. В садовом искусстве отражается смена всех великих стилей.

Не только озеленение городов (скверы, бульвары), но и строительство больших прогулочных парков, в которых можно было бы гулять и наслаждаться переменами целый день, отвлекаться от повседневных забот — задача будущих паркостроителей.

Города растут, а площади, занятые в них прогулочными парками, катастрофически уменьшаются. Пути прогулок прерываются новым строительством. Большие цепи прогулочных парков превращаются в цепи скверов. Пример тому Ленинград и Москва.

ОХРАНЯЕМЫЙ ПЕЙЗАЖ

Надо брать под охрану не только архитектурные памятники,

но и целые пейзажи, так, как это делается, например, в Шотландии, где сохраняется весь «вид» до горизонта. Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохранены, как памятники культуры (человеческой и природной).

Одним из первых должна быть взята на учет вся зона города Плес на Волге. Центром пейзажной зоны следовало бы в таком случае избрать либо дом, в котором жил Исаак Левитан, либо березовую рощу на горе.

Другой охраняемый пейзаж — от земляного вала Новгорода к югу: Красное поле по правому берегу Волхова и от Новгорода до Аркаж, Витославиц и Юрьева монастыря по левому берегу Волхова.

Бородинское поле должно быть охраняемым пейзажем, а также Куликово поле, заливные луга по Десне Новгорода-Северского и Чернигова и многое другое.

Пейзажи России должны быть учтены.

О ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ

Мы неправильно представляем себе, что такое «памятник культуры». Это не только здание (дворец, церковь, усадьба и т. д.) — а это чаще всего целый район, улица, архитектурный и природный ландшафт. Здание строится в окружении, и это окружение крайне важно.

Невский проспект в Ленинграде — это памятник архитектуры на всем его протяжении — от Московского вокзала и до Адмиралтейства.

В этих ансамблях нельзя менять даже самых скромных построек. Может быть и так, что в районе нет ни единой выдающейся постройки, а район этот в целом — памятник архитектуры.

Весь мир сейчас знает в Киеве Андреевский спуск. Он начинается от поразительной по красоте Андреевской церкви Растрелли и направляется к Подолу, все время, на всем своем протяжении, открывая замечательные виды на окружающее — на Днепр, Подол — и открываясь в своей скромной, уютной красоте. Это сочетание скромной уютности и величественного окружения — поразительная особенность Андреевского спуска. Я не знаю в мире ни одного другого такого места. Одно сознание того, что в мире существуем Андреевский спуск, наполняет меня, ленинградца, счастьем и радостью.

Надо хранить как драгоценность и самый спуск с его булыжниками и милыми, скромными домами, и все виды,

которые с него открываются. Можно только слегка «улучшить» его, создавая скромные видовые площадки.

Но так повелось: незадачливые архитекторы часто стремятся «присоседиться» к старой красоте. Так проще всего себя прославить. Так проще архитектору оказаться на виду. Поэтому, вместо того чтобы создавать красоту на новом месте, взламывают старые здания и ставят свое в оправу прославленных мест. Это мы видим повсюду.

По моему глубокому убеждению, архитектор, в ведении которого находится старое, должен быть молод. Молодость больше блюдет традиции, ценит память и способна более активно блюсти старые здания, старые районы.

Никаких скрытых от глаз общественности решений, никаких рассуждений о том, что архитекторы обладают особыми профессиональными знаниями, недоступными жителям города! Это все обычные «прикрытия» для порчи наших исторических городов.

Широкого обсуждения требует от нас время — время растущей демократии и гласности.

Молодые решат, киевляне посмотрят, проверят.

Никаких гостиниц — это самый обычный и распространенный враг старого, враг красоты…

Киев для киевлян. Андреевский спуск может иметь только скромные видовые площадки, небольшое кафе — и только…

Дом Булгакова — его центр.

«ПУШКИНСКИЙ ПАРК»

Есть в Москве в пределах Бульварного кольца в буквальном смысле Пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов, арбатских и кропоткинских переулков, ведущая нас к другому зеленому массиву в центре столицы — к парку имени Горького.

Что же это такое — «Пушкинский парк»? Прежде всего, это будущее, которое мы должны построить для того, чтобы получить своеобразное Михайловское в Москве.

Уже не раз я говорил о ритмах и нагрузках нашей эпохи — эпохи НТР. Это закономерное явление в жизни человечества, но при одном непременном условии. При условии действенных эмоциональных и интеллектуальных нагрузок. Человеку в наше время, как никогда, важно периодически, не от случая к случаю,

переключаться на тишину, на природу и на высокие размышления. Это не доброе пожелание, это объективная необходимость, условие, при котором мы сумеем создать нравственное здоровье, активное, психически устойчивое общество будущего.

Образ сада, эдема, образ места уединения от суеты жизни всегда, во все времена был желанным. Сейчас такой сад жизненно необходим, его надо смело вводить в самые сердцевинные части современных городов, особенно современных сверхгородов.

Такой парк, непременно имеющий пешеходные маршруты (обязательно для прогулок, а не садик для сидения на скамейках), будет способен выманить людей из квартир, чтобы они сменили бездумное, иногда бездуховное «расслабление» у телеэкрана на зеленую тишину, прогулки, размышления.

Для создания «Пушкинского парка» практически надо совсем немного. Не нужно ни сносить жилые кварталы, ни перепланировать проспекты, ни вести сложные строительные работы.

Создание парка я вижу в выполнении нескольких принципов.

Первый — тщательные работы садоводов-специалистов над превращением Тверского, Суворовского, Гоголевского бульваров в романтические парки («романтический парк» не литературный образ, а точный термин).

Второй — создание непрерывного «зеленого» пешеходного маршрута от памятника Пушкину до пушкинского музея на Кропоткинской улице.

Третий — переулки Арбата должны быть «зоной зелени и тишины» «Пушкинского парка». После уничтожения старых, малоценных построек здесь осталось много пустырей. Следует их тщательно засадить деревьями и кустарниками, составляющими фрагменты большого парка. Переулки должны стать, безусловно, пешеходными.

И наконец, четвертый принцип организации «Пушкинского парка» заключается в том, что все работники культуры, и в первую очередь сотрудники Государственного музея имени А. С. Пушкина должны принять участие в создании парка, сделав все памятные места (ведь здесь не только пушкинские — здесь и дом Гоголя, и дом Аксаковых, и дом Герцена, и дом Блока) органическими, необходимыми составными частями этой огромной зоны духовной тишины.

Все, о чем я говорю, в конце концов, не ново. Ведь были в свое время старые парки, в которых такими «опорами духа» были античные статуи, фонтаны, гроты, искусственные руины. В нашем обществе свободных людей, свободного духа — иные символы,

иные святыни.

И потому я убежден, что «Пушкинский парк» будет. Дело только за тем, чтобы идея созрела в душах…

Будущее живет в делах и планах сегодняшнего дня. Скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту и себе, детям и внукам, потомкам нашим, будет «Пушкинский парк» в столице!

Город на земле

ОБРАЗ ГОРОДА

В последнее время большое беспокойство в специальной научной литературе, в публицистике и выступлениях по поводу современной архитектуры вызывает потеря городами своих отличительных, характерных черт — безликость архитектурная и в широком смысле градостроительная.

Архитекторы, планирующие развитие городов, по большей части крайне поверхностно знают историю планируемого ими города, не имеют представления о том, что в этих городах ценного в градостроительном отношении, какие градостроительные идеи в этих городах развивались. Простейший пример. В Новгороде Великом большой современный театр выстроен тылом к Волхову. На центральной площади в Новгороде-Северском Центральный универмаг также выстроен тылом к Десне и закрыл собой вид на Десну и заречные заливные луга.

И в том, и в другом случае градостроители даже не представляли себе, что древнерусские города строились лицом к реке: именно река была центральной магистралью города.

Только история городов, взятая в ее краеведческом смысле, может помочь градостроителям сохранить или даже обогатить «образ города» — его «душу», усилить эмоциональный аспект городской архитектуры, столь важный в древности и столь необходимый в будущем.

Русское краеведение пережило в начале XX века свой наивысший подъем, в котором участвовали две выдающиеся личности: профессор И. М. Гревс и его ученик Н. Н. Анциферов. И. М. Гревсом были заложены основы городского краеведения. Ему принадлежит целый ряд трудов, посвященных созданному им «экскурсионному методу» обучения истории, но который, по существу, мог бы быть причислен и к методу изучения того, что Гревс называл «образом города» или, более эмоционально, — «душой города».

И. М. Гревс так определял значение городов в познании исторического прошлого страны: «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов… Город — центр в одно время культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и

наглядное мерило уровня культуры, а история города — прекраснейший путеводитель ее хода и судеб».

Отсюда следует, что в сохранении исторической преемственности развития культур изучение и сохранение «образа города» играет первостепенную роль.

И. М. Гревс говорит о наглядной «биографии» городов, наблюдаемой более или менее открыто для его жителей и посетителей. Изучая город, нельзя ограничиваться лишь «внешней физиономией его». «Надобно изучить его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность — и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа… Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, — и к чему в конце концов привело город его прошлое».

Изучение истории города, наглядное ощущение этой истории для Гревса основная часть «реального и монументального исторического родиноведения».

Термин «родиноведение» также создан И. М. Гревсом. Ни в коем случае изучение биографии города, его образа не должно, с точки зрения Гревса, ограничиваться его «сильными памятниками». Образ города составляет его планировка, взятая в ее историческом аспекте, рядовая застройка города, создававшаяся веками, рельеф местности, связь с окружающей природой, путями сообщений, окрестностями и т. п.

Без всего этого невозможно и думать о познании образа города, а для архитекторов — о сохранении исторической преемственности в новой застройке.

При этом И. М. Гревс справедливо полагал, что, изучая историю города, нельзя ограничиваться одними документами, историческими планами города, литературными источниками и т. д. Необходимо наглядное, зрительное и вместе с тем эмоциональное восприятие истории.

В самом деле, если современный градостроитель или архитектор отдельного здания хочет создать эмоциональный образ города, района, он обязан знать и тот эмоциональный образ («душу») города, который заключен в нем как в целом, а также в том районе, который архитектор собирается обновить своим творением. Не ломать образ города, а совершенствовать его или по крайней мере сохранять, оберегать — такова естественная задача любого строителя, создателя нового памятника или озеленителя, если только, конечно, он ценит создавшуюся столетиями красоту города, в котором он строит.

Существует множество объединяющих принципов, по

которым может изучаться история города не только как целостного объекта, но и как совокупности многосторонней его жизни. Подобно тому, как в общую историю входит история культуры, история отдельных искусств (театра, литературы, архитектуры и т. д.), история науки, история отдельных замечательных лиц, так и история города может быть разделена на целый ряд специальных историй, каждая из которых должна учитываться в истории города.

Совершенно прав И. М. Гревс, когда утверждает, что образ города неотделим от образа его окрестностей. Например, «уяснению» Москвы прекрасно служат окружающие ее монастыри и царские либо княжеские дворцы и поместья, а душу Петербурга прекрасно толкуют Петергоф, Царское Село, Павловск, Гатчина и Ропша, Ораниенбаум, Кронштадт и Шлиссельбург.

Сады и парки в окрестностях Петербурга, воздвигаемые одновременно с самим городом, полным садов, должны были служить созданию образа «парадиза» от Охты до Ораниенбаума и Котлина.

Характер окрестностей города связан с его историей чрезвычайно тесно. Вспомним, например, что окружающие дворцы и парки Петербурга строились одновременно с городом. Кольцо пригородов было той оправой искусств, в котором Петербург-Ленинград всегда был центром. Ни один город мира не строился в таком плановом порядке вместе со своими окрестностями. Совсем иное в Москве, где «подмосковные» строились в различное время и не были объектом градостроительного замысла, как это было в Петербурге.

Краеведческое изучение и краеведческое сохранение городов имеет чрезвычайно сложную, богатую и трудную структуру.

Однако как сохранить образ города в современных условиях разрастания населения, транспорта, промышленности и т. д.? Ясно, что строительство по окраинам не спасет город как культурный центр, особенно если иметь в виду; что только что было сказано о роли окрестностей в создании «образа города», его «души».

Разрастание пригородов в конце концов раздавит город. Ответ на этот вопрос должны дать градостроители. Им надлежит создать новые приемы градостроительства, которые позволили бы сохранить старые города как важнейшие ценности нашей истории. Здесь могут быть предложены различные способы: создание невдалеке от исторического города в продуманной связи с ним городов-спутников или создание цепи линеарных городов, объединенных скоростной транспортной системой.

Так, например, предотвращению безудержного разрастания

Москвы и Ленинграда могло бы служить создание ряда городов и поселений по скоростной транспортной линии между Москвой и Ленинградом. Все строительство должно было бы быть снято из окружения этих двух городов и направлено навстречу друг другу по линии Октябрьской железной дороги, в тесном соседстве с которой могли бы быть построены другие транспортные линии: однорельсовые, автомобильные и т. д. Через несколько столетий Ленинград и Москва соединились бы в единый линеарный мегаполис Москволенинград при полном сохранении исторической части городов Москвы и Ленинграда в их современном объеме. На линию Москволенинграда могло бы быть вынесено часть фабрик, учебных заведений, созданы все условия по соединению застройки с природной средой. Это облегчило бы строительство очистных сооружений и сделало бы доступным для миллионов жителей музеи, театры, высшие учебные заведения, библиотеки и т. п. обоих крупнейших городов нашей страны.

Для таких линеарных мегаполисов не стояли бы вопросы с ограничением населения пропиской или другими способами.

Нам необходимо полное сохранение истории, полная визуальная доступность этой истории для всех рядовых жителей страны и без всяких ущемлений транспортных нужд и среды обитания.

Для сохранения исторических городов нужны новые широкие планы строительства: направление отпускаемых государством на строительство средств по правильному пути. Путь этот должен разрабатываться градостроителями совместно с историками, историками искусств, социологами, экономистами, экологами и техниками.

Нашим лозунгом в области строительства на XXI век должны быть слова: изучим, сохраним все ценное, преумножим богатства среды обитания.

Градостроитель должен учитывать исторически созданный многими поколениями образ города и продолжить, а не ломать своим невежеством существующую традицию. Образ города должен внимательно изучаться, как изучаются произведения искусства. Тем более что искусство города — многовековое, созданное многими зодчими — воздействует на горожан повседневно и сильно.

В заключение мне хотелось бы напомнить о том, что память — это не сохранение прошлого, это — забота о вечности.

Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже, в свою очередь, не ушло и служило вечности.

Память — это форма воплощения вечности и преодоления

времени.

«НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ» ГОРОДА НА НЕВЕ

Архитектор в городе — градостроитель. Любое архитектурное сооружение в городе так или иначе изменяет его: либо углубляет, дописывает — когда оно рождено самим городом, его духом, обликом, либо разрушает, если оно — инородное тело.

Поэтому архитектор обязан знать не только его существенные внешние или исторические черты, но и образ города, чтобы правильно соотнести свое творение с тем, что создано в городе до него. Если сегодня искусствовед столь тщательно изучает картину, ее построение, композицию, красочный слой, то тем более следует изучать такой сложный конгломерат, как город. Но это и ответственнее, и сложнее.

Образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии — его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии — восприятии его как истории, как становления культуры и т. д.

Важность изучения образа города в этих двух аспектах для архитектора-градостроителя особенно удобно показать на примере Ленинграда.

Самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Ленинграда — преобладание горизонталей над вертикалями. Горизонтали создают основу, на которой рисуются все остальные линии. Преобладание горизонталей определяется наличием многочисленных водных пространств: Большой Невы, Малой Невы, Большой Невки, Малой Невки, Фонтанки, Мойки, канала Грибоедова, Крюкова канала и т. д. Соприкосновение воды и суши создает идеальные горизонтальные линии, особенно если суша обрамлена плотным строем набережных. Набережные создают вторую линию, может быть несколько неровную, но столь же решительную. Ленинград подчеркнут как бы двойной линией. При этом следует учесть, что Нева почти всегда (за исключением редких осенних наводнений) стоит в своих берегах на одном уровне, при этом очень высоком. Вода в Ленинграде наполняет город как бы до самых краев. Это всегда удивляет приезжих, привыкших к городам, стоящим на реках с «нормальным» речным режимом (более высокий уровень — весной в разливы и осенью, более низкий — летом). Следовательно, черта, которой «подчеркнут» город, очень заметна, занимает почти центральное положение, проходит почти по центру общей панорамы города.

Над двумя горизонтальными линиями — энергичной и

абсолютно правильной линией стыка воды и суши и второй — менее резкой — верха набережных — возвышается более слабая, размытая полоса приставленных друг к другу домов, созданных по многократно возобновлявшимся требованиям строить «не выше Зимнего». Полоса стыка домов и неба — расплывающаяся, но тем не менее достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, словно противостоит нижней линии — стыка строений и воды. В английском языке есть понятие skyline (небесная линия). Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение skyline более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта, с нашей точки зрения, нет), линии домов и неба и пр. Зубчатая, как бы дрожащая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки. Это прекрасно передано Достоевским в «Подростке»: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото?..»

Ленинград — не исключение в ряду городов, имеющих большую береговую линию. Первым среди этих городов должен быть назван Хельсинки. Однако в Хельсинки береговая линия чрезвычайно изрезана, волниста и сочетается она не с линией регулярных набережных, а с неровной скалистой поверхностью берега. Строения на берегу не входят в сколько-нибудь стройные системы, и главный собор первой половины XIX века, проектировавшийся в основном замечательным архитектором Энгелем, построен поэтому на возвышении. Он как бы выделен этим возвышением из городской застройки, вознесен над ней. Линия, разделяющая воду и берег, не играет той роли, что в Петербурге-Ленинграде. Она не заметна, скрываясь за пристанями, кораблями, то перекрываясь, то появляясь вновь.

Ближе по своему характеру к Ленинграду — Копенгаген, особенно благодаря плоскому характеру почвы, но опять-таки отсутствие протяженных набережных и наличие портовых сооружений заставляет город сочетаться с водой площадями, но не линиями. Любопытно к тому же, что наличествующие в Копенгагене шпили не производят впечатления перпендикуляров, воздвигнутых к горизонталям водных пространств. Шпили недостаточно остры и ровны. Один из них вздымается, закручиваясь винтом от самого низа и до самого верха. Все шпили имеют неправильную барочную форму.

Любопытно, что и skyline обоих городов — Хельсинки и Копенгагена, вырисовывающаяся на фоне неба крышами домов и

верхней частью различных других сооружений, не имеет более или менее четких очертаний.

«Низкие, топкие берега» — как будто бы единственная реальность Петербурга и у Пушкина, и у Достоевского. Но и удаляясь от водных пространств, мы видим те же горизонтальные линии, определяемые почти совершенно плоским рельефом почвы, на которой стоит город. Сплошная застройка улиц — чрезвычайно типичная черта Петербурга-Ленинграда. Благодаря отсутствию подъемов и спусков, улицы становятся интерьером города. Именно как интерьер трактует Достоевский жизнь улиц и площадей (особенно в «Преступлении и наказании»), Сады и бульвары «встраиваются» в эту плотную застройку улиц, что служит еще одним выражением горизонтальности города. Особенно типичен в этом отношении Васильевский остров, где пропадает даже само название «улица». Есть только три проспекта (три «перспективы») и «линии», линии домов.

Характерные элементы города — три шпиля: Петропавловской крепости, Адмиралтейства и Михайловского замка. Они представляют собой как бы перпендикуляры к горизонтальным линиям и тем самым не противоречат им, а как бы подчеркивают их существование. Шпилям вторят высокие колокольни — Никольского собора на Крюковом канале и церкви на Сенной площади (снесена).

Мощная громада Исаакиевского собора с золотым (а потому «неархитектурным») куполом должна была бы создать второй центр Ленинграда, по своим градостроительным целям сходный с ролью собора св. Петра в Риме. Отметим все же, что ни шпили, ни купола, равномерно расставленные по городу, не создают еще каких-то линий — купола не прямые, сферические, а потому не могут задавить горизонтали. Главные площади города — Дворцовая и Марсово поле — хотя и находятся у Невы, но отгорожены от нее рядом домов. Единственная, обращенная к Неве площадь — «Петрова» (Сенатская) с Медным всадником — раскрыта к Неве, пропуская в широкое водное пространство Петра на жарко дышащем коне. Как бы вторя ей, на противоположном берегу Невы, но ближе к истокам, находится площадь Финляндского вокзала с Лениным на броневике. Властный жест «Медного всадника» противостоит ораторскому жесту Ленина. Площадь в целом удачна (если, конечно, исключить громоздкое мрачное административное здание, углом вторгающееся в нее).

Доминирующее значение горизонталей в городе сильно нарушено гостиницей «Ленинград», выстроенной в безнациональном «коробочном стиле». Ее горизонтали совершенно не согласуются с горизонталями Большой Невы.

Легко можно было бы включить в горизонтали города постройки набережных Большой Невки, но здесь нарушен принцип сплошной, «ленточной» застройки. Существенным нарушением образа города является гостиница «Советская» в старом районе Коломны. Здания резко разновысотные, поставленные изолированно, нарушают типичную для Ленинграда «небесную линию», создают мрачную хаотичность.

Конечно, внешний облик Петербурга-Ленинграда был бы бедным, если бы он своей единственной чертой имел горизонтали. На самом деле очень важной и обогащающей чертой Ленинграда являются многочисленные и своеобразные нарушения этих горизонталей — «богатые нарушения», придающие своеобразия горизонталям.

Из других особенностей Ленинграда считаю главными две: красочную гамму города и гармоничное сочетание в нем больших стилей.

Окраска домов играет в Ленинграде очень важную роль. Едва ли какой-либо крупный город Европы может сравниться с Ленинградом в этом отношении, Ленинград нуждается в цвете: туманы и дожди заслоняют его больше, чем какой-либо другой город. Поэтому кирпич не оставлялся неоштукатуренным, а штукатурка требовала окраски. Тона в городе — по преимуществу акварельные.

Было бы чрезвычайно важно исследовать, как в Ленинграде сочетается барокко (в его разных формах) с рококо и екатерининским классицизмом. И как ампир оказался доминирующим стилем. Своеобразным и умным дополнением к этим стилям сделалось окружение этих стилей эклектикой, а еще дальше — модерном. В последнем стиле особенно удачным оказался поздний модерн с его возвращением к классике.

Последнее замечание обращено к будущим исследователям образа Ленинграда. Внешний облик города сочетается с удивительной стройностью его исторического образа. Историческое прошлое города сравнительно очень короткое — всего три столетия, воспринимается как своеобразное драматургическое действо, при этом завершившееся, ибо совершенно ясно, что, каково бы ни было его будущее значение в нашей стране, внутренняя драматургия города закончилась.

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ

Как известно, старые города имели социальную и этническую дифференциацию отдельных районов. В одних районах жила по

преимуществу аристократия (в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фурштадтской сторон), в других — мелкое чиновничество (район Коломны), в третьих — рабочие (Выборгская сторона и другие районы заводов, фабрик и окраины). Довольно компактно жили в Петербурге немцы (Васильевский остров: смотри роман Н. Лескова «Островитяне»); немцы населяли отдельные пригороды — Гражданку, район Старого Петергофа, район в Царском Селе и пр. Этими же чертами отличались и дачные местности (например, на Сиверской жило богатое купечество; квалифицированные мастеровые жили на даче с дешевым пароходным сообщением — по Неве, а также на Лахте, в Келломяках около Сестрорецкой узкоколейной железной дороги и пр.). Были районы книжных магазинов и «холодных букинистов» (район Литейного проспекта, где со времен Н. А. Некрасова располагались и редакции журналов), кинематографов (Большой проспект Петербургской стороны) и пр.

Интересна попытка Н. В. Гоголя в повести «Невский проспект» обрисовать смену социального лица Невского проспекта в разные часы дня и ночи.

Моя задача состоит в том, чтобы наметить наличие в Петербурге в первой четверти XX века районов различной творческой активности.

Четкая «интеллектуальная граница» пролегала в Петербурге первой четверти XX века по Большой Неве.

По правому берегу на Васильевском острове располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью — Академия наук с Пушкинским Домом, Азиатским музеем, Кунсткамерой, Библиотекой Академии наук, являвшейся в те годы значительным научным центром, Академия художеств, университет, Бестужевские курсы и… ни одного театра, хотя именно здесь, на Васильевском острове на Кадетской линии, с 1756 года стал существовать первый профессиональный театр — Театр Шляхетского корпуса, — того корпуса, где учились М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров и другие.

Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы. Здесь в соседстве с императорскими дворцами и особняками знати нашли себе место не только императорские театры, кстати сказать не чуждые экспериментов (достаточно напомнить интенсивную балетную деятельность Мариинского театра, постановки В. Э. Мейерхольда в Мариинском и Александровском театрах, театральную активность Малого драматического театра на Фонтанке и Михайловского театра в

начале 20-х годов). На левом берегу Большой Невы на Большой Морской находился и выставочный зал Общества поощрения художеств. У Таврического сада существовала и знаменитая «Башня» Вячеслава Иванова с журфиксами, на которых бывал весь интеллектуальный Петербург и даже осуществлялись небольшие постановки и интересные выступления. На Литейном проспекте ее сменил известный «Дом Мурузи», где собирались поэты. На Надеждинской (теперь улица Маяковского) располагался Союз поэтов. На Троицкой улице функционировал «Зал Павловой», где выступал Владимир Маяковский. На Моховой улице в зале Тенишевского училища происходили дискуссии, в частности формалистов с академистами. В зале городской Думы выступали поэт А. Туфанов и художник К. Малевич и были, если не ошибаюсь, постановки Экспериментального театра. В Калашниковской бирже выступал Маринетти при своем приезде в Петербург. Городская Дума и Соляной городок были центрами интеллектуальной активности с конца XIX века. У Нарвских ворот были выступления Молодежного экспериментального театра. На левом же берегу Большой Невы в 1909–1911 годах существовал театрик «Голубой глаз», где впервые была поставлена «Незнакомка» А. Блока. Некоторое время существовало артистическое кабаре «Летучая мышь». Значительную роль сыграл на левом берегу Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской (1904–1910), в обиходе называвшийся «Театром на Офицерской». В другом «Театре на Офицерской», располагавшемся на пустыре в деревянном строении, была осуществлена постановка оперы «Победа над солнцем» (Крученых, Малевич, Матюшин). На левом же берегу существовало возглавлявшееся А. Р. Кугелем «Кривое зеркало» (1908–1910—1918 гг., возобновлено в 1922–1928 гг.), кроме того — «Старинный театр» (1911–1912). Напомним и о знаменитом артистическом кабаре на Михайловской площади — «Бродячая собака» (1910–1912) и сменившем ее «Привале комедиантов» на Марсовом поле. Там же, на Марсовом поле, существовало «Художественное бюро» Н. Е. Добычиной, где были художественные выставки и первое выступление супрематизма в 1915–1916 годах. Почти все выставки «Союза молодежи», на которых участвовали и петербургские, и московские молодые художники, проходили на левом берегу — главным образом в районе Невского проспекта.

К институтам, находившимся на Исаакиевской площади, мы еще вернемся. Обращаясь к правобережной части Невы, отметим, что на Петербургской стороне, помимо улицы кинематографов — Большого проспекта и Народного Дома — со случайной, эпизодической творческой активностью, существовал

Каменноостровский проспект (ныне Кировский) с сетью ресторанов дурного вкуса преимущественно для «фармацевтов» (так называли в «Бродячей собаке» богатых буржуазных посетителей), «Аквариум», «Вилла Эрнест», «Вилла Родэ» (последний ресторан с цыганами на отрезке Каменноостровского — уже в Новой Деревне). Немногие поздние интеллектуальные исключения на Петроградской стороне — это дом художника Михаила Матюшина и Е. Гуро на Песочной (ныне Попова) на левом берегу Малой Невы. Здесь бывали Филонов, Крученых, Бурлюки и многие другие. На Большой Пушкарской улице интерес представляло в начале 20-х годов «Общество художников», помещавшееся в деревянном доме с выставочным помещением, где была, кстати, выставка П. Филонова (среди произведений которого помню знаменитую картину «Формула пролетариата»).

Представляется любопытным следующий факт. Александр Александрович Блок ни разу, по всем данным, в отличие от Любови Дмитриевны Блок, не бывал в «Бродячей собаке». Зато его любимыми прогулками, даже после переезда на Офицерскую, были на правом берегу: прогулки по Большой Зелениной с мостом, ведшим на Крестовский остров (здесь на Большой Зелениной улице происходит действие его «Незнакомки» и, как утверждает Л. К. Долгополов, действие «Двенадцати»).

Любимыми прогулками Блока являлись и другие места на правом берегу Большой Невы — Новая Деревня, Лесной, Парголово, Озерки, но не дальше устья Сестры-реки (о северном береге Финского залива — ниже). Блок не любил изысканно интеллектуальной публики.

Теперь перейдем к самому важному для литературоведов и искусствоведов факту. На левом берегу Невы, на Исаакиевской площади, располагались два центра интеллектуальной жизни Петербурга-Ленинграда: Институт истории искусств (в разговорном названии — «Зубовский институт») и через дом от него, на углу Почтамтской улицы, — «Дом Мятлевых». История и значение Института истории искусств достаточно хорошо известна и в данных заметках не нуждается в освещении. Между тем не менее важен для интеллектуальной жизни города «Дом Мятлевых», история которого за первые годы Советской власти известна литературоведам мало.

Вот некоторые факты. В «Доме Мятлевых» в 1918 году был организован Отдел народного просвещения, вошедший затем в состав Комиссариата народного просвещения до переезда советского правительства в Москву. Здесь бывал А. В. Луначарский. Тогда же усилиями Н. И. Альтмана здесь был создан первый в мире Музей художественной культуры (открыт в

1919 г.). В экспозиции находились произведения Кандинского, Татлина, Малевича, Филонова, Петрова-Водкина. На базе музея по инициативе П. Н. Филонова здесь в 1922 году были организованы исследовательские отделы музея. В следующем году отделы были преобразованы в Институт художественной культуры (директором был К. С. Малевич, живший в том же доме с входом из подворотни с Почтамтской улицы; в его квартире собирались художники и поэты — бывал В. Хлебников, приходили М. Матюшин с Эндерами, поэты-обериуты; заместителем К. С. Малевича был Н. Н. Лунин). В институте были отделы: живописной культуры (руководил К. С. Малевич), материальной культуры (руководил М. В. Матюшин), отдел общей идеологии (первоначально руководил П. Н. Филонов, его сменил Н. Н. Пунин), экспериментальным отделом руководил П. А. Мансуров. В 1923 году в «Доме Мятлевых» в годовщину смерти Велимира Хлебникова была поставлена Татлиным «Зангези» с «хлебниковской» выставкой П. Митурича. В 1925 году этот институт, утвержденный Советом народных комиссаров, стал именоваться Государственным институтом художественной культуры.

В 1926 году в институте была организована последняя художественная выставка. В конце того же года институт был закрыт.

Из изложенного ясно, что правый и левый берег Большой Невы резко различались между собой в интеллектуальном отношении.

Впрочем, различие между правым и левым берегами Большой Невы не выходило за пределы устья. Правый и левый (южный) берега Финского залива резко расходились в обратную сторону. На южном (левом) берегу располагались дачные места, где в окружении исторических дворцов жили по преимуществу художники с ретроспективными устремлениями (вся семья Бенуа — Николай, Леонтий, Александр, семья Кавос, Лансере, К. А. Сомов, А. Л. Обер, бывал С. Дягилев и пр.). На правом, северном берегу Финского залива располагались дачные места, где жила по преимуществу интеллигенция, склонная к творческому бунтарству. В Дюнах жил В. Б. Шкловский. В Куоккале были репинские «Пенаты», вокруг которых организовалась молодежь, юношеское и детское творчество — К. И. Чуковский, были дачи Пуни и Анненковых, жил Горький, жил Кульбин, один год жил А. Ремизов в пансионате около «Мельницы» на Сестре-реке. Взрослые и подростки устраивали празднества, спектакли, писали озорные стихи и пародии. В Териокском театре работали В. Э. Мейерхольд, Сапунов, Л. Д. Блок.

Итак, в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто «места жительства» представителей творческой интеллигенции, а нечто совсем другое. Адреса художников различных направлений, писателей, поэтов, актеров вовсе не группируются в некие кусты. В определенные кусты собираются «места деятельности», куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде.

Примечательно, что тяга к творческому новаторству возникает там, где появляется группа людей потенциальных или действительных единомышленников. Как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но новаторство требует коллективности, сближений и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Хотя и принято считать, что новаторы по большей части люди, сумевшие подняться над общим мнением и традициями, это не совсем так. К этому стоит приглядеться.

Дизайн

Говорят, хороший дизайн соответствует хорошим качествам приборов, машины, орудия труда. С машиной хорошего дизайна и работается легче. Поэтому дизайн — полезное дело. Но беда в том, что дизайн приобрел агрессивность и начинает вытеснять собой другие виды искусств. Дизайн вторгается в живопись, и тогда живопись становится бездушной, лишенной эмоциональности, настроения и пр. Дизайн явно вторгается сейчас в садово-парковое искусство. Реставраторы в старых садах ищут лишь интересного дизайна (поэтому-то, кстати, такая любовь современных реставраторов садов к регулярному садоводству).

Старые дома обладают эмоциональной выразительностью. Современные хорошие дома — это удачный дизайн, и только.

ЧУДО-НОСИЛЬЩИКИ

Принято называть современные дома «ящиками». Это неправильно — они чемоданы; старинного скучного фасона, все одинаковые. Около них есть и краны, чтобы их поднимать и переставлять на другое место, — переставлять, заставлять, расставлять, выставлять, просто «влять». Понятно и так, большие носильщики — архитекторы. Они в любой город готовы перенести их. Только надо «привязать к местности»: это так, кажется, называется на языке этих «чудо-носильщиков». Высунешься на вокзале из тамбура вагона и кричишь:

— Эй, носильщик, вези мой чемодан в чемодан вашего города.

— В какой?

— Да в любой, они все одинаковые. (Чемоданы входят в них, как куклы в матрешку, только без всякой экономии места.)

А то построят для библиотеки в самом центре Москвы огромный книжный шкаф. И он стоит на улице — точно хозяева переезжают. Но шкаф разваливается, потому что улица — не место для мебели.

— А это что? Крытый рынок?

— Нет, это Курский вокзал. Тот самый, на который приезжали в Москву Лев Толстой, Тургенев, Бунин? Вся русская литература?

— Нет, тот сломали.

— А почему построили такой скучный?

— Да знаете, некому теперь из писателей приезжать: писатели «изволят прибывать в Москву самолетами, и больше из-за границы».

АРХИТЕКТУРА СЕЙЧАС ОНЕМЕЛА

Архитектура сейчас онемела, не имеет своего языка. Вокзал может быть выстроен, как крытый рынок. Крытый рынок — как цирк, дворец — как один из корпусов завода Форда и т. д.

А вот что писал в XVIII веке М. Е. Головин: «Выбор ордена зависит от намерения, с коим здание сооружается. Тосканский орден служит для городских ворот, Арсеналов и проч. Дорический орден пригоден наипаче для храмов и церквей. Ионический посвящен миролюбию и правосудию и употребляется при судебных зданиях, увеселительных домах, внутри покоев и извне строения. Коринфский орден служит украшением дворцов, словом, там, где красота и великолепие предпочитаются твердости и простоте. Наконец, римский орден украшает здания, богатство изъявляющие».

А что говорить о знакомой системе цветов, деревьев, скульптур, павильонов, планировок садов! Здесь мы совершенно неграмотны. Попытка моя намекнуть на существование и такой стороны в книге «Поэзия садов» среди садовых реставраторов успеха не имела.

«ПОЗДОРОВАТЬСЯ» С ДОМОМ

В современной архитектуре утомительно отсутствие значимости. Значимость придается ей временем, событиями, которые связаны с тем или иным архитектурным сооружением, людскими судьбами, внесенными литературными темами и т. д. Но значимость вносится и самим строителем. Мы должны «узнавать» назначение здания по его архитектурным формам. Мы должны сразу видеть, что перед нами вокзал, а не больница, не гостиница, не школа, не жилой дом. Назначение здания должно быть выделено в нем. Но помимо назначения здания мы должны ясно ощущать вход, подъезд, лестничную клетку. Вместе с тем фасад не должен быть однообразным. Однообразие окон (особенно «ленточных») утомляет не менее, чем однообразие улицы, дороги (на отчетливо прямых магистралях водители засыпают).

Районы должны быть разные, разнообразные, разноэтажные.

Проектировать надо не фасад с отдаленной и серединной точки зрения, а с точки зрения прохожего, идущего по тротуару или переходящего улицу. Первый этаж должен смотреться почти в упор и чаще всего с боку. Макеты тоже не годятся, они дают «вертолетный» взгляд на будущие строения. И особенно важны первые, цокольные этажи, мимо которых мы проходим и которые видим «в упор».

Первые этажи улицы — воспринимаются с комнатной точки зрения, они должны быть чистыми, прибранными и… интересными (витрины с чистыми стеклами и интересной экспозицией; подъезды с лакированными и полированными дверями, дорогими ручками, за которые можно «поздороваться» с домом, и пр.).

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЗДАНИЙ

Самое трудное для архитекторов — создать площадь. В мире не так уж много хороших площадей. Какие я знаю? Конечно, Дворцовая площадь в Ленинграде. Конечно, площадь на Капитолии с поразительной конной статуей Марка Аврелия. Конечно, площадь Навонна с фонтанами в том же Риме, площадь Святого Марка в Венеции. Но самая поразительная площадь, которую я знаю, — это Соборная площадь в Московском Кремле. Она удивительна. Все здания стоят как бы отдельно и совершенно свободно, но человек чувствует себя в замкнутом пространстве. Пространство замкнуто, но вместе с тем и раскрыто — главным образом в сторону Москвы-реки.

К Москве-реке через площадь устремлен умиротворенным и торжественным взглядом и Успенский собор — главный властитель площади, хотя далеко не самый большой и высокий.

А ведь здания площадей все разновременные, но, очевидно, у архитекторов было самое драгоценное для них чувство — чувство ансамбля. И еще одно свойство было у архитекторов — умение понять, как ощутит себя человек среди зданий. Последнее в Соборной площади Московского Кремля удивительно. Человек на этой площади не принижен, он возвышен и окружен историей. Повсюду здания обращены к нему. Ни одно здание не отвернулось от человека, не пропускает его мимо себя. Торжественность площади не надменна. Русская история, с которой связана площадь, не подавляет человека, а включает его в себя, делает пришедшего на площадь участником истории. Он становится как бы даже выше ростом.

ГОРОД БУДУЩЕГО

За мою жизнь Петербург-Ленинград вырос раза в четыре. И не к лучшему. Жизнь в городе становится все неудобнее.

Должен быть создан новый тип населенных местностей, где жить было бы удобно и с доступом во все культурные центры: в лучшие библиотеки, в лучшие театры, в лучшие концертные залы. Один из проектов такой населенной местности давно мечтается мне в часы отдыха от основной работы.

Москволенинград. Я писал уже об этом.

Москва и Ленинград соединены между собой идеальной линией: прямой железной дорогой, которую можно как угодно превращать в скоростную магистраль. Проходит эта магистраль по пустынным местам: леса, леса, поля, болота, опять леса, мелкие населенные пункты. Только старая Тверь стоит на трассе да поблизости — Вышний Волочок.

По этой трассе строятся, как мне кажется, линеарные города. Длинные, с легким доступом в леса и поля, с сохранением всех памятников культуры (особенно это касается района Селигера, Вышнего Волочка, Клина и пр.). Из такого города на день можно съездить по магистрали в Москву или Ленинград — посмотреть музеи того и другого города, побывать на интересных постановках тут и там. По этой «культурной магистрали» строятся только те учреждения, которые имеют отношение к библиотекам, к музеям, к театрам. Для заводов, фабрик, шахт строится другая магистраль городов — где-нибудь поближе к промышленному сырью. Или несколько промышленных магистралей.

Хорошо это или плохо, если учреждения культуры будут все связаны между собой скоростной трассой различных типов, способов передвижения (автомобиль, однорельсовая дорога, электричка скоростного типа и пр. — я говорю примерно)?

Ленинград и Москва сохраняют свои названия, а в целом их соединение носит название Москволенинград.

Фантазия? Может быть…

Словесный мир в «цвете»

РУССКИЙ ЯЗЫК

Самая большая ценность народа — его язык. Язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, по всей многозначимости и многозначимости этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения — только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека, его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, к а к он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Речь в этой моей заметке пойдет не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке: «… нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется» словами. Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения.

Русский язык с самого начала оказался в счастливом положении — с момента своего существования в недрах единого восточнославянского языка, языка Древней Руси.

1. Древнерусская народность, из которой выделились в дальнейшем русские, украинцы и белорусы, населяла огромные пространства с различными природными условиями, различным культурным наследием и различными степенями социальной продвинутости. А так как общение даже в эти древние века было очень интенсивным, то уже в силу этого разнообразия жизненных условий язык был богат — лексикой в первую очередь.

2. Уже древнерусский язык (язык Древней Руси) приобщился

к богатству других языков — в первую очередь литературного староболгарского, затем греческого (через староболгарский и в непосредственных сношениях), скандинавских, тюркских, финно-угорских, западнославянских и пр. Он не только обогатился лексически и грамматически, он стал гибким и восприимчивым как таковой.

3. Благодаря тому, что литературный язык создался из соединения староболгарского с народным разговорным, деловым, юридическим, «литературным» языком фольклора (язык фольклора тоже не просто разговорный, в нем создалось множество синонимов с их оттенками значения и эмоциональной выразительности.

4. В языке сказались «внутренние силы» народа его склонность к эмоциональности, разнообразие в нем характеров и типов отношения к миру. Если верно, что в языке народа сказывается его национальный характер (а это безусловно верно), то национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат, противоречив. И все это должно было отразиться в языке.

5. Уже из предыдущего ясно, что язык не развивается один, но он обладает и языковой памятью. Ему способствует существование тысячелетней литературы, письменности. А здесь такое множество жанров, типов литературного языка, разнообразие литературного опыта! Летописи (отнюдь не единые по своему характеру): «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», проповеди Кирилла Туровского, «Киево-Печерский патерик» с его прелестью «простоты и выдумки», а потом — сочинения Ивана Грозного, разнообразные произведения о Смуте, первые записи фольклора и… Симеон Полоцкий, а на противоположном конце от Симеона протопоп Аввакум. В XVIII веке — Ломоносов, Державин, Фонвизин, далее Крылов, Карамзин, Жуковский и… Пушкин. Я не буду перечислять всех писателей XIX и начала XX веков, обращу внимание только на таких виртуозов языка, как Лесков и Бунин. Все они необычайно различные. Точно они пишут на разных языках. Но больше всего развивает язык поэзия. От этого так значительна проза поэтов.

Какая важная задача — составлять словари языка русских писателей от древнейшей поры!

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

Мне написал письмо некто не оставивший на письме своей подписи и адреса. Боюсь, что мнение его имеет распространение,

и поэтому хотя я и не отвечаю на письма без подписей, на это я отвечу печатно.

Смысл письма сводится к следующему: надо, мол, упразднить все нации, все национальное различие в культуре, писать и говорить только по-русски, а тогда, мол, и русский язык перестанет быть русским, а станет «советским». Все проблемы разрешатся, и единая культура на чудном русском языке будет развиваться ускоренным порядком. А в конце письма утверждение: «Все равно к этому дело идет!»

Нет, к этому дело не должно идти. Этому следует оказывать противодействие. Ни один язык не должен забываться. Многообразие языков в Советском Союзе — это огромное богатство, богатство, которое необходимо для развития литератур, культур, науки, чего хотите, что только соприкасается со словом.

Своеобразие и разнообразие языков — это огромное богатство. Любовь к своему национальному языку — необходимый двигатель словесного творчества. Безнациональный язык (в который неизбежно превратится и русский язык, если у него не будет дружеского соседства с другими языками) — все равно что цветные фломастеры для живописи. Говорить на нем придется с пересохшим горлом; язык во рту будет шуршать и ерзать, утратит гибкость.

Спросите: почему? Да потому, что для языка нужна его история, нужно хоть чуточку понимать историю слов и выражений, знать идиоматические выражения, знать поговорки и пословицы. Должен быть фон фольклора и диалектов, фон литературы и поэзии. Язык, отторгнутый от истории народа, станет песком во рту, негодным даже для создания новой научной и технической терминологии, ибо и для последней необходима образность, традиция…

Язык не может не быть национальным. Конечно, должен быть один язык межнационального общения. В средние века таким был латинский, для восточных и южных славян — церковнославянский, арабский и персидский — для народов Ближнего и Среднего Востока.

Но дело не только в общении, нужен единый язык для научной терминологии, технической, специальной. Русский язык для этого хорошо приспособлен. Но изучение его не должно вести к ущербу в знаниях своего языка для различных нерусских наций и народностей.

Двуязычие никогда не мешало своему языку. Пушкин был двуязычным. В Лицее у него было прозвище «Пушкин-француз». Думаю, что превосходное чувство русского языка, точность и

правильность языка Пушкина неразрывно связано с его двуязычием. Он видел словесный мир «в цвете».

Факт, однако, в том, что отдельные национальные языки страдают в нашем школьном образовании. Надо, мне кажется, больше втягивать семью в изучение своего языка. Беседы педагогов с родителями, обучение родителей языковой грамотности чрезвычайно важно.

Преподаватели же русского языка должны знать и тот язык, на котором говорят учащиеся: сравнивать, пропагандировать знания своего языка, стимулировать любовь к изучению всех языков, а своего в особенности.

ПЕРВЫЙ ГЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Древняя русская письменность (именно письменность, а не только литература) — неисчерпаемый кладезь богатств русского языка. В одном только совсем небольшом «Поучении» Владимира Мономаха столько чудесных выражений: «мыслити беслепицу» (думать о чепухе), «управити сердце свое» (совладать со своими чувствами), «больного присетити», «привечать» человека («и человека не минете не привечавше»), «ни свиреповати словом, ни хулити беседою», «старыя чти яко отца, а молодыя яко братью» и т. д.

Но дело не только в языке, но и в умении рассказа. Шедевры выразительной краткости: летописный рассказ о смерти Олега, о четырех местях Ольги, о походах Святослава, о его смерти и многое другое. Один из лучших рассказов — это «Повесть о разорении Рязани Батыем» или «Повесть о Петре и Февронии Муромских». И еще я люблю «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

Что касается до протопопа Аввакума, то это вообще первый гений в русской литературе. Не оттого первый, что до того просто не было, а потому, что литература как фольклор не была личностной.

СТАРАЙТЕСЬ НЕ ГОВОРИТЬ ВЫЧУРНО

Старайтесь не говорить вычурно. Не говорите «объяснить», «волнительно». Не надо употреблять милиционерских терминов или выражений, пришедших из детективных романов: «получать прописку» — в смысле «поселить» какое-либо растение, рыбу, животное в новом месте («сиг получил прописку в озере N»),

«выходить на кого-либо» в значении «связаться с кем-либо» или «получить доступ к кому-либо». И не употребляйте штампованных выражений (если то или иное слово часто употребляется в газетах, бойтесь его): «высвечивать», «высвечиваться», «эмоциональный настрой», «контакты» вместо «связи» и др.

И еще надо думать о конкретном значении тех выражений, которые употребляешь. Вот выписки из газет: «…находят простор злые языки», «однако есть отдельные злостные шептуны и прочие антиподы, проявляющие свое истинное лицо именно в такие переломные моменты».

О ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Выразительность русскому языку придают обилие суффиксов и префиксов, предлогов, окончаний и пр. и легкость, с которой с их помощью образуются слова, например: догнать, выгнать, согнать, пригнать, угнать, нагнать, отогнать, изгнать, погнать, разогнать, подогнать и просто: гнать.

Но это же явление имеет и обратную сторону. Кажется, что предлоги смягчают предложение или вопрос: «Не подскажете ли вы мне, как пройти…», «Попредседательствуйте за меня…», «Я приболел».

О ПОГОВОРКАХ

Многие поговорки известны у нас в укороченном виде. Сперва все знали их в полном и потому понимали с начальных слов, а потом поговорка казалась понятной и без продолжения: поговорка — и все тут.

Например: «Лиха беда начало…» Почему беда? А вот, по преданию, что сказал Петр, когда первым в 1702 году стал вбивать свайку в особенно бурной реке, переводя свои фрегаты из Белого моря в Онежское озеро: «Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остальные все там же будут».

А вот другая поговорка: «Не выметай из избы сору». Полный ее вид: «Не выметай из избы сору к чужому забору».

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ СО СЛОВАМИ

1. Требования к языку научной работы резко отличаются от требований к языку художественной литературы.

2. Метафоры и разные образы в языке научной работы допустимы только в случаях необходимости поставить логический акцент на какой-нибудь мысли. В научной работе образность — только педагогический прием привлечения внимания читателя к основной мысли работы.

3. Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

4. Главное достоинство научного языка — ясность.

5. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

6. Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой — логическим и естественным, «незамечаемым».

7. Каждую написанную фразу следует проверить на слух; надо прочитать написанное вслух для себя.

8. Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать — к чему они относятся, что они «заменили».

9. Не следует бояться повторений, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке всегда термин). Избегайте только тех повторений, которые приходят от бедности языка.

10. Избегайте слов-«паразитов», слов мусорных, ничего не добавляющих к мысли. Однако важная мысль должна быть выражена не «походя», а с некоторой остановкой на ней. Важная мысль достойна того, чтобы на ней автор и читатель взаимно помедлили. Она должна варьироваться под пером автора.

11. Обращайте внимание на «качество» слов. Сказать «напротив» лучше, чем «наоборот», «различие» лучше, чем «разница». Не употребляйте слова «впечатляющий». Вообще будьте осторожны со словами, которые сами лезут под перо, — словами-«новоделами».

КАК Я УЧИЛСЯ ПИСАТЬ

В моем школьном образовании был один очень существенный недостаток: мы не писали классных работ и не делали домашних заданий (впрочем, домашние письменные работы все же иногда выполняли, но задавали их редко). Классные работы писать было нельзя. В годы моих последних классов зимой школа не отапливалась, мы сидели в пальто, в варежках сверх перчаток, и учителя время от времени заставляли нас согреваться: мы

вставали, по-кучерски взмахивали руками и били в ладоши. Наступало оживление. А домашние задания тоже было делать трудно, да и проверять их учителям было тяжело. Вечерами преподаватели не сидели дома — прирабатывали лекциями, за которые платилось иногда провизией.

В общем, когда я появился в университете, я с трудом мог в письменной форме изложить свои мысли. Хотя я и написал, как уже отмечалось, две дипломные работы — одну о Шекспире в России конца XVIII — начала XIX века, а другую о древнерусских повестях (о патриархе Никоне), но изложены они были детским языком и беспомощны по композиции. Особенно не удавались мне переходы от предложения к предложению. Было такое впечатление, что каждое предложение жило самостоятельно. Логическое повествование не складывалось. Фразу трудно было прочесть вслух; она была «непроизносима».

И вот сразу же по окончании университета я решил учиться писать, и систему придумал сам. Учил ей и своего друга — Дмитрия Павловича Каллистова.

Во-первых, чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения хорошо написанные, написанные хорошей прозой — научной, искусствоведческой. Я читал М. Алпатова, Дживилегова, Муратова, И. Грабаря, Н. Н. Врангеля (в частности, его путеводитель по Русскому музею), Курбатова и делал из их книг выписки, главным образом — фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т. д.

Во-вторых, я решил писать каждый день, как классные сочинения, и писать особым образом. Этот особый образ я назвал «без отрыва пера от бумаги», то есть не останавливаясь. Я решил (и решил правильно), что главный источник богатой письменной речи — речь устная. Поэтому я старался записывать свою собственную, внутреннюю устную речь, старался догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю — адресату письма или просто читателю. И как-то быстро стало получаться. Работая корректором, я вел записные книжки, куда записывал особенно точно выраженные мысли.

Впоследствии, когда я поступил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), это было в 1938 году, и Варвара Павловна Адрианова-Перетц поручила мне для «Истории культуры Древней Руси» (том 2-й; он вышел только в 1951 году) написать главу о литературе XI–XIII веков, она мною была написана как «стихотворение в прозе». Далось мне это очень нелегко. На даче в Елизаветине я переписывал текст от руки не менее десяти раз. Правил и переписывал, правил и переписывал, а когда уже все казалось хорошо, я все же снова садился

переписывать, и в процессе переписки рождались те или иные улучшения. Я читал текст вслух и про себя, отрывками и целиком проверял кусками и логичность изложения в целом. Когда в ИИМКе (ныне Институт археологии АН СССР), по инициативе которого создавалась «История культуры Древней Руси», я читал свой текст, то чтение имело большой успех, и с этого момента меня охотно стали приглашать участвовать в разных изданиях. К великому моему сожалению, текст моей главы сильно испорчен в печатном издании правкой редактора. И все же первую свою Государственную премию я получил в числе очень немногих именно за участие в «Истории культуры Древней Руси».

И ветви, и корни

РУССКИЙ СЕВЕР

Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем.

Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось, что только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти», сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота! А какой необыкновенный язык, песни, рассказы!.. А ведь я был совсем еще мальчиком, и пребывание на Севере было совсем коротким — всего месяц, месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя столько лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они — северяне, многие из них вышли из деревни (вышли, но в какой-то мере и остались), — им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвали они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я родился в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о своей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно…

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал

Россию в самые тяжелые времена русской истории — эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины. Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень! Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга.

О НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

Прошло то время, когда народы гордились своими завоеваниями, захватами, многочисленностью своих армий и флотов — одним словом, своей агрессивностью. В середине XX века все это оказалось прочно оставленным, и только отсталые люди продолжали жить средневековыми представлениями. В войне с фашизмом победили все же нравственное начало, сила самопожертвования, сила активной доброты. Победило сознание нравственного единства человечества, общности его культуры…

Нравственное достоинство народа — вот что пришло сейчас на смену всем мнимым ценностям примитивной агрессивности.

Но что такое нравственное достоинство народа? В чем оно состоит? Что определяет лицо народа, его индивидуальность, лучшие черты его характера? В чем должен состоять нравственный идеал нации, к которому она должна стремиться?

Над этим необходимо размышлять. Этот вопрос надо по-серьезному изучать, обсуждать. И даже если мы сразу не придем к единым выводам, само обсуждение его будет необходимым, полезным, плодотворным, ибо отпадут многие застоявшиеся представления…

ИСКУССТВО ПАМЯТИ И ПАМЯТЬ ИСКУССТВА

У России, как у большого дерева, большая корневая система и

большая лиственная крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах.

Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память. В созидании культуры участвуют многие поколения людей.

Культура человечества — это не гении, рождающие все из себя. Гении создаются на определенной почве культуры.

Культура передается из поколения в поколение, накапливается. При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно, и запоминается постепенно, иногда мучительно трудно, путем преодоления ошибок и вопреки порой трагической гибели величайших ценностей.

История культуры — это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования.

Удивительное свойство памяти! В памяти отдельного человека и в памяти общества сохраняется преимущественно то, что нужно, доброе — активнее, чем злое. С помощью памяти накапливается человеческий опыт, образуются облегчающие жизнь традиции, трудовые и бытовые навыки, семейный уклад, общественные институты, развивается эстетический уровень восприятия и творчества, создается знание.

Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездеятельным. Она владеет умом и сердцем человека. Память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой.

Память, повторяю, — преодоление времени, преодоление смерти. В этом ее величайшее нравственное значение. Беспамятный — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, бессовестный, а следовательно, в какой-то мере и не способный на бескорыстные поступки.

Показатель культуры — отношение к памятникам. Вспомните строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва…

Поэзия Пушкина мудра. Ни одно слово в ней не лишено

смысла. Почему же любовь к «отеческим гробам» «животворящая»? Да потому, что она ценностна, творчески активна, потому, что она — одно из слагаемых культуры.

Культура личности формируется в результате деятельной памяти одного человека, культура семьи — как результат семейной памяти, культура народа — народной памяти. Но мы уже давно вступили в эпоху, когда для общей культуры отдельного человека, общества и народа нужна деятельная, творческая память всего человечества. И подобно тому, как культура семьи не уничтожает, а совершенствует культуру личностную, так и культура всего человечества совершенствует, возвышает, обогащает культуру каждого отдельного народа.

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам; для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения.

…Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой. Разве не влияло на среднерусскую природу присутствие человеческого труда? Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и долы сохой и плугом, бороной и косой, оттого-то среднерусская, а особенно подмосковная природа такая родная, приласканная. Крестьянин оставлял леса и перелески нетронутыми, обходил их плугом, и потому они вырастали ровными купами, точно в вазу поставленные. Избы и церкви деревенский зодчий ставил как подарки русской природе, на пригорке над рекой или озером, чтобы любовались своим отражением. Золотая маковка не только издали светилась, как украшение, но и была ориентиром для путника. Не само здание как таковое было нужно человеку, а здание, поставленное в определенном месте, украшающее его, служащее гармоническим завершением ландшафта. Поэтому и хранить памятник и ландшафт нужно вместе, а не раздельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном.

Человек — существо нравственно оседлое, даже и тот, кто был кочевником, — для него тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость других.

ОТ ПОКАЯНИЯ К ДЕЙСТВИЮ

Мораль в природе человеческой. Ее нормы устойчивы и вечны. В самом деле, что можно противопоставить заповеди «Не убий»? Какую иную заповедь? «Убий»? А заповеди «Не укради»? Или «Не лжесвидетельствуй»? Однако в моей почте встречаются письма, выдержанные в духе пренебрежительном по отношению к верующим, священнослужителям. Это не только плоды невежества, но и отсутствие культуры демократии.

У нас бытует мнение, что монастыри были рассадниками мракобесия. Но кто же переписывал книги? Кто вводил новые системы хозяйствования, как, скажем, на Соловках? Кто выводил новые сорта плодов? Проблемами генетики и селекции именно в монастырях занимались еще в Древней Руси! Ведь было известно

около трехсот сортов яблок! Я уж не говорю об эстетике — эстетике церковного пения, эстетике церковного слова, живописи, архитектуры, которой мы сейчас восхищаемся и которая всегда была на высочайшем уровне.

О ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Я люблю Древнюю Русь.

В чем отличие моей любви от некоторых славянофильских идеализаций Древней Руси? Славянофилы не замечают никаких недостатков. Они восхищены красотой древнерусской жизни, которая действительно в каких-то отношениях была красива, хотя в других — и очень некрасива.

В Древней Руси было очень много таких сторон, которыми отнюдь не следовало бы восхищаться. Но тем не менее я эту эпоху очень люблю, потому что вижу в ней борьбу, страдания народные, попытку чрезвычайно интенсивную в разных группах общества исправить недостатки: и среди военных, и среди крестьянства, и среди писателей. Недаром в Древней Руси так была развита публицистика — публицистика, иногда сопряженная с очень реальными опасностями для ее авторов. Вот эта сторона древнерусской жизни: борьба за лучшую жизнь, борьба за исправление, борьба даже просто за военную организацию, более совершенную и лучшую, которая могла бы оборонять народ от постоянных вторжений, — она меня и притягивает.

Я очень люблю старообрядчество — не за самые идеи старообрядчества, а за ту тяжелую, убежденную борьбу, которую старообрядцы вели, особенно на первых этапах, когда старообрядчество было крестьянским движением, когда оно смыкалось с движением Степана Разина. Соловецкое восстание ведь было поднято после разгрома разинского движения беглыми разницами, рядовыми монахами, у которых были на Севере очень сильные крестьянские корни. Это была борьба не только религиозная, но и социальная.

Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов — все определять в человеке и все освещать.

Патриотизм — это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества.

ПАТРИОТИЗМ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА

Существуют совершенно неправильные представления о том, что, подчеркивая национальные особенности, пытаясь определить национальный характер, мы способствуем разъединению народов, потакаем шовинистическим инстинктам.

Великий русский историк С. М. Соловьев в начале седьмой книги своей «История России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности… не может увлечь русских…» Это совершенно верно. Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и в начале XX века, были склонны к самоуничижению — преувеличивали отсталость своей культуры.

Русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами. Мы можем отметить это уже для древнейших веков существования Руси. Мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течение тысячелетия — факт очень показательный. Соседство с русскими мери, веси, ижоры и т. д. не было окрашено кровопролитиями. В Киеве был Чудин двор — какого-то знатного представителя чуди (будущих эстонцев). В Новгороде была Чудинцева улица. Там же в недавние годы найден древнейший памятник финского языка — финская берестяная грамота, лежавшая рядом с написанными по-русски. Несмотря на все войны со степью, иные из которых носили отнюдь не национальный, а сугубо феодальный характер, русские князья женились на знатных половчанках. Не было, значит, расовой отчуждённости. Да и вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси. О том же писал и Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков»: «Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине…» С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрине и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительная литература «времен очаковских и покоренья Крыма»!

И неужели это сознание человеком болезни не есть уже его выздоровление, его способность оправиться от болезни… Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе еще есть силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни —

предполагает страстную тоску о здоровье.

Национальные особенности — достоверный факт. Не существует каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым…

Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно.

Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого — не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — неотделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям.

Национализм — это проявление слабости нации, не ее силы. Заражаются национализмом побольшей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру.

Необязательно сильный народ многочислен, а слабый малочислен. Дело не в числе людей, принадлежащих к данному народу, а в уверенности и в стойкости его национальных

традиций.

Истинный патриотизм в том, чтобы, обогащая других, обогащаться самому духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее. Культура должна быть открытой.

Несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро.

Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели.

Национализм же — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов.

Национализм порождает неуверенность в самом себе слабость и сам в свою очередь, порожден этим же.

…Русская история в прошлом — это история бесконечных испытаний, несмотря на которые народ сохранял и достоинство и доброту.

Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью.

Если в семье все благополучно, то и в быту к такой тянутся другие семьи — навещают, участвуют в семейных праздниках. Благополучные семьи живут социально, гостеприимно, радушно, живут вместе. Это сильные семьи, крепкие семьи.

Так и в жизни народов. Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами.

ОБ ОБРАЗОВАННОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Начиная с XVIII и ранее, с XVII века, утвердилось противопоставление человеческой культуры природе. Века эти создали миф о «естественном человеке», близком природе и потому не только не испорченном, но и не образованном. Открыто или скрытно естественным состоянием человека считалось невежество. И это не только глубоко ошибочно, это убеждение повлекло за собой представление о том, что всякое

проявление культуры и цивилизации неорганично, способно испортить человека, а потому надо возвращаться к природе и стыдиться своей цивилизованности.

Это противопоставление человеческой культуры как якобы «противоестественного» явления «естественной» природе особенно утвердилось после Ж.-Ж. Руссо и сказалось в России в особых формах развившегося здесь в XIX веке своеобразного руссоизма: в народничестве, толстовских взглядах на «естественного человека» — крестьянина, противопоставляемого «образованному сословию», просто интеллигенции.

Хождение в народ в буквальном И переносном смысле привело в некоторой части нашего общества в XIX и XX веках ко многим заблуждениям в отношении интеллигенции. Появились и выражение «гнилая интеллигенция», презрение к интеллигенции, якобы слабой и нерешительной. Создалось и неправильное представление об «интеллигенте» Гамлете, как о человеке постоянно колеблющемся и нерешительном. А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки.

Врут про Гамлета, что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен.
Но, когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.

Не помедлив, стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина…

(Из стихотворения Д. Самойлова «Оправдание Гамлета»)

Образованность и интеллектуальное развитие — это как раз суть естественные состояния человека, а невежество, неинтеллигентность — состояния ненормальные для человека. Невежество или полузнайство — это почти болезнь. И доказать это легко могут физиологи.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

А как же с концепцией русского человека у Достоевского, с

его, русского человека, безудержностью, метаниями из одной крайности в другую, с его «интеллектуальной истерикой», бескомпромиссностью, нелегкой для себя и для других и т. д. и т. п.?

Но тут я отвечу вопросом на вопрос: а откуда вообще взято мнение, что такова концепция русского человека у Достоевского? Что там судят о русском человеке отдельные действующие лица его произведений? Так разве можно судить по действующим лицам, по их высказываниям о взглядах автора? Мы бы повторили ошибку многих философов, писавших о мировоззрении Достоевского и отождествлявших высказывания его героев с его собственными взглядами.

Русские люди вроде Мити Карамазова, конечно, были в русской действительности, но идеалом русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине. Для Достоевского русский человек прежде всего «всеевропеец» — человек, для которого родная и близкая вся европейская культура. Следовательно, русский для Достоевского — человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный.

Если для Достоевского идеалом русского был гений, и при этом такой гений, как Пушкин, так ведь это и понятно: самое ценное в народе — в его вершинах.

Сказать можно еще многое, многое еще надо обдумать, раскрыть. Идеал ведь вряд ли был один, одинаковый у всех. Для одних, кто меньше задумывался над судьбами и особенностями великого народа, типичный образец всего русского — это ухарь купец Никитин, для других — Стенька Разин (не реальный Степан Разин, а Стенька Разин из известной песни Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень»), для третьих — это радищевский молодец из главы «София» его «Путешествия из Петербурга в Москву» и т. д. А я говорю — не надо забывать о русской природе: это крестьяне Венецианова, русские пейзажи Мартынова, и Васильева, и Левитана, и Нестерова, бабушка из «Обрыва», гневный и все ж таки добрый Аввакум, милый, умный и удачливый Иванушка-дурачок, а где-то на втором плане картин Нестерова его мерцающие вдали тонкие белые стволы берез. Все вместе, всё вместе: природа и народ.

Мне кажется, следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает с действительностью. Но национальный идеал тем не менее очень

важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры.

А как все-таки быть с братьями Карамазовыми? Пушкин один, а их все же трое, и стоят они перед нами сплоченным рядом. Идеал должен быть один, а Карамазовы — характеры. Типичные для русских людей? Да, типичные. Это «законные» братья, но есть у них еще и четвертый братец, «незаконный»: Смердяков.

В «законных» Карамазовых смешаны разные черты: и хорошие, и плохие. А вот в Смердякове нет хороших черт. Есть только черта — черта чёрта. Он сливается с чёртом. Они друг друга подменяют в кошмарах Ивана. А чёрт у каждого народа — не то, что для народа характерно или типично, а как раз то, от чего народ отталкивается, открещивается, не признает. Смердяков не тип, а антипод русского.

Карамазовых в русской жизни много, но все-таки не они направляют курс корабля. Матросы важны, но еще важнее для капитана парусника румпель и звезда, на которую ориентируется идеал.

Было у русского народа не только хорошее, но и много дурного, и это дурное было большим, ибо и народ велик, но виноват в этом дурном был не всегда сам народ, а смердяковы, принимавшие обличье государственных деятелей: то Аракчеева, то Победоносцева, то других… Не случайно так много русских людей уходили на север — в леса, на юг — в казаки, на восток — в далекую Сибирь. Искали счастливое Беловодское царство, искали страну без урядников и квартальных надзирателей, без генералов, посылавших их отнимать чужие земли у таких же крестьян, как и они сами. Но оставались все же в армии Тушины, Коновницыны и Платоны Каратаевы: это когда войны были оборонительные или освобождать приходилось «братушек» — болгар и сербов.

«Братушки» — слово это придумал народ, и придумал хорошо.

Следовательно, меньше было в русском народе национального эгоизма, чем национальной широты и открытости.

Что делать! — каждый предмет отбрасывает в солнечный день тень, и каждой доброй черте народа противостоит своя недобрая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ 1942 ГОДА

В блокадную зиму 1942 года вместе с археологом М. А. Тихановой я написал брошюру «Оборона древнерусских городов». Эту брошюру можно назвать и маленькой книжкой (в ней была 101 страница). Месяца через два она была набрана слабыми руками наборщиц и отпечатана. Осенью того же года я стал получать на нее отклики прямо с передовой. В книжке есть смешные ошибки. Я процитировал известные строки Н. Н. Асеева:

Петербург,
Петроград,
Ленинград!
Это слово как гром и как град, —

но приписал их Маяковскому! Просто не было сил снять с полки книги и проверить. Писалось больше по памяти. Впоследствии я рассказал о своей ошибке Асееву. Николай Николаевич утешил меня словами, что он горд этой ошибкой: ведь смешал я его стихи не с чьими-то — со стихами Маяковского!

И при всей своей наивности в частностях брошюра эта имела для меня большое личное значение. С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание».

В чем состояла тогда современность древней русской литературы? Почему мысль от тяжелых событий ленинградской блокады обращалась к Древней Руси?

8 сентября 1941 года с запада над Ленинградом взошло необычайной красоты облако. Об этом облаке вспоминали и писали затем многие. Оно было интенсивно-белого цвета, как-то особенно «круто взбито» и медленно росло до каких-то грандиозных размеров, заполняя собой половину закатного неба. Ленинградцы знали: это разбомблены Бадаевские склады. Белое облако было дымом горящего масла. Ленинград был уже отрезан от остальной страны, и апокалипсическое облако, поднявшееся с запада, означало надвигающийся голод для трехмиллионного города. Гигантские размеры облака, его необычайная сияющая белизна сразу заставили сжаться сердца.

Великая Отечественная война потрясала своими неслыханными размерами. Грандиозные атаки с воздуха, с моря и на земле, сотни танков, огромные массы артиллерии, массированные налеты, систематические, минута в минуту начинающиеся обстрелы и бомбежки Ленинграда! Электричество, переставшее действовать, водопровод без воды, сотни

остановившихся среди улиц трамваев и троллейбусов; заполнившие воды Невы морские суда — военные, торговые, пассажирские; подводные лодки, всплывшие на Неве и ставшие на стоянку против Пушкинского Дома! Огромный турбоэлектроход, причаливший у Адмиралтейской набережной, с корпусом выше встретивших его старинных петербургских домов.

Поражали не только размеры нападения, но и размеры обороны. Над городом повисли в воздухе десятки невиданных ранее аэростатов заграждения, улицы перегородили массивные укрепления, и даже в стенах Пушкинского Дома появились узкие бойницы.

И одновременно со всем этим — тысячи голов беспомощно, безумно блеявшего и мычавшего скота в пригородах: собственность личная и коллективная сбежавшихся сюда беженцев из ближайших и далеких деревень. Казалось, что земля не выдержит, не снесет на себе ни тяжести людей — ни своих, ни подступивших к самым стенам города врагов, — ни тяжести человеческого горя и ужаса.

Невидимые стены! Это стены, которыми Ленинград окружил себя за несколько недель. Это была граница твердой решимости, — решимости не впустить врага в город. В подмогу этим невидимым стенам вырастали укрепления, которые делали женщины, старики, инвалиды, оставшиеся в Ленинграде. Слабые, они копали, носили, черпали, укладывали и иногда уходили в сторону, чтобы срезать оставшиеся на огородах капустные кочерыжки, а затем сварить их и заставить работать слабевшие руки.

И думалось: как можно будет описать все это, как рассказать об этом, чьи слова раскроют размеры бедствия?

А город был необычайно красив в эту сухую и ясную осень. Как-то особенно четко выделялись, на ампирных фронтонах и арках атрибуты славы и воинской чести. Простирал руку над работавшими по его укрытию бронзовый памятник — Петр. Навстречу шедшим через Кировский мост войскам поднимал меч для приветствия быстрый бог войны — Суворов. Меч в его руках — не то римский, не то древнерусский — требовал сражений.

И вдруг в жизнь стали входить древнерусские слова: рвы, валы, надолбы. Таких сооружений не было в первую мировую войну, но этим всем оборонялись древнерусские города. Появилось, как и во времена обороны от интервентов начала XVII века, народное ополчение. Было что-то, что заставляло бойцов осознавать свои связи с русской историей. Кто не знает о знаменитом письме защитников Ханко? Письме, которое и по форме, и по содержанию как бы продолжало традицию

знаменитого письма запорожцев турецкому султану.

И тогда вспомнились рассказы летописей.

«Воевода татарский Менгухан пришел посмотреть на город Киев. Стал на той стороне Днепра. Увидев город, дивился красоте его и величию его и прислал послов своих к князю Михаилу и к гражданам, желая обмануть их, но они не послушали его…»

«В лето 1240 пришел Батый к Киеву в силе тяжкой со многим множеством силы своей и окружил город и обнес его частоколом, и был город в стеснении великом. И был Батый у города, и воины его окружили город, и ничего не было слышно от гласа скрипения множества телег его и от ревения верблюдов его и от ржания табунов его, и была полна земля Русская ратными людьми».

«Киевляне же взяли в плен татарина, по имени Товрул. Братья его были сильные воеводы, и он рассказал обо всей силе их».

«Батый поставил пороки возле города у Лядских ворот, где овраги. Пороки беспрестанно били день и ночь и пробили стены. И взошли горожане на стену, и тут было видно, как ломались копья и разбивались щиты, а стрелы омрачили свет побежденным».

«Когда же воевода Дмитр был ранен, татары взошли на стены и заняли их в тот день и в ту ночь. Горожане же воздвигли другие стены вокруг церкви святой Богородицы Десятинной. Наутро же пришли на них татары, и был между ними великий бой».

Даже небольшие рассказы летописи поражают своим чувством пространства и размеров описываемого. Даже рассказы об отдельных событиях кажутся выбитыми на камне или написанными четким уставом на прочнейшем пергаменте. В Древней Руси были масштабность и монументальность. Они были свойственны не только самим событиям, но и их изображению.

В древних русских летописях, в воинских повестях, во всей древней литературе была та монументальность, та строгая четкость слога, которая диктовалась сознанием значительности происходящего. Не случайно нашествие монголо-татар сравнивалось в летописях с событиями библейскими. Этим самым, по-своему, по-средневековому, давалось понять о значении событий, об их мировом размахе. Популярное в Древней Руси «Откровение Мефодия Патарского о последних днях мира» давало масштабность изображению. Летопись рассказывает о нашествии монголо-татар:

«Пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне… их же никто ясно не знает, кто они и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени они, и что за вера их… Некоторые говорят, что те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский,

свидетельствует, что они вышли из пустыни Етревской, находящейся между востоком и севером. Ибо так говорит Мефодий: к скончанию времен явятся те, кого загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии. Бог один знает их. Но мы здесь вписали о них, памяти ради о русских князьях и о бедах, которые были им от них».

Враги приходят «из невести», из неизвестности, о них никто раньше не слыхал. Этим подчеркивается их темная сила, их космическое злое начало. Тою же монументальностью отличаются и повествования об отдельных людях: о Даниле Галицком, черниговском князе Михаиле и боярине его Федоре, об Александре Невском. Их жизнь — сама по себе часть мировой истории. Они, как библейские герои, сознают значительность происходящего, действуют как лица истории, как лица, чья жизнь — часть истории Руси. Их мужество — не только свойство их психологии, но и свойство их осознания важности и значительности всего, ими совершаемого.

Размеры событий, значение поступков, черты эпохи осознаются только в исторической перспективе. К геройству зовут не только чувства, но и ум, сознание важности своего дела, сознание ответственности перед историей и всем народом. Так важно было осознавать себя частью целого — и в пространственном, и во временном смысле!

Понять те 900 дней обороны Ленинграда можно было только в масштабе всей тысячелетней истории России. Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой. Вот почему, работая над нашей книгой в разных концах города, не связываясь друг с другом даже по телефону или письмами, ибо ни телефон, ни почта не работали, мы все же писали. так, что и теперь трудно нам сказать: кто из нас писал какую главу.

Было бы односторонним определять героический характер древней русской культуры, ограничиваясь только ее монументализмом. В русской культуре есть удивительное сочетание монументальности с мягкой женственностью.

Монументальность принято обычно сближать с эпичностью. Эпичность действительно свойственна древнерусской литературе и искусству, но одновременно им свойственна и глубокая лиричность.

Женственная лиричность и нежность всегда вплетаются во все оборонные темы древнерусской литературы. В моменты наивысшей опасности и горя вдруг неожиданно и поразительно

красиво начинает слышаться голос женщины.

С наступающими врагами сражаются не только воины, — борется народ. И как последняя подмога приходят женщины. Они строят вторые стены позади разрушенных, как это было в Киеве во время нашествия Батыя или в Пскове при нашествии Стефана Батория. Именно они выхаживают раненых, уносят и погребают тела убитых. И именно они осмысляют в своих плачах случившееся.

Русские женские плачи — необыкновенное явление. Они — не только изъявление чувств, они — осмысление совершившегося. Плач — это отчасти и похвала, слава погибшим. Плачи проникновенно понимают государственные тревоги и самопожертвование родных, значение событий. В них редки упреки. Плач по умершим — в какой-то мере ободрение живым.

Не случайно и в «Слове о полку Игореве» в момент тягчайшего поражения, когда Игорь пленен, на стены Путивля всходит Ярославна и плачет не только по Игорю, но и по его воинам, собирается полететь по Дунаю, утереть кровавые раны Игоря. Русские плачи — это как бы обобщение происшедшего, его оценка.

Вот почему и летопись, выполненная по заказу ростовской княгини Марии в XIII веке после монголо-татарского нашествия, тоже может быть отнесена к огромному плачу: плачу не в жанровом отношении, но «по идее». Это своего рода собрание некрологов: по ее отце Михаиле Черниговском, замученном в Орде, по ее муже Васильке Ростовском, мужественно отказавшемся подчиниться врагам, по князе Дмитрии Ярославиче и по многим другим.

Так было и в Ленинграде. Мужество вселялось сознанием значительности происходящего и пониманием живой связи с русской историей. Мужество проявили женщины Ленинграда, строившие укрепления, носившие воду из прорубей на Неве и просто стоявшие ночами в очередях в ожидании хлеба для своей семьи. Женщины же зашивали в простыни умерших, когда не стало гробов, ухаживали за ранеными в госпиталях, плакали за своих мужей и братьев и по ним.

И как значительно в этом плане национально-историческом, что осада Ленинграда раньше всего нашла свое отражение в плачах-стихах женщин — Ольги Берггольц, Анны Ахматовой и Веры Инбер.

Надписи Ольги Берггольц выбиты на тяжелых камнях Пискаревского кладбища. Ольга Берггольц вернула литературе камни как материал для письма. Ее голос множество раз звучал в эфире и слышался по всей стране…

Звучал в эфире голос Веры Инбер и однажды — Анны Ахматовой, читавшей свое стихотворение «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет…

Тысячелетняя русская литература сумела воплотить в своих произведениях иноземные нашествия, неслыханные осады, страшные поражения, обернувшиеся конечными победами — победами духа, победами мужества, — мужества, присущего не только мужчинам, но в час жесточайших испытаний и женщинам…

Поразительно, как национальные традиции связывают литературу поверх всех столетий в единое, прочное целое.

ВОСПИТЫВАЮЩАЯ НАУКА

Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней.

Сохранение обычаев, фольклора, музыки каждой местности необходимо для сохранения культуры страны. Даже удвоив, утроив число музейных работников, мы не сможем все сберечь, ничего не растерять. Это по силам только армии энтузиастов-краеведов. Краеведческие кружки могут стать маленькими культурными центрами в небольших городах и селах. Их не заменить столичными театрами и музеями.

Краеведение принадлежит к комплексным наукам. По типу оно близко к географии, но география обходится без оценок — она спокойнее, строже, беспристрастнее. Это своего рода «общественный недостаток» географии. Краеведение оценивает значительность происшедших на той или иной территории событий, связанных с этой местностью людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей. С этой точки зрения моральная отдача краеведения как науки исключительно велика. И при всей необходимости географии краеведение — гораздо более воспитывающая наука.

Биолог, исследующий явления жизни, не вносит нового начала в сам объект исследования. Литературоведение и

искусствоведение открывают что-то новое для читателей, зрителей, слушателей, но это «новое», если оно, конечно, верно, не вносит в предмет ничего сверх замысла творца, автора.

Иное дело краеведение. Оно придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, для нас этот дом уже наполняется духовным содержанием. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания, что именно ее изобразил Левитан. Мы по-особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского.

Чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения в том, что у него нет «двух уровней»: для специалистов и для широкой публики. Оно само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы. Краеведение учит людей любить не только свои родные места, но учит и знанию о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень. Это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут участвовать и большие ученые, и школьники.

Свой наивысший подъем русское краеведение пережило в начале XX века. И он во многом связан с двумя выдающимися личностями — профессором И. М. Гревсом и его учеником Н. Н. Анциферовым. Гревс заложил основы «городского краеведения», создал «экскурсионный метод» обучения истории, который, по существу, может быть изучением того, что он назвал «душой природы». Гревс так определил значение городов в познании исторического прошлого страны: «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов… Город… самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города — прекраснейший путеводитель ее хода и судеб».

Интереснейшая работа И. М. Гревса «Монументальный город и исторические экскурсии» была издана в 1921 году и с тех пор, к сожалению, не переиздавалась. Хотя при определенной редактуре она была бы весьма полезна сегодня.

В конце 20-х годов краеведение было объявлено лженаукой. Считалось, что человек, углубленный в историю, уходит от современных проблем. Боялись идеализации старины. В Москве было такое общество — «Старая усадьба». Оно устраивало вечера в музейной обстановке усадеб — там танцевали, слушали музыку.

Так им инкриминировалось, что они сохраняют музейные

ценности, чтобы потом при благоприятных обстоятельствах передать их бывшим хозяевам, которые уехали за границу. Сегодня во многих пригородах Ленинграда — в Павловске, в Пушкине, в Гатчине такие концерты стали обычным делом.

Сейчас, к счастью, другое отношение к истории. Есть предпосылки для нового подъема краеведческого движения. Он, собственно, уже начался. Причем краеведы не ограничиваются пассивным изучением истории и природы. Создаются общества друзей памятников, защиты природы, различные любительские объединения. И что особенно ценно — входят в них люди молодые. Если любительскими объединениями движет патриотизм, а не шовинизм, чувство национального достоинства, а не националистические амбиции, это можно только приветствовать.

Сохранять нужно все памятники данной местности, независимо от того, какому народу они принадлежат. Каждый город — это синтез нескольких культур. В Прибалтике строили и немцы, и шведы, и русские. В Крыму есть памятники, которые оставили нам античность, Византийская империя, скифы, мусульмане, армяне. Немало принесли другие народы в города, стоящие на пути «из варяг в греки», на Великом шелковом и Янтарном пути.

Работа энтузиастов имеет смысл и приносит пользу лишь при умелом руководстве профессионалов. Возглавить краеведческую работу могли бы сотрудники музеев. Это преданные своему делу, бескорыстные по большей части люди. Они хранители нашей исторической памяти. Хотя, признаться, их зарплата далеко не всегда соответствует важности их общественной миссии. Престиж музейного работника надо поднимать, и дело не только в зарплате, а в том, чтобы у музейных работников было право голоса в делах своего города, чтобы они входили в городские Советы, чтобы с ними считались.

В опубликованном проекте комплексной программы развития центра Москвы было предложение ввести курс истории Москвы для обязательного изучения в школах и вузах столицы. Я думаю, что это должно касаться не только Москвы. Краеведение должно стать обязательным предметом в каждой школе. В каких классах, в какой форме, нужно еще подумать. Но в любом случае краеведение должно быть очень живым предметом, с посещением музеев, с экскурсиями в другие города.

В свое время я школьником ездил на экскурсию по Русскому Северу. Мне это очень много дало в формировании представлений о стране, о фольклоре, о деревянном зодчестве, я видел много из того, что уже исчезло. Путешествовать по родной

стране нужно как можно раньше и как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают добрые отношения с учителями и вспоминаются потом всю жизнь.

Краеведение — прекрасная школа воспитания гражданственности. В каждом городе, в каждом селе нашей страны должны быть памятники жертвам минувшей войны. Пусть скромные, но не безымянные. Надо спешить, пока живы те, кто помнит имена героев. Это святое дело должна взять в руки молодежь. Немало могут сделать школьники и в сохранении памятников истории и культуры. Советский фонд культуры предполагает установить формы поощрения лучших детских краеведческих коллективов. Это могут быть и путевки на экскурсию в Москву, Ленинград, по Золотому кольцу.

Преподавать краеведение, руководить этой работой нельзя на дилетантском, любительском уровне. Необходимы развитие теории краеведения, разработка учебных программ, достаточно гибких, чтобы они могли применяться в каждой местности. Теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах. Сейчас такой курс введен в Московском государственном историко-архивном институте. Безусловно, надо ставить вопрос и о самом широком издании трудов по краеведению. Преподавание краеведения в школе в какой-то мере поможет решению и экономических задач хотя бы тем, что, создав атмосферу оседлости, снизит потоки миграции.

Краеведческие знания необходимы многим профессиям. Архитекторы, например, по большей части крайне поверхностно знают историю города, развитие которого они проектируют, не имеют представления о том, что в этих городах ценного (в градостроительном отношении, какие градостроительные идеи в них развивались.

Хотелось бы снова напомнить о том, что память — это хранение прошлого, это забота о будущем.

Пути, оставленные нам

РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО

Существует обывательское представление о «несамостоятельности» древнерусской литературы. Однако не только каждая литература, но и каждая культура «несамостоятельна». Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседней. Может ли развиваться зерно в стакане дистиллированной воды? Может! — но пока не иссякнут собственные силы зерна, затем растение очень быстро погибает. Отсюда ясно: чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее. Русской культуре (и литературе, разумеется) очень повезло. Она росла на широкой равнине, соединенной с Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее корни не только в собственной почве, но в Византии, а через нее в античности, в славянском юго-востоке Европы (и прежде всего в Болгарии), в Скандинавии, в многонациональности государства Древней Руси, в которое на равных основаниях с восточными славянами входили угро-финские народности (чудь, меря, весь участвовали даже в походах русских князей) и тюркские народы. Русь в XI–XII веках тесно соприкасалась с венграми, с западными славянами. Все эти соприкосновения еще шире разрастались в последующее время. Одно перечисление народов, входящих с нами в соприкосновение, говорит о мощи и самостоятельности русской культуры, умевшей заимствовать многое у них и остаться самой собой. А что было бы, если бы мы были отгорожены от Европы и Востока китайской стеной? Мы остались бы в мировой культуре глубокими провинциалами.

Существует ли «отсталость» древнерусской литературы и что вкладывается в это понятие «отсталости»? От чего ведется отсчет? Что, мы наперегонки бегаем? Ведь в таком случае должен быть определенный старт, условия и пр. А если народы Европы принадлежат к разным возрастным группам, да и рождение наше не всегда ясно? Византия и Италия продолжали античность, а мы стали развиваться позднее и в других условиях. Одним словом: мой сосед, которому три года, — отстал от меня?

Третье понятие — «заторможенность». Существовала ли она в культуре Древней Руси? Кое в чем — да. Скажем, у нас не было такого молниеносного перехода от средневековья к Новому времени, как в Италии. В Италии была эпоха Ренессанса, а у нас

были явления Ренессанса, и они затянулись на несколько веков — вплоть до Пушкина. Наш Ренессанс был «заторможенный», и поэтому борьба за личностное начало в культуре у нас была особенно напряженной и трудной и резко сказалась в литературе XIX века. Хорошо это или плохо?

Четвертое понятие — «художественная слабость литературы». Всякая культура в чем-то слаба, в чем-то сильна. Древнерусская культура была очень сильна в архитектуре, в изобразительном искусстве, а теперь выясняется — и в музыке. А в литературе? Литература была своеобразной. Публицистичность, нравственная требовательность литературы, богатство языка литературных произведений Древней Руси изумительны.

Картина довольно сложная.

О НОВГОРОДЕ

Новгород и Киев — два равноправных центра восточнославянского государства Русь. Вокруг них объединялись все восточнославянские племена, от которых пошли будущие русские, украинцы и белорусы.

Из этих двух святынь Руси лучше всего сохранился Новгород. В Новгороде наибольшее число и наилучшего качества памятники древнерусского искусства и письменности.

Третье в мире по качеству собрание древнерусской живописи (иконы) — в Новгородском художественном музее. Наибольшее число фресок — в Новгороде (церковь Спаса на Ильине с фресками Феофана Грека XIV века, фрески церкви Федора Стратилата на Ручью XIV века, Антониев монастырь Софийского собора XI века и т. д.). Здесь сохранился Кремль, полностью — земляной вал, поразительный Георгиевский собор в Юрьевом монастыре, собор Антониева монастыря — оба начала XII века. Николо-Дворищенский собор начала XII века со знаменитой фреской Иова на Гноище, с величайшим трудом собранные из осколков фрески Спаса на Ковалеве. Можно смело сказать, что ни один город в РСФСР не имеет по числу и по высокой ценности такие сокровища, как Новгород.

Восстановление новгородских памятников в условиях колоссального напряжения началось еще тогда, когда не закончилась Великая Отечественная война.

Музейные ценности были спасены (эвакуированы) в тяжелейших условиях.

Подвергать все сохранившееся в Новгороде опасности если не уничтожения, то хотя бы порчи — преступление перед теми

бойцами Красной Армии, которые умирали под Новгородом, но не стреляли по его памятникам, где были у врагов наблюдательные вышки. Множество наших солдат погибло при штурме Юрьева монастыря, но не был разрушен Георгиевский собор, где под крышей засели немецкие корректировщики артиллерийского огня.

НОВГОРОД И КОСМОНАВТЫ

Новгородский художественный музей лет десять назад посетили космонавты и поразились: на одной из икон изображен Царь Космос на черном фоне (а черный цвет очень разный) — таким точно, каким видели мировое пространство космонавты через иллюминатор своего космического корабля.

Откуда знал художник этот цвет? Я думаю: в Древнем Новгороде, да и вообще на Руси, много рыли колодцев. Если колодец глубокий, небо в просвете кажется ночным; черным — может быть, таким же, как его видят из иллюминатора космического корабля.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

С 29 июня по 2 июля 1982 года проходил съезд общества охраны памятников истории и культуры в Новгороде.

Был там и Валентин Григорьевич Распутин, которому я немного показывал Новгород, и вот что я ему рассказал, не рассчитывая на возможность использования для какого-либо рассказа. Действительность в моем рассказе была «литературнее» допустимого в литературном произведении.

В церкви Рождества на Кладбище с великолепными и малоизученными фресками обнаружили при реставрации в верху алтарной апсиды огромный снаряд. Концы снаряда были видны и снаружи, и внутри. Вызвали саперов. Они сказали: «Единственный способ — взорвать на месте. Иначе обеспечить безопасность нельзя». Реставраторы чрезвычайно взволновались: «Но погибнут фрески!» Как всегда в чрезвычайных случаях, тут же оказались два мальчика. Услышали, что взрывать будут утром. И вот, когда утром приехали саперы, снаряда не обнаружили. Мальчики за ночь вытолкнули снаряд наружу. Он упал на мягкую кладбищенскую землю и, к счастью, не взорвался.

«СТЫДЛИВОСТЬ ФОРМЫ»

Литература нового времени восприняла (отчасти незаметно для самой себя) многие черты и особенности литературы древней. Прежде всего — ее сознание ответственности перед страной, ее учительный, нравственный и государственный характер, ее восприимчивость к литературам других народов, вошедших в орбиту Русского государства, ее «стыдливость формы», ее отдельные темы и нравственный подход к этим темам.

«ТРОИЦА» РУБЛЕВА

Самопогружение личности в индивидуальные переживания не было в книге XIV — начала XV века уходом от сопереживаний с другими людьми: от чувства сострадания, от чувства материнства, отцовства, чувства ответственности за грехи других людей. Символ этой «соборной индивидуализации» — икона «Троица». Все три ангела погружены в свои собственные мысли, но находятся между собой в гармоническом согласии. И мы верим, что их «безмолвная беседа», согласие между собой знаменуют истинное единение. Они думают одну думу.

Поэтому индивидуализация в высшем своем проявлении не есть отход от человеческой культуры, а есть высшая форма проявления культуры человечества.

ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВА НУЖНЫ ЗНАНИЯ

Кому-то принадлежит мысль, что образование — враг художественного видения. Но ведь для того чтобы хорошо работать, например, живописцу, надо хорошо знать анатомию. Если не знать анатомию лошади, то и создаются такие «конные памятники», какой был поставлен в Новгороде в честь его освобождения. Значит, художник должен не только видеть, но и знать. Взыскательный зритель — тоже, но он должен как бы забывать о своих знаниях в момент созерцания.

А вместе с тем знание прямым образом способствует эстетическому восприятию: знание мифологии, знание истории, стилей, биографий творцов, истории создания того или иного произведения, жизни произведения после, своего создания и т. д.

Роль знаний и самый тип знаний в разные эпохи различен. В средние века и после, до сегодняшнего дня (у профессиональных искусствоведов), огромную роль играет знание «священной истории» (Библии). Начиная с эпохи Возрождения, в основном по первую половину XIX века, необходимо было знание античной

мифологии. А разве сейчас, чтобы понимать искусство, нет такой необходимости? Даже для примитивных народов — для восприятия их произведений искусства необходимо было знание мифов, их религии. Сейчас для восприятия произведений искусства большинство зрителей, слушателей и читателей ограничиваются элементарными знаниями психологии, а при восприятии абстрактного искусства не нуждаются и в этом. Ни в чем не нуждаются…

«ПУШКИН — ЭТО НАШЕ ВСЁ»

Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко — украинской, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской? И если бы пришлось определять день Праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина, хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Льва Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов, и без Лескова, без Есенина, без Горького…

Так почему же все-таки первым из первых возвышается в нашей культуре Пушкин? Пушкин- это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить» национальной особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин — это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Пушкин — величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви — возвышенный идеал отношения к женщине-музе («Я помню чудное мгновенье…»). Он создал возвышенный идеал печали. Три слова — «печаль моя светла» — способны утешить тысячи и тысячи людей. Он создал поэтически мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных…»). Он открыл возвышающее значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости.

Воспоминания молодости сливаются с памятью русской истории. Никто из поэтов не посвящал русскому прошлому столько произведений — и эпических, и драматических, и лирических в стихах, и лирических в прозе. Именно в воспоминаниях родится у Пушкина притягательный горький образ прошлого и мудрое объяснение настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории, в представлениях о которых мы не можем отступить в наших собственных думах о русской истории. Это образы Бориса Годунова, Петра, Пугачева… Он создал их, как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот. Он дал основное направление русскому роману XIX века — «усадебному» роману, как бы распределив в нем и основные роли: Онегин и Татьяна — это своего рода конфликтные центры, которые мы найдем у Гончарова, Тургенева и многих других русских классиков.

Пушкин в кратчайшей и выразительнейшей форме воплотил основные достижения мировой литературы: «К Овидию», «Из Катулла», «Подражания Корану», «Суровый Дант не презирал сонета…», «Из Гафиза», «К переводу «Илиады», «Из Анакреона», «Подражание арабскому», «Отцы-пустынники и жены непорочны…», «Песни западных славян», гениальные по проникновению в самую суть художественные произведения: «Сцена из Фауста», «Каменный гость» и многое другое. Не случайно он считал Россию «судилищем» европейской культуры — ее истолковательницей и ценительницей. Возвышение духа — вот что характеризует больше всего поэзию Пушкина.

Могут спросить: как это согласуется с тем, что порой он сам мог быть «ничтожен» среди ничтожных в том смысле, как сам Пушкин писал в стихотворении «Поэт»: «И меж детей ничтожных мира, // Быть может, всех ничтожней он». Всегда ли он сам в собственной жизни был так возвышен? Не нужно спрашивать. Это не должно нас интересовать. Цветы растут, и они прекрасны. Разве должны мы пачкать их огородной землей? Он сам творил свой человеческий образ, заботился о его простоте и обыденности. Этого не следует забывать. Он хотел быть «как все».

И даже если бы Пушкин оказался застегнут в редингот проповедника на все пуговицы и крючки, уверен: его поэзия лишилась бы известной доли своей притягательности. Поэт в какой-то мере должен быть «ничтожен» в жизни, чтобы поэзия его приобрела подлинное обаяние возвышенности. Как человек он не мог ходить на котурнах, ибо это создало бы непреодолимую дистанцию между ним и нами. Он играл в наши игры, чтобы суметь овладеть нами в чем-то самом значительном. Поэт в какой-то мере должен быть обыкновенен в жизни, чтобы его

поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности. Творчество всегда преображение, всегда рождение из «сора». (Напомню ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда…».) На чистом мраморе не растут цветы. И «обыкновенность» Пушкина — человека среди обыденности других людей — это другое, таинственное, носящее печать вневременности.

Нам необходимо пройти хоть немного вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт, который открывается в детстве и остается с нами до смерти.

«Пушкин это наше всё», — сказал о нем Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные мгновения нашей жизни.

«КРЕСТЬЯНИН, ТОРЖЕСТВУЯ…»

В 1926 году, как я уже писал, я занимался в Ленинградском университете в семинарии по Пушкину у Л. В. Щербы. Занятия шли по методике «медленного чтения», которая приучила студентов к глубокому филологическому пониманию текстов. За год мы прошли только несколько строк из «Медного всадника». В нашем распоряжении были всевозможные словари и грамматики. Мы доискивались грамматически ясного, филологически точного понимания текста, углублялись в историю изучения значений каждого слова: несколько занятий мы посвятили выяснению того, к чему относится местоимение «их» в следующих строках:

Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури…
И спорить стало ей невмочь…

Это затруднение реальное, решить его однозначно нельзя. Но в пушкинских стихах есть затруднения мнимые, вызываемые тем, что мы плохо знаем уже некоторые реалии, особенности быта, которые были близки Пушкину.

В «Евгении Онегине» в главе пятой строфа 11 начинается всем знакомыми с детства строками:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,

На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь…

Почему «торжествуя»? Стало ли крестьянину легче ездить? Почему «обновление пути» по свежевыпавшему снегу связано у крестьянина с каким-либо особым торжеством?

Пушкин знал крестьянскую жизнь, и все, что связано в его поэзии с деревней, очень точно и совсем не случайно.

«Торжество» крестьянина относится не к «обновлению пути» по первопутку, а к выпавшему снегу вообще. В предшествующей первой строфе той же главы говорится:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь…

Если бы осенняя погода без снега простояла дольше, озимые погибли бы. Крестьянин торжествует и радуется снегу, ибо выпавшим снегом «на третье в ночь» спасен урожай.

Что такое толкование верно, доказывает начало стихотворения «Домовому»:

Поместья мирного незримый покровитель.
Тебя молю, мой добрый домовой.
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!

Малопонятны сейчас и следующие слова — «снег почуя». Почему лошадь «чует снег», а не видит? Почему она «плетется рысью как-нибудь»? По этому поводу я обратился к известному литературоведу и одновременно мастеру конного спорта, автору книги «Железный посыл» Д. М. Урнову. Вот что он мне ответил в письме. Привожу с любезного согласия Д. М. Урнова текст его ответа мне.

«Как-нибудь» означает здесь, как я понимаю, нехотя, боязливо, осторожно. Лошадь не любит неверной и незнакомой дороги, а снег только что выпал, под копытом ползет, попадается чернота — земля незасыпанная, и даже какой-нибудь знакомый пень или камень выглядит по-новому, пугает. Это — обычное дело со всякой лошадью, необязательно крестьянской. Лошади, как правило, подслеповаты, всякое пятно под ногами кажется им ямой. Некоторые из них ни за что не пойдут через тень, лужу, а начнешь понукать — прыгнут, именно как через яму, а так не пойдут. Кроме того, как я уже сказал, лошадь очень не любит, когда дорога зыбкая, нога у нее ползет, куда-то уходит, проваливается. И вот выезжаешь по первому снегу, и начинает лошадь упираться. Иногда упирается она буквально, останавливается перед какой-нибудь чернеющей на снегу палкой и не идет (еще вчера по грязи мимо той же палки шла как ни в чем не бывало!), но вообще это конники так говорят — «упирается», то есть идет неохотно, и Пушкин, много в деревне ездивший, это, конечно, хорошо знал.

«Снег почуя» — лошадь прежде всего и преимущественно все чует. Глаза у нее сравнительно слабые, слух неплохой, но главное — чутье».

Очень часто у читателя вызывает недоумение — как можно «плестись рысью». В современном русском языке рысь ассоциируется с быстрым бегом лошади. Но это, с точки зрения знатока лошадей, не совсем так. Рысь — это родовое понятие. Бывает медленная рысь. С нее, по разъяснениям Д. М. Урнова, рысь начинается. «Трюх-брюх» — лошадь трусит рысцой, потом — «средняя рысь» и, наконец, «маха» — быстрая рысь.

Итак, Пушкин знал крестьянский быт не как горожанин, а как житель деревни.

«ПОЛТАВА» А. С. ПУШКИНА

Пушкин долго колебался: как назвать свою поэму. Думал назвать ее «Мазепа», как одноименное произведение Байрона. Но нет: явилось новое название — «Полтава», и оно, как молнией, прожгло и осветило ее содержание судьбоносным грозовым светом.

В самом деле, Полтавская битва определила дальнейшую судьбу России. Победа под Полтавой окончательно разрешила

вопрос о том, где быть столице России. Победа прочно связала судьбу двух великих братских народов — России и Украины.

Петр — главный герой поэмы «Полтава». «Он весь, как божия гроза»: это сказано о ясном лике Петра, по которому молнией пробегало волнение, охватывающее его в моменты принятия важных решений. «Он весь, как божия гроза»: это сказано и о всем его деле — грозовом и грозном, ужасном для личных судеб отдельных людей и благодетельном для судеб народов и страны.

Гроза Петра — гроза «Божия», то есть как бы определенная свыше законами истории. И он «законный» глава — не добивающийся своего положения интригами или быстрыми и случайными успехами. И в этом отношении Петру противостоят двое — шведский король Карл XII, «венчанный славой бесполезной», и изменник Мазепа. Карл по натуре авантюрист, и «не ему вести борьбу с самодержавным великаном»:

Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит…

Так характеризует Карла его союзник Мазепа, понявший его после его поражения. Но не менее случаен в истории и сам Мазепа, для которого судьба его народа — лишь средство добыть верховную власть:

Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал…

Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Последние слова особенно значительны. Мазепа не дорожит ни отчизной, ни любимой женщиной.

Петр на следующий же день после победы пирует с пленными врагами и поднимает кубок за своих учителей, ибо дело его — дело труженика истории, и побежденные им — не личные его враги. Мазепа же жесток, он рубит голову отцу любимой им

Марии. Впрочем, любимой ли? Вряд ли! Так как главное для него — карьера и месть.

Мария — жертва великих событий истории.

Мы знаем, что дочери с таким именем у Кочубея не было, а была дочь Матрена. Исследователи Пушкина предполагают, что имя Матрены не попало в поэму из-за своего простонародного звучания. Однако во времена Пушкина имя Татьяны звучало не менее простонародно, и об этом напоминает в «Евгении Онегине» сам Пушкин, но чародейством своего языкового авторитета Пушкин превратил же простонародное имя Татьяны в одно из любимейших и распространённейших в русском народе! Мог бы он совершить это чудо и с именем Матрена, но не совершил. Почему же? Потому, что в образе Марии Кочубей ему мелькал нежный и твердый в своей беззаветной любви к мужу образ Марии Раевской, пожертвовавшей всем ради декабриста-мужа и уехавшей с ним в Сибирь, а впоследствии ставшей одной из главных героинь «Русских женщин» Некрасова.

Итак, наметились главные персонажи поэмы: Петр, Карл, Мазепа и Мария. В чем же заключается идея поэмы? И здесь нам необходимо сказать хоть несколько слов об идеях произведений Пушкина в целом.

У Пушкина не было «укороченных» идей — идей, целиком умещающихся в одном произведении. Он не ставил в своих произведениях проблем, на которые мог бы сразу и до конца ответить. В творчестве Пушкина, как облака по поднебесью, проходили волновавшие его думы, меняя очертания, принимая различные образы, показываясь нам все с новых и новых сторон, но единые в своем многоразличии.

Думы Пушкина (именно поэтические думы, а не просто идеи) проплывают по всему его творчеству бесконечной чередой, как глубоко личные и вместе с тем — общенародные. Главная дума Пушкина, как в народной песне, — это дума о судьбе человека. Обычная тема его лирики — воспоминания и предчувствия конца. Он не жалеет о том, что было, — только стремится понять былое. В будущем же видит не только смерть, но и бессмертие своего дела. В эпических поэмах и больших прозаических произведениях он думает о судьбе людей в больших исторических событиях. События, волнующие Пушкина, — это катаклизмы русской истории: то смута (в «Борисе Годунове»), то петровские преобразования и основание Петербурга (в «Медном всаднике»), то народное восстание под предводительством народного вождя Пугачева (в «Капитанской дочке»), то Полтавская битва (в «Полтаве»).

И в каждое из этих судьбоносных для страны исторических

событий входит и личная, лирическая судьба женщины: то это честолюбивая, но вовсе не сильная Мария Мнишек, то простая и простенькая Параша, которая является читателю даже не сама, а лишь в мечтах и страхах своего жениха — маленького человека Евгения, то сильная духом и почти героическая, думающая только о любимом ею человеке Маша Гринева, то, наконец, Мария Кочубей, трагическая в своей любви к старому и эгоистическому и по-своему ничтожному гетману Мазепе. Каждая из этих женщин решает свою судьбу и только в одном случае решает удачно — это Маша Гринева, ибо полюбила она не честолюбца.

Напрашивается связь судьбы этих женщин с судьбами Татьяны Лариной, тоже полюбившей занятого собой Онегина, Лизы в «Пиковой даме», полюбившей азартного игрока Германца. В «Онегине» и в «Пиковой даме» столкновение личной судьбы женщины происходит не с историческими событиями, но с жестоким укладом общества.

Мужчины у Пушкина по большей части не способны полюбить до полной самоотдачи. Их сфера другая. Женщины же, даже тогда, когда связывают судьбу свою с недостойными их людьми, полны самопожертвования. Именно поэтому несчастная судьба женщин так близка Пушкину, так тревожит его, и именно они становятся в его глазах первыми и главными жертвами неукротимого хода истории.

Ни одно из больших произведений Пушкина не разрешает, как мы уже сказали, до конца волновавшую его тему. Судьба частного человека в истории и обществе оборачивается все новыми и новыми сторонами в произведениях Пушкина. Тема эта и не могла быть разрешена однозначно. Для этого слишком разнообразны сами люди. Так неразрешимой, но беспрерывно разрешаемой заново, огромная тема эта перешла и во всю последующую русскую литературу.

Тема «Евгения Онегина» разрешалась Тургеневым и Гончаровым в их «усадебных» романах, тема «Пиковой дамы» — у Достоевского в «Преступлении и наказании» и в «Игроке», тема «Медного всадника» — в «Петербурге» Андрея Белого. Вскользь сказано в «Полтаве» о пути Наполеона на Москву: Пушкин как бы предугадал и наметил даже тему будущего романа Льва Толстого «Война и мир», где любимая всеми читателями Наташа, ввергнутая, как и героини произведений Пушкина, в водоворот грандиозных исторических событий, явилась наследницей женских образов поэта.

Думы Пушкина не умерли вместе с ним. Они прошли длинной чередой по всей великой русской литературе, которую не случайно назвали «Домом Пушкина».

Крупнейшие советские украинские поэты Максим Рыльский и Андрей Малышко перевели «Полтаву» на украинский язык. Это нелегко было сделать. Поэма Пушкина — двуедина в своей стилистической основе. Линия Марии выдержана в духе романтической поэмы, линия Петра и Полтавы — в лучших традициях классицизма. Такая двуединая линия характерна и для других произведений Пушкина — например, для «Медного всадника». Реализм — открытый стиль. Он позволяет включать в себя течения других литературных направлений, если этого требует сюжет, тема, идея. Такие переходы создают трудности для переводчика, но с ними блестяще справились Рыльский и Малышко. Сравнение подлинника с переводом, мощи русского языка с красотой и мягкостью украинского поможет читателю испытать дополнительные эстетические эмоции и глубже понять гениальную поэму Пушкина.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ А. БЛОКА «НОЧЬ, УЛИЦА. ФОНАРЬ, АПТЕКА…»

С осени 1921 по весну 1922 года в школе Лентовской, где я учился, литературный кружок вел небезызвестный в биографии Александра Блока Евгений Павлович Иванов[1]. Иванов жил на Петроградской стороне недалеко от Большого проспекта. По моим воспоминаниям, он работал тогда не то бухгалтером, не то счетоводом, и школьный кружок после смерти Блока был для него своего рода интеллектуальной отдушиной. Пригласил его вести этот кружок замечательный педагог этой школы Леонид Владимирович Георг. По существу он и вел всю организационную работу, так как организатор Иванов был никудышный. Но он постоянно выступал и делал на кружке доклады. Один доклад я помню по названию — «Море и Евангелие от Марка», читал он его как стихотворение в прозе, но понять его мы, школьники, не были в состоянии: нас только завораживало звучание речи Е. П. Иванова. На занятия кружка ходили все педагоги школы, а кроме того, — и «посторонние» литературоведы А. А. Гизетти, С. А. Алексеев (Аскольдов) и др.

После занятий кружка я обычно провожал Евгения Павловича домой. Однажды я почему-то провожал его на Крестовский остров. Мы шли по Большой Зелениной, где на углу Геслеровского он показал мне чайную, которую посещал Блок, с кораблями на обоях, и которая изображена Блоком в первом действии «Незнакомки». (Как раз в эту чайную упала одна из первых бомб во время осады Ленинграда в конце августа или

начале сентября 1941 года.) А дальше, перед деревянным мостом на Крестовский остров, на котором происходит второе действие («Второе видение») «Незнакомки», на углу слева он показал мне аптеку и сказал, что Блок всегда конкретен в своей поэзии (то же обычно повторял и двоюродный брат А. А. Блока — Г. П. Блок) и в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека…» имел в виду именно эту аптеку. Блок любил здесь гулять, любил Петроградскую сторону вообще, даже после того как поселился на Офицерской.

Требуются некоторые пояснения. Стихотворение входит в цикл «Пляски смерти». Мост на Крестовский остров был по ночам особенно пустынен, не охранялся городовыми. Может быть, поэтому он всегда притягивал к себе самоубийц. До революции первая помощь при несчастных случаях оказывалась обычно в аптеках. В аптеке на углу Большой Зелениной и набережной (ныне набережной Адмирала Лазарева, дом № 44) часто оказывалась помощь покушавшимся на самоубийство. Это была мрачная, захолустная аптека. Знаком аптеки служили большие вазы с цветными жидкостями (красной, зеленой, синей и желтой), позади которых в темную пору суток зажигались керосиновые лампы, чтобы можно было легче найти аптеку. (Золотой крендель был знаком булочной, золотая голова быка — мясной, большие очки с синими стеклами — оптической мастерской и пр.) Берег, на котором стояла аптека, был в те времена низким (сейчас былой деревянный мост заменен на железобетонный, подъезд к нему поднят, и окна бывшей аптеки наполовину ушли в землю; аптеки теперь нет). Цветные огни аптеки и стоявший у въезда на мост керосиновый фонарь отражались в воде Малой Невки. «Аптека самоубийц» имела опрокинутое отражение в воде; низкий берег без гранитной набережной как бы разрезал двойное тело аптеки: реальное и опрокинутое в воде, «смертное». Стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека…» состоит из двух четверостиший. Второе четверостишие (отраженно-симметричное к первому) начинается словом «умрешь». Если первое четверостишие, относящееся к жизни, начинается словами «Ночь, улица, фонарь, аптека», то второе, говорящее о том, что после смерти «повторится всё, как встарь», заканчивается словами, как бы выворачивающими наизнанку начало первого: «Аптека, улица, фонарь». В этом стихотворении содержание его удивительным образом слито с его построением. Изображено отражение в опрокинутом виде улицы, фонаря, аптеки. Это отражение отражено (я намеренно повторяю однокоренные слова — «отражение отражено») в построении стихотворения, а тема смерти оказывается бессмысленным обратным отражением

прожитой жизни: «Исхода нет». Посмертная жизнь как опрокинутое и карикатурное повторение жизни — обычный для фольклора мотив. Он ярко представлен, например, в древнерусской повести о бражнике, стучащемся на том свете в рай и переспоривающем всех праведников, или в поэме А. Т. Твардовского «Теркин на том свете». Всё — то же, но ненастоящее, отраженное, лишенное подлинного содержания и смысла.

В стихотворении Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…» поразительно совпадение его построения, композиции с содержанием. Даже зрительно два четверостишия, отделенные друг от друга пробелом, производят впечатление как бы «самоиллюстрации» из содержания. Позволю себе полностью воспроизвести здесь это всем хорошо знакомое стихотворение:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь…

Два следующих стихотворения в цикле «Пляски смерти» также связаны с самоубийством, с водой, аптекой, фонарями:

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне,
А перед шкапом с надписью Venena[2]
Скелет.

Второе стихотворение:

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода.
Там — забвенье навсегда…

Стихотворения эти также общеизвестны. Я не цитирую их полностью, но напомню, что, написанные в 1912 и 1914 годах,

они возвращают нас к темам и картинам «Второго видения» «Незнакомки», написанной в 1906 году: «Тот же вечер. Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно[3], образуют широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку. По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями…»

Как указал мне Л. К. Долгополов, Юрий Анненков в рисунках к «Двенадцати» прямо назвал адрес Катьки — и это место недалеко от Большой Зелениной — Рыбацкая, дом № 12.[4]

Напомню, что Катька убита; Катька также связана с темой смерти:

> А Катька где? —
> Мертва, мертва!
> Простреленная голова!

Отсюда следует, что окраина Петербурга-Петрограда у Крестовского моста всегда была ассоциативно связана в поэзии Блока с темой смерти — самоубийства или убийства. Случайно или не случайно, в эту же сторону, на Петровский остров, идет Раскольников после убийства старухи и Елизаветы, здесь же в 1916 году спускают убийцы с Петровского моста под лед тело Распутина, что хорошо было известно Блоку в пору написания «Двенадцати».

К. И. Чуковский в своих многократно переиздававшихся воспоминаниях называет другую аптеку — аптеку Винникова на Офицерской, сравнительно недалеко от той квартиры, где Блок поселился в 1912 году. Но богатая аптека Винникова — недалеко от Мариинского театра, на ярко освещенной улице, к тому же стоявшая далеко от воды Крюкова канала и посещавшаяся богатым артистическим миром (здесь недалеко, напротив, находились Мариинский театр и Консерватория, жили П. З. Андреев, Э. Ф. Направник, находилась знаменитая кондитерская Иванова), вряд ли так соответствовала теме смерти в воде, как та аптека, на которую указал мне Е. П. Иванов.

Анна Андреевна Ахматова соединила стихотворение Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…» именно с Невой в своем стихотворении 1946 года: «Он прав — опять фонарь, аптека, // Нева, безмолвие, гранит…»

Почему же Блок назвал Малую Невку «каналом»? Ответа на этот вопрос у меня нет. Блок был поэтом, а не фотографом, и канал в данном случае больше соответствовал, очевидно, его обобщенному видению Петербурга.

В своем прекрасном истолковании стихотворения «Ночь,

улица, фонарь, аптека…» Д. Е. Максимов пишет об «угрюмых символах ночного города»[5]. С моей точки зрения, стихотворение это не «о страшном, повторяющемся, прозаическом мире», а о призрачном повторении жизни и смерти. Симметрия построения этого стихотворения не вертикальная, а с горизонтальной осью — осью берега, отделяющего жизнь наверху от смерти внизу, в ледяной воде.

Возвращаясь к Е. П. Иванову, отмечу, что он мне указывал на Петроградской стороне и другие обычные для прогулок Блока места: кинематографы «Палас», «Ниагара» и функционирующую до сих пор, но сильно перестроенную «Молнию». Дальше по направлению к Тучкову мосту Блок гулять не ходил.

Дано судьбой

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

«В чем смысл жизни?» — такую записку вдруг получил я, выступая во Дворце молодежи на Петроградской стороне, на вечере, организованном ленинградским телевидением.

Вопрос труднейший, глобальный. Может быть, самый главный и мучительный из всех вопросов, над которыми веками бились лучшие умы человечества. Можно ли ответить на него в нескольких словах да еще импровизированно? Не лучше ли отмолчаться или отшутиться?

Нет. Мне кажется, любой из нас в любую минуту своей жизни должен быть готов в меру своих сил ответить на этот вопрос. Сегодня я отвечаю на него так: природа создавала человека миллионы лет, давайте же уважать эту работу! Проживем жизнь с достоинством, поддерживая все созидательное и противостоя всему разрушительному, что есть в жизни! Это, разумеется, не полный ответ, но, во всяком случае, приближение к нему.

Если говорить откровенно, вопрос о смысле жизни не был таким уж неожиданным. Он по-своему логично вытекал из всего диалога с аудиторией, хотя и начал я его с разговора о предмете сравнительно узком и специальном: о древнерусской литературе, являющейся главной сферой моих научных интересов.

Не могу не вспомнить, как началось мое знакомство с ней. Шел 1923 год. На первую из объявленных лекций в одну из аудиторий главного здания университета — ту самую, между прочим, где читал свои лекции Н. В. Гоголь, — пришли всего два слушателя, я был одним из них. Третьим был профессор с саквояжем книг. Так было и в следующий раз. И на третий. Профессор как ни в чем не бывало читал свой курс. Хотя собственно истории древнерусской литературы — в нынешнем понимании этого слова — тогда еще не было. Ее предстояло создать.

А сегодня мы наблюдаем бурный рост интереса к древнерусской литературе и искусству. В том же ленинградском Дворце молодежи предо мной был полный зал! В чем причина этого интереса? Такой вопрос задают мне нередко, да я и сам задаю его себе. И отвечаю: это явление не случайное, знаменательное, тем более что наблюдается оно не только у нас. Оно отражает естественное стремление человека к устойчивости, стабильности своего существования на земле… В Америке

молодые ребята поют старинные «переселенческие» песни. Жители Австралии вспоминают имена своих ирландских и шотландских предков. И вообще генеалогические изыскания перестали быть привилегией аристократов. Своими предками и пращурами стали интересоваться люди самого широкого круга. Мне рассказывали, что одна семья в Сибири восстановила имена своих предков до восьмого колена. Кто же были эти люди? Крестьяне и рабочие, простые русские люди. Но разве они не достойны памяти?

Как мы видим, возрос интерес не только к Древней Руси и ее литературе. Возрос интерес к отечественной истории вообще, к художественным произведениям, воскрешающим различные ее этапы. И у нас есть в этой области несомненные удачи.

Где вообще граница между историей и современностью? «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича — разве это не историческая книга-документ? Казалось бы, есть уже немало у нас хороших документальных книг о блокаде, но, думается, еще никому не удавалось с такой силой на строго документальном материале передать самый дух осажденного города, дух страдания и подвига! Но ведь эта страница истории была для нас когда-то живой современностью! Разве можно забыть, например, как сотрудники Пушкинского Дома спасали от всевозможной гибели культурные богатства, накопленные за многие десятилетия, отправляли рукописи Пушкина на хранение в Новосибирск, другую часть рукописного фонда — в Казань? Или как пригласили нас с археологом М. А. Тихановой в Смольный, в отдел науки обкома партии, и поручили нам написать книгу «Оборона древнерусских городов»? Было это в марте 1942 года, боевой опыт предков стал неожиданно актуальным, ибо лишь в глубоком прошлом оказалось возможным найти аналогию тому испытанию, которое обрушилось на нашу землю: ни в 1812 году, ни в первую мировую войну все-таки не было ничего сравнимого, не стоял с такой остротой вопрос: «Быть или не быть?» Книга была написана и напечатана в кратчайшие сроки, уже осенью того же года ее раздавали бойцам в окопах…

Есть такая опасность во всеобщей увлеченности историей: уход в частности, в колоритный антураж — в ущерб главному. Вот мы пишем и читаем очень много о Пушкине и его времени, о его окружении, потомках. Но не стали ли мы при этом меньше читать… самого Пушкина? Я прочел как-то в аудитории, известные строки про птичку божию, которая не знает ни заботы, ни труда, спросил: чьи? Воцарилась тишина, потом кто-то робко произнес: «Плещеев?!» А ведь это песня из поэмы «Цыганы»! Это на читательском уровне. А на уровне научном — как не

вспомнить о том, что у нас до сих пор нет полного академического издания Пушкина? Ведь имеющееся издание было выпущено в свое время без комментариев, хотя они и были подготовлены. Нет у нас и пушкинской энциклопедии. Так что перед Пушкиным мы в долгу — пора этот долг оплачивать!

Появление (и определенный даже успех) произведений спекулятивных, написанных якобы на историческом материале со ставкой на сенсационность — явление по-своему тоже показательное: интерес к истории захватывает широкие круги читателей разной степени подготовленности. Не буду в данном случае называть авторов — важно другое, радующее: в последнее время заметно растет интерес к литературе подлинной, например, к сборникам «Памятники литературы Древней Руси», выпускаемым издательством «Художественная литература», к «Слову о полку Игореве» и его переводам.

Проблемы этики, нравственности в науке, норм поведения в научном коллективе очень важны и заслуживают специального разговора. Пока скажу одно: у себя в секторе древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) мы стремимся поддерживать атмосферу делового товарищества, творческого соревнования. Ту самую, при которой спор — явление нормальное. Именно эта атмосфера позволяет успешно работать вместе ученым со столь яркими индивидуальностями, как доктора филологических наук О. В. Творогов, написавший поразительную книгу о русских хронографах, А. М. Панченко, открывший целую школу стихотворцев XVII века, Л. А. Дмитриев — автор книги о первом издании «Слова о полку Игореве», ведущий интереснейшую работу над текстами житийной литературы. Ученый убедительно доказал, сколь сильное влияние фольклора испытал на себе этот «церковный» жанр, сколь глубоко впитал он народные этические и эстетические представления. Доктор филологических наук Р. П. Дмитриева выпустила замечательную книгу о древнерусской «Повести о Петре и Февронии», причем основательно «поправила» меня на ее страницах: я считал, что эта известная повесть относится к началу пятнадцатого века, а она решила, что это шестнадцатый, и даже установила имя автора — Ермолай Эразм.

Нет, не отвлеченную материю, представляющую сегодня лишь исторический интерес, являет собой древнерусская литература! Все, что связано с ней, обретает подчас самую современную остроту. Например, одно время на Западе получила хождение теория, согласно которой древнерусская культура была культурой «интеллектуального молчания». Это была оскорбительная для России теория, хотя, между прочим, первым

ее выдвинул русский философ-эмигрант Г. П. Федотов. Но на Западе она нашла поддержку, и тому были свои объяснения. Архитектуру и живопись знали все: они существуют, они наглядны и не нуждаются в переводе. А литературу надо переводить, что весьма трудно. Еще менее, чем литература, была известна музыка. Но ведь все фресковые и иконописные изображения опирались на определенный литературный сюжет, музыка тоже опиралась на слово — она была прежде всего песней, хоровой или индивидуальной. И не безграмотные люди создавали бессмертные иконы и фрески — вспомните хотя бы новгородские берестяные грамоты или ярославскую живопись (среди ее сюжетов можно увидеть столько людей с книгами в руках, столько текстов, заключенных в живописные образы, — как ни в одной культуре мира!).

А если обратиться непосредственно к произведениям древнерусской литературы, мы обнаружим в ней такие черты, как глубокая эмоциональная и интеллектуальная насыщенность, истовая убежденность, стремление в сжатой форме ответить на коренные вопросы бытия, утвердить добро и справедливость. Эти черты перешли потом в творчество великих русских писателей XIX века — Толстого и Достоевского, они продолжаются и в советской литературе, вплоть до наших дней. Не буду называть отдельные имена: дело не в них, а в общей тенденции. Или, вернее, традиции. Так можно ли говорить о каком-то «интеллектуальном молчании», в атмосфере которого будто бы жили наши предки?

Есть и другая крайность — восприятие Древней Руси и ее культуры в идиллическом, приукрашенном свете. Восходящая, в конечном счете, к талантливым — не спорю! — стилизациям А. К. Толстого, эта традиция находит приверженцев и сегодня. Именно поэтому меня в свое время, как и еще ранее Н. Н. Асеева, порадовали стихи поэта Виктора Сосноры, который в своем обращении к миру Древней Руси разрушил привычные красивости, эти либерально-дворянские представления о социальном мире, якобы царившем в ту далекую эпоху. Поэт стремился увидеть Русь в живой плоти — страдающей или радующейся, борющейся, материально конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой. При этом общие представления о Киевской Руси в стихах Сосноры поразительно совпадают с тем, что дает нам в своей книге «Люди и нравы Древней Руси» советский историк Б. А. Романов. Это совпадение представлений поэта и историка не случайно. Оно обусловлено тем, что оба они — наши современники: советский поэт и советский историк. Материалистическое мировоззрение,

исторический опыт позволили им одинаково истолковать Киевскую Русь, понять ее заботы.

Познать историческую истину, освободить ее от всякого рода легенд — как «черных», так и «розовых» — в этом я вижу важнейшую задачу, решаемую вместе с товарищами по работе, из которых многих я мог бы назвать своими учениками. Как, впрочем, и учителями, ибо все мы учимся друг у друга.

А кого я мог бы назвать своими учителями непосредственно? Здесь пришлось бы привести много имен. И не только университетских профессоров — таких, как В. М. Жирмунский, В. К. Мюллер, Д. И. Абрамович, В. Ф. Шишмарев, В. Е. Евгеньев-Максимов… Но и, скажем, школьный учитель словесности Леонид Владимирович Георг, которому я в наибольшей степени обязан выбором своей профессии. А рядом с ним, как это, может быть, ни удивительно — преподаватель гимнастики (как тогда говорили), который учил нас еще в гимназии Мая. Он играл с нами в игры, исподволь воспитывая умение общаться, жить в коллективе.

Меня спрашивают иногда: как я отношусь к исчезновению традиционных русских игр — таких, как лапта, бабки, рюхи? Но беда в том, что исчезают не только русские игры — исчезают игры вообще. Их заменяют танцы или то, что называется танцами. Между тем игра важна: она воспитывает социальность, умение держаться вместе. По вечерам в семье лучше иногда цифровое лото, чем монополия телевизора. В лото играли и взрослые, и дети. Так же, как и в крокет. На Севере долгими зимними вечерами вся семья пела. Это вроде бы о другом. Но хоровое пение — это не только эстетика. Оно нравственно объединяет семью. Вообще Русский Север всегда был хранителем замечательных народных традиций — прежде всего трудовых, но и бытовых, и праздничных тоже. Они создавали ритм жизни, сближали людей — не случайно меньше было тогда того, что сейчас называется «закомплексованностью». Жаль, что с оттоком населения из северных районов страны, а проще говоря, с обезлюдением их, многие из этих традиций забываются.

И все-таки тяга людей к общению, объединению, сопереживанию неувядаема! Пример тому — публичные выступления наших поэтов, их популярность. Казалось бы, зачем эти выступления в наш век всеобщей грамотности? Достал книжку, раскрыл журнал — и читай себе наедине с собой! Но услышать произведение в чтении автора, причем не обязательно новое произведение, а подчас и знакомое, а то и в особенности знакомое (недаром поэта просят: прочтите то-то и то-то!), — это, оказывается, совсем иное дело! Тут могут быть свои «приливы» и

«отливы», но суть от этого не меняется. Недаром на Западе всегда удивляются умению большинства наших поэтов читать свои стихи, подкреплять слово пластикой. Это не пережиток, не атавизм «безграмотного» прошлого, как пытаются иногда представить, а живая народная традиция, которую нужно хранить и беречь. Кто мои любимые поэты, кого я люблю читать и слушать более всего? Затрудняюсь ответить — зависит от настроения, от внутреннего состояния: слава богу, поэтами наша страна небедна и сегодня. В свое время мне довелось слушать Асеева, Ахматову — их чтение помогало глубже понять их поэзию. По времени мог бы слышать Блока. До сих пор мучительно жалею, что не слышал. А понимать Маяковского меня научил великий чтец Яхонтов. Вот что значит звучащее слово!

Из современных поэтов мне по-особенному близок Арсений Тарковский — мне приходилось уже однажды писать о его поэзии как об удивительной чистоты врачевальном искусстве. И его манера чтения была под стать самим стихам: без установки на внешний эффект, строгая, тоже врачующая. А вот чтение Андрея Вознесенского, можно сказать, контрастно его стихам — взрывным, полным неожиданности: поэт читает завораживающе напевно, и в этом кажущемся противоречии есть свое обаяние.

К слову сказать, и ученому необходимо уметь находить общий язык с любой аудиторией: во время ли публичных выступлений, на страницах ли популярных книг. Иногда встречается пренебрежительное отношение к популяризаторской деятельности. Мне кажется, популяризаторская деятельность очень важна для самого ученого. Ибо она обязывает говорить и писать просто. Когда меня спрашивают, каким должен быть язык литературы — художественной или научной, я обычно отвечаю: простым, ясным. Иначе это не язык, он не выполняет своей основной функции. Простота концепции, допустим, в характеристике различных эпох — один из критериев ее истинности. А способность человека найти необходимую простую и ясную формулировку — один из критериев подлинной интеллигентности.

Об этом слове — интеллигентность, интеллигенция — много спорят. Думаю, что нельзя сводить дело к каким-то внешним признакам. Иногда, например, подлинная интеллигентность не в том, чтобы жадно схватить редкую книгу, а в том, чтобы воздержаться от ее приобретения, если знаешь, что для другого она может оказаться нужнее.

Для меня интеллигентность — это повышенная восприимчивость к культуре, к искусству, деликатность в отношении других людей, принципиальность. И еще:

интернационализм.

Я убежден, что национальное в его лучших проявлениях сохранится всегда. Но это не исключает подлинного интернационализма, который заключается в отсутствии национальной спеси.

Кстати, я должен напомнить, что «интеллигенция»— русское слово! Корень — заимствованный, он есть почти во всех европейских языках, но в нынешнем своем значении — социальном, нравственном — слово и понятие «интеллигенция» родилось на нашей земле. А теперь, обогащенное новым смыслом, пришло в европейские и не только в европейские языки.

И еще качество подлинного интеллигента: его жизнь осмысленна. Над смыслом ее он задумывается всю жизнь, не считая, что ответ найден раз и навсегда. О чем и свидетельствует записка, с которой мы начали разговор.

ДРУЗЬЯ СОЗДАЮТСЯ В ЮНОСТИ

Иногда приходится слышать: «Это история, и поэтому в моей жизни значения иметь не будет». Так ли это?

Мне кажется что тот, кто не интересуется историей, прошлым, обедняет свое настоящее. Из трех делений времени — настоящее, будущее и прошлое — самое ответственное — настоящее, самое манящее — будущее, самое богатое — прошлое.

Настоящее постоянно ускользает, это зыбкая грань между прошлым и будущим, но грань эта действенная и активная. Будущее постоянно отступает, и к нему мы стремимся. Оно господствует. Прошлое же — это гигантская кладовая культуры, доступная каждому, кто захочет обогатить свое настоящее и обеспечить будущее.

В прошлое непрерывно отходит настоящее, отойдет и будущее. Забывать об этом неразумно.

Дело каждого культурного человека уметь извлечь из прошлого то, что необходимо для настоящего и будущего: не только сохранять память прошлого, но создать «обратные токи времени».

Знание истории позволяет по-новому, глубоко, интересно видеть то, что у вас перед глазами. Если даже вы просто идете по улице и знаете, кто жил в этих домах, какие события на этой улице происходили, где (в живописи, в графике, в поэзии и пр.) отразилась, запечатлелась эта улица, то как интересно, как легко (подчеркиваю — легко, даже физически легко) по ней идти! Интересные воспоминания превращают любую вашу ходьбу в

прогулку, создают в душе богатую палитру впечатлений, заставляют думать. Возникает целый оркестр воспоминаний, ассоциаций, вы идете как под музыку — легко, свободно. Сохраняемое вами прошлое — ваше личное или вашего города, села, страны — делает человека мудрым, всепонимающим.

А прошлое всегда богато, но только если его знаешь, если умеешь его понимать и если оно заботливо сбережено.

Если же говорить о разрыве опыта поколений, то между отцами и детьми всегда существовал и существует некоторый разрыв. Это закон жизни, и относиться к нему надо спокойно. Но разрыв этот следует уменьшать с обоих берегов. Виноваты бывают и отцы, и дети… Отцы опытнее, и они в первую очередь должны уметь передавать свой опыт, а дети должны внимательно прислушиваться.

Привить юношам и девушкам интерес к истории нельзя путем уговоров и наставлений. Прежде всего надо, чтобы ни один памятник прошлого не находился в небрежении и не вызывал бы одним своим видом мыслей о его ненужности. А затем надо писать об истории так, как писали В. Ключевский, С. Соловьев, Е. Тарле и другие «старики». Историк должен быть художником слова. Старые исторические работы — это тоже «кладовая». Но надо создавать и новые работы, на новом уровне, достигнутом нашей исторической наукой, но остающемся недоступным читателям.

Понятие «историческое сознание» вполне правомерно. Одно из главных отличий современных гуманитарных наук — их принципиальный историзм. Историзм позволяет и эстетически понять многое, что иначе казалось бы непонятным или даже наивным. Когда мы подходим к произведению искусства или просто к памятнику прошлого и знаем особенности эпохи, его создавшей, мы лучше его понимаем, ценим и в результате охраняем, оставляя для будущего (охрана прошлого — это прежде всего забота о будущем). Вместе с тем историзм — это осознание себя в истории, своего места и назначения. Взглянуть на себя и на свой труд с позиций будущего — это очень важно. Вместе с тем, понимай прошлое, мы осознаем значение настоящего. Так же точно, понимая чужое, мы начинаем глубже ценить свое. У «своего» появляются широкие границы и во времени и даже в пространстве.

Прошлое и будущее симметричны. Чем шире и «многовековее» мы охватываем прошлое, тем более дальнозорки мы в будущем, тем тверже и увереннее мы движемся в настоящем. А настоящее, как я уже сказал, не неподвижно: эта движущаяся точка, нами самими направляемая от прошлого, которое мы

должны знать, в будущее, которое мы должны предугадывать.

Немного о национальных традициях. Я считаю их очень важными.

Владимир Мономах в своем мудром «Поучении детям» восторгался многообразием человеческих лиц. Сколько их в мире, и ни одно лицо не похоже на другое! Люди должны обладать своим неповторимым лицом, но им же должны обладать села, города, страны и нации. Как это ни странно, но именно непохожесть сближает. Схожесть, одинаковость, стандартность оставляют нас равнодушными. Своеобразие же манит, «дразнит», заинтересовывает, заставляет стремиться проникнуть в суть, а в человеческих отношениях вызывает чувство любви. Можно полюбить некрасивое лицо, но нельзя полюбить стандартное лицо — лицо, отштампованное «массовым тиражом», лицо манекена. Чтобы ребенок полюбил куклу — кукле он дает имя, считает ее своей и «единственной».

Поэтому человек должен изучать себя, свои склонности и, если они добрые, стремиться развивать их в себе.

Национальные традиции также следует изучать и сохранять. Национальное своеобразие сближает нации, а не разъединяет их. Мы отправляемся к другим народам, чтобы увидеть их индивидуальность, «непохожесть» и в этой «непохожести» увидеть вечную красоту.

К сожалению, приходится признать, что многие замечательные традиции утрачены. Люди перестают петь…

В моем детстве семьи пели — пели при наступлении сумерек, когда уже нельзя работать, но еще рано зажигать лампы и надо было экономить керосин и свечи. Пели, когда приходили гости. Теперь предпочитают пассивно слушать музыку, сохраняемую в виде «консервов» (магнитофонные ленты, пластинки) или передаваемую по радио.

Перестала петь и деревня. Что-то неправильное есть в организации самодеятельных народных хоров. Возникает народный хор, а через два-три года он становится вовсе не народным и усваивает извне поручаемый ему репертуар, да и манера пения меняется.

Исчезла замечательная русская протяжная песнь — лучший жанр наших песен. Почему? Слишком она печальная? Но разве печали нет и не будет? Ведь люди умирают, хворают, расходятся и разводятся, покидают иногда родные места, вспоминают не только счастливое, но несчастливое, грустное. И человеку необходима в этих случаях печальная песнь, созвучная его личному горю. Какая песнь утешит в горе? Оптимистическая? Нет, веселая песнь только для веселых случаев. Нужен полный

диапазон русских народных песен.

Снова вспоминаю о годах учебы в Ленинградском университете. Вспоминаю, что в 1923 году попал я в разновозрастную среду. Студенты тогда были очень разные: и только окончившие школу, и пришедшие с фронтов гражданской войны. И все тогда спорили, вырабатывали свои взгляды, думали об общем больше, чем о себе. Большинство писали стихи, многие соединяли учение с работой (стипендий не было). Студенты тогда не довольствовались посещением обязательных лекций и семинаров — искали интересных профессоров и ходили на лекции не «по программе».

Что касается современного студенчества, то я давно перестал систематически преподавать в вузах и знаю студентов только по тем из них, которые приходят в аспирантуру. К сожалению, мне встречались студенты очень «практичные», которые думали прежде всего о своей карьере. Некоторые, когда им было выгодно, выступали даже против своих учителей (это были отщепенцы, их было немного, но все же они были). Сейчас очень много студентов, думающих не только о пользе для себя, но и о пользе для многих, искренне любящих науку, увлекающихся своей специальностью и своими темами. Это очень радует.

Мне бы хотелось пожелать им быть сильными в добре, никогда не изменять своим добрым принципам, помнить, что ни один проступок не проходит бесследно и что можно легко испортить себе жизнь, погубить свою совесть, позабыть честь, гоняясь за временной, мимолетной удачей.

Хотелось бы дать молодым читателям несколько советов о том, как работать с книгой.

С разными книгами надо работать по-разному: одни книги надо штудировать, конспектировать, изучать, читать повторно, читать для удовольствия. С другими надо только знакомиться, знать об их существовании. С третьими и знакомиться не нужно. И этот, третий сорт книг — самый трудный. Самое трудное заставить себя не читать то, без чего вполне можно обойтись. Не слишком следует гоняться за модным чтением. Модное быстро выходит из моды. Надо читать то, что проверено временем. Свою библиотеку не надо делать слишком большой; не надо заполнять ее книгами «одноразового чтения». Такие книги надо брать в библиотеке. Дома должны быть книги повторного чтения, классики (и притом любимые), а больше всего справочники, словари, библиография. Они могут иногда заменить целую библиотеку. Обязательно ведите собственную библиографию и на карточках этой библиографии отмечайте, что в этой книге кажется вам важным и нужным.

Вас интересует, какими качествами должен обладать выпускник вуза? Разумным оптимизмом. Он должен уметь с готовностью и достоинством переносить все жизненные трудности, без которых не проживешь и без которых, в конце концов, жизнь была бы пустой.

Меня очень волнует отсутствие патриотизма у некоторой части нашей молодежи, с одной стороны, и подмена патриотизма узким местничеством — с другой.

Патриотизм же, соединенный с интересом и любовью ко всем нациям, — непременное условие нормального здоровья ума и сердца. Ибо для человека естественно любить свою семью, свое село и город, свою страну и ее народ, а также своих соседей, другие народы и весь земной шар — нашу большую родину.

Становясь студентом, человек входит в самостоятельную жизнь, и все, что нужно в самостоятельной жизни, нужно и студенту-первокурснику.

Но один совет я бы все же выделил как специальный: вопрос первокурсника — с чего начать Прежде всего установите товарищеские отношения со всеми своими коллегами.

Будьте хорошим, честным, прямым и добрым товарищем, именно товарищем.

Это запоминается на всю жизнь.

Те, с кем вы учитесь на первом курсе, будут вас так или иначе сопровождать всю жизнь. Их мнение о вас будет всегда и для всех самым авторитетным (ведь вы вместе учились — «пуд соли съели»). Ваши товарищи по курсу — вот кто создаст вам репутацию на всю жизнь. Помните это! Друзья создаются в юности. Затем становится все труднее и труднее подружиться. Помните и это.

ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря.

Так вот, задача каждого человека и в крупном, и в малом повышать этот уровень счастья, в жизни повышать. И свое личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главное — счастье окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это означает повышать уровень счастья своей страны и всего человечества в конце концов.

Способы могут быть различными, но для каждого что-то доступно. Если недоступно решение государственных вопросов,

что всегда повышает уровень счастья, если они мудро решаются, то хотя бы в пределах своей семьи, в пределах своего рабочего окружения, в пределах своей школы, в пределах окружения своих товарищей и знакомых можно повышать уровень счастья. Ведь у каждого есть такая возможность повышать созидательное начало в жизни.

Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной и ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Ведь вот любопытная вещь: когда кто-то входит в общество, то он может принести с собой атмосферу подозрительности, тягостного молчания, а может сразу внести радость и свет. Вот это и есть творчество. Оно беспрерывно.

ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Первобытных людей безосновательно считают грубыми, жестокими, грязными. Если потому только, что они были ближе, чем мы к животному миру, то ведь животные чистоплотны, обладают исключительным пониманием друг друга, приверженностью к своим обыкновениям и т. д.

Я думаю, что у первобытных людей был великий фольклор, прекрасная травяная медицина, умение делать хирургические операции, богатые обычаи и свои празднества, а между собой они умели держать слово, были нежны к детям и щедры. Леви-Брюль говорил, что «первобытные люди очень часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий». Сказано тяжело, но верно.

НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ АВТОРИТЕТ

Обаятельный образ Франциска Ассизского связан с нищетой. И то же — Сергий Радонежский. Но Франциск — нищенствующий святой, а Сергий — нищий крестьянин. И в этом существенное различие.

Сергий сам плотничал, ставил кельи, таскал бревна, носил воду в двух водоносах, пек хлебы, сам шил одежду и тачал обувь — делал всю черную работу и даже нанимался плотничать за гнилые хлебы. Когда слава его прошла уже по всей Руси, он все же не изменял своего трудового образа жизни. Именно поэтому

он получил в народе огромную славу и непререкаемый авторитет, с которым вынуждены были считаться самые верхи московского государства и русской церкви.

Приходившие к нему на поклонение люди принимали его за простого работника и не хотели верить, что перед ними прославленный во всей Руси игумен. К нему приезжает сам великий князь Дмитрий Донской за советом и помощью. И помощь его действенная. Когда нижегородский князь Борис не покорился Москве, по слову Сергия были затворены в Нижнем все церкви, и Борис, опасаясь народа, вынужден был покориться. Дмитрию Донскому перед выступлением в поход против Мамая Сергий дает в войско двух иноков, веля им сражаться. Это было против церковных обычаев, запрещавших инокам воевать. Тем самым Сергий освятил поход против Мамая как святое дело и способствовал подъему духа в войске Дмитрия.

ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ

Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно, нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением.

Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо. Если он перестанет быть творческим существом и быть устремленным в будущее (свое и своей страны), он перестает быть Человеком.

В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая.

«БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ»

Жизнь человека — это не отдельные события, связывающиеся в незакономерную последовательность, а своего рода организм, «биографическое целое». Поступки и события — звенья цепи, имеющей свою форму, свою одухотворенность и свою индивидуальность.

Существует индивидуальность — как человек, и есть индивидуальность — как его жизнь. Последняя зависит от первой, но обе — законченные цельности. И человек должен это знать, а

не жаловаться («не повезло в жизни»).

«ТАЛАНТЫ РЕДКИ, И ИХ НАДО БЕРЕЧЬ И ОХРАНЯТЬ»

Талант — это единственное в человеке, что всегда работает на своем уровне. Можно быть прилежнее или ленивее, аккуратнее или неряшливее, работать больше или меньше. Но нельзя преподавать, исследовать, писать более талантливо, чем ты способен, да и нельзя — и на менее низком уровне. Можно вообще не работать, но это другой вопрос. Вот почему так важно замечание В. И. Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять».

Бездарность стремится поучать, талант — подавать пример. Но если у таланта отнять время, то и талант будет больше поучать, чем учить примером.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Термин «мещанство» идет от Герцена, который разумел под ним коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности. Подобного понятия нет в других языках. Уж очень ненавистно было всегда мещанство в России. Поэтому и утвердилось это понятие.

«ДАЕТСЯ СУДЬБОЙ»

Одно из самых ценных человеческих качеств — индивидуальность. Она приобретается от рождения, «дается судьбой» и развивается искренностью: быть самим собой во всем — от выбора профессии до манеры говорить и до походки. Искренность может быть в себе воспитанная.

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души и совестью в той или иной мере очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной

(крайне редко).

Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему t обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее», и т. д.). Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук СССР, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например, частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью.

Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, чиновничьей) души.

БОЛЬШАЯ ЦЕЛЬ

Кто-то сказал: живи так, как если бы ты должен умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен; работай так, как если бы культура только росла и развивалась и, одновременно, так, как если бы она погибнет завтра.

Это значит: надо и завершить свою жизнь достижением единой большой цели, и заканчивать каждый день, сознавая, что ты что-то сегодня сделал доброе.

ЗАВОЕВАННОЕ СЧАСТЬЕ

…Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнее слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное

нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье, это когда в доме достаток и на службе хорошо». Или: «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили: «Это гармония между чем-то и чем-то» — не далеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастие рядом.

«БОЛЬШАЯ ПОЛОВИНА СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА — В СЕМЬЕ»

Василий Васильевич Розанов писал: «Большая половина счастья человека — в семье». Вот почему выбор мужа и жены — шаг первостепенной важности для человека. Выбрать мужа — это выбрать семью, и притом на всю жизнь. Выбирать нужно не только мужа, но отца будущих детей, в какой-то мере и круг знакомств, интересов (они должны быть общие в семье).

Надо помнить, что привычки в семье имеют огромное значение, а привычки, образ жизни создаются в детстве, в семье мужа. Значит, если с детства он привык к беспорядочному образу жизни, беспорядок в будущей жизни и останется. Если был бездельником, то труд для него так и останется докучной обязанностью — не более. Дрался в детстве — будет драться и в семье, бить детей.

Выбирать надо не только мужа и отца, главу семьи, но выбирать надо и семью мужа: общение с ней — прямое и косвенное — будет постоянным.

Освободить свое время от пустяков

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ШКОЛА?

Школа, как известно, формирует людей, закладывает основы структуры личности. Это весьма признаваемо не только от времен древних греков, но, пожалуй, еще и пораньше. То, что не привито в школе, упущено, позднее наверстывать и исправлять очень трудно. Как будто это прописная истина. Но ее очень часто признают, но не осознают.

Что такое школа? Для чего она? Вопрос может кому-то показаться примитивным, упрощенным. Но это только на первый взгляд.

Что же такое школа? Это, прежде всего, воспитательное учреждение… Воспитательное, а не просто учебное. И знания не должны сыпаться на ученика этаким бесконтрольным потоком, прямо-таки водопадом. В связи с ростом уровня знаний, развития науки постоянно усложняются и те предметы, которые изучаются. Учащийся должен выходить из школы, будучи готовым освоить любую профессию, которую внезапно, по тем или иным причинам, может предложить ему жизнь. Сейчас — уже так, а в будущем процесс станет еще более интенсивным. Постоянно рождаются новые профессии. Их нужно осваивать быстро. Причем часто самому. Попытка слишком ранней направленной специализации приносит сомнительные результаты. Можно научить юного человека профессиональным знаниям в той или иной области. Но толку от этого всего? Знания быстро устаревают. Следовательно, надо постоянно переучиваться, что рискует вылиться в процесс бесконечный. Выход один — выпускник школы должен обладать научным мышлением, которое едино для всех наук. Именно владение научным мышлением на современном уровне позволяет быстро осваивать ту или иную только что возникшую специальность.

Высокий уровень мышления всегда сказывается во всем. Высокая квалификация мышления позволяла от давних времен успешно осваивать иной раз даже не смежные, а как бы диаметрально противоположные профессии. Причем везде быть на высоте, сверхспециалистом. Примеров тому множество. Что же касается узкой квалификации, то она оказалась троянским конем — ограничила кругозор, сковала мысль, а главное, привела к неумению увидеть любую научную или эстетически-художественную проблему в общественном контексте. Вместе с

узкой квалификацией пришла мастеровитость, но стала угасать обдуманная и ответственная смелость поступков и решений.

Уверен, что серьезнейшее внимание в школе должно быть уделено преподаванию логики. Вообще развитию логического мышления. Не просто изучил предмет под названием «логика» и сдал экзамен. Совсем не об этом речь. Логическое мышление должно быть освоено молодым человеком. Без этого он не сумеет спорить, не сумеет отстаивать свои убеждения и себя проверять, что чрезвычайно важно.

Не владея логическим мышлением, личность не способна к самоусовершенствованию, духовному росту.

КУЛЬТУРА И БУДУЩЕЕ

В видеозаписи время отсчитывается секундами. В кинематографе время куда более емко, чем в жизни. На магнитофоне же время измеряется метрами: сколько метров магнитной пленки прошло.

А в оптике существует «наводка на резкость», так и филологическая интерпретация памятников есть своего рода «наводка на резкость» в их понимании. Без филологии невозможно четкое понимание словесных памятников.

Перед культурой будут стоять особенно большие задачи в будущем. Когда техника удовлетворит материальные потребности человечества, потребности в комфорте и пр., наступит век создания культурных ценностей. Создание будет складываться в основном из двух моментов: создание нового и воскрешение старого, введение в культурный обиход современности старых ценностей. Первое не может осуществляться без освоения старых культурных ценностей. Второе — без продвижения вперед по пути создания новых. Роль филологической интерпретации памятников старины в этом освоении культуры прошлого станет особенно велика.

Каждое явление культуры прошлого должно получить точное приурочение, точное испомещение в кругу аналогичных явлений, должно быть понято в культурной атмосфере своего времени, в историческом процессе.

Само собой разумеется, что эти грандиозные задачи не могут быть осуществлены без помощи кибернетики. Кибернетика сотрет различия между техникой, точными науками и гуманитарными. Запоминающие, классифицирующие машины, машины, восстанавливающие тексты памятников, вычисляющие возможности восстановления памятников архитектуры или

живописи будут нужны особенно.

Сможет ли машина творчески решать проблемы, как человек? Вероятно, сможет.

Но никогда не сможет рассмеяться.

УЧИТЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОМ

Мне неоднократно в своих выступлениях приходилось писать и говорить, что доступ к архивным материалам должен быть более открытым, свободным. Научная работа (особенно текстологическая) требует использования по той или иной теме всех рукописных источников (об этом я пишу в своей книге «Текстология»), У нас же все чаще в архивохранилищах решают: эту рукопись выдать, а эту — не выдавать, и решение это зачастую произвольно. Особенно надо приучать пользоваться первоисточниками научную молодежь, а она-то все чаще оказывается стеснена в читальных залах рукописных отделов.

Рукописные книги и рукописи надо выдавать почаще — от этого зависит, кстати сказать, и их сохранность. Исследователь контролирует состояние рукописей, контролирует архивиста, проверяя, так ли он «опознал» рукопись. Я мог бы привести десятки примеров, когда рукописи считались «пропавшими» в результате того, что они подолгу не попадали в руки исследователю и не отождествлялись.

Доступность источника — и рукописного документа, и книги, и редких журналов или старых газет — кардинальная проблема, от которой зависит развитие гуманитарной науки. Преграждение доступа к источникам ведет к застою, принуждая исследователя топтаться на площадке одних и тех же фактов, повторять банальность, и в конце концов отделяет его от науки.

Не должно быть никаких закрытых фондов — ни архивных, ни библиотечных. Как достичь такого положения — этот вопрос должен быть обсужден широкой научной общественностью, а не только слушаться в ведомственных кабинетах.

Свобода, доступа к животворным культурным ценностям — наше общее право, право всех и каждого, и обязанность библиотек и архивов — обеспечить осуществление этого права На деле.

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ!

Можно ли захотеть и быть умным? Можно! Надо только

понять, что такое ум. В какой-то мере, конечно. Потому что до конца понять, что такое ум, нельзя.

Начну с простейшего примера. Мы говорим: «Умная собака», «умная кошка», даже «умная корова». Но переселите этот «ум» в человека, и человек окажется больше чем идиотом — каким-то «полусуществом».

Мы можем обозначить так «умного» токаря, вагоновожатого, лаборанта, истопника — я не знаю, кого еще перечислить из «среднего персонала». Но сделайте кого-нибудь, закрыв глаза, министром, и в подавляющем большинстве случаев окажется, что министр будет глупым, тупым, «узколобым». Хотя, конечно, могут оказаться и счастливые случаи.

Отсюда ясно — ум соотносителен с положением, которое человек занимает. И отсюда следует:: если хотите быть умным — не стремитесь захватить должность, на которой окажетесь глупым.

«Познайте самого себя» и действуйте в жизни сообразно!

И второе наблюдение, не менее важное. Ум — это прежде всего поведение. Умный человек — это тот, кто ведет себя правильно в собственной семье, с товарищами, на работе и т. д. Ум — это тактичность, умение отделить мелкое от важного, предусмотреть будущее…

Можно быть умным ученым, а можно быть талантливым ученым. Это разные типы ученых.

Умный ученый определяется по поведению в науке, по тому, что он знает истинную цену своим открытиям, своей методике, своему положению в науке. (Что такое поведение в науке — на эту тему можно написать целую книгу.)

Талантливый ученый создает интересные гипотезы, делает важные открытия (часть из которых может оказаться, впрочем, ложными).

Талантливым сделаться очень трудно — им надо родиться. Умным стать вполне можно.

БЕЗДЕЛЬНИК ВСЕГДА ОЧЕНЬ ЗАНЯТ

Бездельничание вовсе не состоит в том, что человек сидит без дела, «сложа руки» в буквальном смысле. Нет, бездельник вечно занят: пустословит по телефону (иногда часами), ходит в гости, сидит у телевизора и смотрит все подряд, долго спит, придумывает себе разные дела.

Вообще бездельник всегда очень занят…

ЕСТЬ ЧТО-ТО, ДО ЧЕГО ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРОС

Всегда помни, что есть что-то, до чего ты еще не дорос. Будь храбрым в стремлении воспринимать чужую культуру. Будь смелым к сложной и непонятной культуре, по отношению того, что выше тебя по интеллектуальному уровню.

УЧТИВОСТЬ В ПОВЕДЕНИИ

И еще одно забытое нравственное понятие — учтивость в поведении.

Сохранять независимость естественнее и проще всего, соблюдая учтивость. Учтивым следует быть не только к дамам и с дамами, а со всеми и всегда.

КНИЖНОЕ ЧТЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ КНИЖНОЕ

Мы ничего не должны растерять из нашего великого наследия.

Книжное чтение и почитание книжное должно сохранить для нас и для будущих поколений свое высокое назначение, свое высокое место в нашей жизни, в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтобы не дать замусорить наше сознание различного рода «чтивом» и бессодержательной, часто развлекательной безвкусицей.

Суть прогресса в литературе состоит в расширении эстетических и идейных возможностей литературы, создающихся в результате «эстетического накопления», накопления всяческого опыта литературы и расширения ее «памяти».

БУДЬТЕ КОЛУМБАМИ!

Если книга не породила у вас ни одной самостоятельной мысли, значит, она напрасно прочитана (кроме справочников, но они не читаются подряд).

Будьте Колумбами! Открывайте хорошие книги в океане незначительных.

Книги, по Карлу Попперу, — это «третья реальность»; первая — объективно существующая, вторая — субъективная.

Читать, но и перечитывать! Если при перечитывании книга

позволяет открыть в ней нечто новое, значит, это полезная книга.

КНИГУ ЗАМЕНИТЬ НИЧЕМ НЕЛЬЗЯ

Несмотря на все новейшие открытия, новые виды сохранения информации, не будем спешить расставаться с книгой. Книга остается. Она будет нужна человеку всегда. Ее не просто читают. Над ней размышляют. Общение с ней интимно. Никакие посредники не нужны. Порой они просто мешают. Человек всегда хотел остаться с книгой наедине — как с самым доверительным, самым близким собеседником. И в этом великое преимущество книги.

Напрасны надежды некоторых слишком ретивых сторонников «прогресса» распрощаться с книгой. Никакая кинопленка, никакая электроника книгу не заменят. Новые средства массовой информации будут с ней мирно сосуществовать.

Десять заповедей человечности

1. Не убий и не начинай войны.

2. Не помысли народ свой врагом других народов.

3. Не укради и не присваивай труда брата своего.

4. Ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти.

5. Уважай мысли и чувства братьев своих.

6. Чти родителей и прародителей своих и все сотворенное ими сохраняй и почитай.

7. Чти природу как матерь свою и помощницу.

8. Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба.

9. Пусть живет все живое, мыслится мыслимое.

10. Пусть свободным будет все, ибо все рождается свободным.

notes

Примечания

1

О нем см.: Воспоминания и записки Е. П. Иванова об Александре Блоке. (Публикация Э. П. Гомберг и А. Е. Максимова.)//В кн.: Блоковский сборник. — Тарту, 1964. — С. 344–424.

2

Яд.

3

Дома Большой Зелениной действительно «обрывались» близко у низкого берега.

4

См.: Александр Блок. Двенадцать. — Пг.: Алконост. 1918. — С. 22.

5

Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. — Л., 1975.— С. 112–113.